

«НОРАВАНК»
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

*По материалам
летней школы по национальной безопасности,
организованной НОФ «Нораванк» и
Госкомитетом по науке РА
(12 – 23 июля, г.Ереван)*

Ереван
2010

УДК 32.001 : 351/354
ББК 66 + 67.99(2)1
С 833

*Составитель и главный редактор
АРУТЮНЯН Г.А.*

С 833 Стратегия развития. О некоторых проблемах национальной безопасности. - Ер.: НОФ «Нораванк», 2010. - 244 с.

В сборнике представлены доклады и сопутствующие материалы летней школы 2010г., традиционно организуемой научно-образовательным фондом «Нораванк» и Государственным комитетом РА по науке и посвященной проблемам безопасности Армении и Армянства. Книга представляет интерес для экспертов по разным сферам безопасности, а также читателей, интересующихся вопросами информационной и научно-технологической политики и геополитики.

УДК 32.001 : 351/354
ББК 66 + 67.99(2)1

ISBN 978-9939-825-03-8

© НОФ «Нораванк», 2010г.

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ АВТОРЫ	5
ОТ РЕДАКТОРА	7
<i>Гагик Арутюнян</i>	
СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ	9
Введение	10
Дiasпора, международное признание Геноцида и парадигма развития	13
Распад «системы»: причины и последствия	21
«Мозговые центры» и национальная безопасность	36
Прогнозирование и формирование будущего	51
<i>Homo virtualicus</i> в контексте «постдемократии» и информационной безопасности	67
<i>Мигран Дабар</i>	
ПАМЯТЬ В ОПАСНОСТИ. АРМЯНСКИЙ ОПЫТ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ	81
<i>Ара Марджанян</i>	
НАШЕ БУДУЩЕЕ - ГЛАЗАМИ <i>НИС</i>	95

<i>Давид Бабаян</i>	
ГЛОБАЛЬНАЯ ГИДРОПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМА ВОДЫ В АЗЕРБАЙДЖАНО-КАРАБАХСКИХ ОТНОШЕНИЯХ	142
Глобальная гидрополитика в современных международных отношениях	143
Проблема воды в контексте азербайджано-карабахских отношений	149
<i>Севак Саруханян</i>	
ПЕРСПЕКТИВЫ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В АРМЕНИИ	170
<i>Артур Атанесян</i>	
УГРОЗЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РА: ТРЕХУРОВНЕВЫЙ АНАЛИЗ	183
<i>Лианна Айвазян</i>	
ИМИДЖ СТРАНЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: АТМОСФЕРА XXI ВЕКА	193
<i>Арман Сагателян</i>	
ПОДХОДЫ СТРАН РЕГИОНА К ВОПРОСАМ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	213

НАШИ АВТОРЫ

Гагик Ашотович Арутюнян

Исполнительный директор научно-образовательного фонда «Нораванк», главный редактор журналов «21-й ВЕК» и «Глобус. Национальная безопасность», автор монографии и более 500 научных статей и публикаций.

Мигран Дабаг

Доктор, профессор, директор Института Диаспоры и Геноцида при факультете истории Рурского университета Бохума (Германия). Автор научных статей и публикаций по вопросам Геноцида и исторической памяти, философии истории.

Ара Арутюнович Марджанян

Кандидат технических наук, пост-докторант Национальной лаборатории по возобновляемой энергетике США (NREL). Эксперт по энергетике ООН, координатор проекта по возобновляемой энергетике Мирового банка в Армении. Автор 2-х монографий и более 40 научных статей.

Давид Климович Бабаян

Кандидат исторических наук, начальник Главного информационного управления Аппарата Президента НКР. Автор трех монографий и более 260 научных статей и публикаций.

Севак Норайрович Саруханян

Кандидат политических наук, заместитель директора научно-образовательного фонда «Нораванк», главный редактор журнала «Глобус. Энергетическая и региональная безопасность». Автор двух монографий и более 30 научных статей.

Артур Владимирович Атанесян

Доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии ЕГУ. Автор 5 монографий и более 20 научных статей.

Лианна Размиковна Айвазян

Автор ряда публикаций о внешней политике, взаимовлиянии международных отношений и СМИ – в частности, о медийном имидже стран.

Арман Арменович Сагателян

Вице-президент Армянской ассоциации по связям с общественностью (APRA). Автор более десятка научных статей и публикаций по информационным конфликтам, коммуникативному управлению, пропаганде и контрпропаганде, политическим технологиям.

ОТ РЕДАКТОРА

Организуемые фондом «Нораванк» и Госкомитетом науки РА школы-семинары (их уже окрестили «Нораванковскими чтениями») становятся доброй традицией, а аудитория и круг обсуждаемых тем расширяются. В этом году в центре внимания «чтений» были стратегия развития и концепция национальной памяти, проблемы футурологии и гидрополитики, перспективы атомной энергетики и вопросы информационной безопасности Армении.

Мы далеки от мысли, что проведенная летом этого года школа дала исчерпывающие ответы на эти вопросы. Вместе с тем, основным критерием успеха или неуспеха для мероприятий такого рода считаются реальные результаты. Недаром Чарльз Пирс писал, что «для того, чтобы определить значение интеллектуальной концепции, необходимо понять, какие практические последствия могут быть в обязательном порядке вызваны истинной сущностью этой концепции, и сумма таких последствий составит общее значение концепции». В этом контексте хочется верить, что семинары помогли хоть небольшому, но определенному сегменту нашего аналитического сообщества продвинуться вперед в своих мировоззрениях. Внушает оптимизм и то обстоятельство, что некоторые из «слушателей» школы представляли государственные структуры и, скорее всего, в недалеком будущем будут принимать участие в сложном процессе принятия решений. Надеемся также, что открытая публикация материалов школы, т.е. возможная циркуляция в информационном пространстве озвученных идей и концепций, также будет способствовать реализации задач, сформулированных Чарльзом Пирсом.

По ряду соображений в данный сборник не вошли некоторые из прочтенных докладов, но вместе с тем мы сочли возможным публикацию материалов авторов, которые не смогли участвовать в семинарах. Чтобы помочь читателю составить более целостное представление о затронутых темах, часть разделов была расширена дополнительным материалом.

Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность Комитету науки РА за последовательную помощь, оказываемую «Нораванковским чтениям», а также тем сотрудникам фонда «Нораванк», которые внесли свой вклад в деле организации школы и подготовки к изданию настоящего сборника.

Гагик АРУТЮНЯН
фонд «НОРАВАНК»

Гагик Арутюнян

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

Непобедимость заключается в самом себе,
возможность победы заключена в противнике.
Сунь-Цзы, VI век до н.э.

Введение

Эффективное управление Арменией в нынешней политической ситуации, связанной с проблемой признания НКР и блокадой коммуникаций со стороны Турции, – непростая задача. При малочисленности населения и ограниченности территории важный в терминах национальной безопасности и геополитики критерий «допустимая погрешность» следует оценивать для РА и НКР минимальным, или же – другими словами – цена ошибки при принятии решений очень велика. Вместе с тем «допустимая погрешность» для национального государства состоит из двух частей: с одной стороны, это типы и количество опасностей, с другой – ресурсы для противостояния этим опасностям. В этом плане наличие диаспорального Армянства можно считать дополнительным и весомым национальным ресурсом. Однако сама Диаспора, будучи рассредоточенной по многим странам, в силу своей мультикультурности, наличия иноязычных, иноконфессиональных сегментов и прочих факторов, не является единой и высокоорганизованной структурой, и поэтому, в свою очередь, для функционирования и развития, а в некоторых случаях – для выживания, нуждается в содействии в организационной, духовно-интеллектуальной и материальной сферах.

Отсюда следует, что управление Арменией и Армянством зачастую требует принятия сложных и детально разработанных решений, что возможно лишь при выполнении целого ряда условий. Таким условием, в частности, является то, что политическое и нацио-

нальное руководство должно иметь возможность получать от экспертно-исследовательского сообщества четкую информацию и аналитические разработки относительно:

- Закономерностей и специфичности истории Армении и Армянства («знание прошлого»).
- Интеллектуально-экономического потенциала и проблем национального сообщества с учетом мультикультурности, иноязычия и разноконфессиональности Армянства
- Социально-экономической, демографической и внутривнутриполитической ситуации в РА, НКР и Джавахке.
- Содержания и направленности военно-политических процессов в регионе.
- Логик и тенденций глобальных цивилизационных, геополитических, макроэкономических и социальных процессов (адекватное восприятие мироустройства).
- Возможных развитий и сценариев в военно-политической, социально-экономической и других сферах в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе («знание будущего»).

Вместе с тем эффективное функционирование экспертно-исследовательского сообщества возможно лишь тогда, когда национально-политическая элита:

- ставит четко сформулированные цели, к реализации которых должно стремиться Армянство,
- формирует необходимую и оптимально организованную «критическую массу» интеллектуальных ресурсов,
- обеспечивает обратную положительную связь между экспертным сообществом и политической элитой.

Очевидно, что поставленные задачи – взаимосвязаны, а предварительные условия – весьма непростые. К тому же, эти задачи и условия в свою очередь нуждаются в уточнениях и детализации, что подразумевает комплексные исследования по многим направлениям и трату определенных ресурсов. Поэтому представленные выше тезисы нами воспринимаются лишь как некий методологический контур, которого, по возможности, необходимо придерживаться.

В настоящей работе мы представим наше восприятие ключевых событий – Геноцида и распада СССР, обсудим проблемы национальной безопасности с точки зрения парадигмы развития, рассмотрим методы работы экспертного сообщества и проблему «виртуализации» глобального общества в целом – с точки зрения наших национальных интересов.

ДИАСПОРА, МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ ГЕНОЦИДА И ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ

Английский мыслитель Джон Стюарт Милль еще в 19в. высказался в том духе, что отсутствие серьезных дискуссий вокруг фундаментальных принципов разлагает, искажает эти же принципы или идеи. С этим утверждением трудно не согласиться. Более того, нам представляется совершенно необходимым, чтобы подобные обсуждения национальных проблем носили перманентный характер. Тем более, что без поиска новых подходов решение общеармянских задач (а их достаточно много) как минимум проблематично.

Известно также, что в системе национальной безопасности следует избегать консерватизма при формировании иерархии приоритетов, учитывая, что в этой сфере второстепенных вопросов не существует. Вместе с тем достаточно очевидно, что сегодня наиболее проблематичная критическая инфраструктура Армянства – это диаспоральность, являющаяся главным образом следствием Геноцида армян в Турции.

Традиции и вызовы «постмодерна»

Даже беглого знакомства с ситуацией в Диаспоре достаточно, чтобы осознать, что, наряду с отдельными успехами, в этой сфере у нас есть серьезные проблемы и потери. Общее впечатление таково, что сегодня одной только традиционной стратегии, направленной на выживание «армянских общин», недостаточно для эффективного реагирования на всевозможные вызовы, брошенные этим общинам. Вследствие влияния разнородных внешних и внутренних факторов, характерных для эпохи «постмодерна», принятый в прошлом жизненный уклад сегодня разлагается, и смягчить или, тем более, за-

претить эти влияния практически невозможно. Известно также, что сегодня мы разделены по признакам политической и культурной ориентации, конфессий и языка. Это зачастую не позволяет представителям различных сегментов Армянства воспринимать друг друга как носителей единой цивилизационной общности [1]. Подчеркнем, что все это в несколько смягченной мере относится и к Армении (РА, НКР и Джавахк).

Можно констатировать, что пришло время, чтобы национальная элита попыталась переосмыслить исторически сложившиеся и существующие поныне форматы, а также контент семейной, общинной, партийной, религиозной самоорганизации и разработать новые подходы. Однако тут требуется определенная осмотрительность: если в отмеченных направлениях действительно будут выработаны общественно-политические инновации, то следует избегать применения большевистского лозунга «разрушим старое, построим новое» (тем более когда представления о «новом» туманны и еще не сформировались необходимые предусловия для перехода к новому). Подобные квазиреволюционные подходы провоцируют так называемые «разрывы» в национальной духовной и интеллектуальной сфере, которые тормозят развитие общества. В этом контексте, в частности, сегодня можно услышать мнения о том, что вопрос Геноцида уже «исчерпал» себя, и пришло время сплотить Армянство не вокруг «трагических событий прошлого», а в контексте «актуальных и позитивных» идей.

Проблема международного признания Геноцида

Упомянутая выше постановка вопроса, безусловно, является дилетантской: нужно четко различать вопрос национальной памяти, политические развития в направлении международного признания Геноцида, формирование и осуществление новых панармянских проектов и наряду с этим ясно сознавать, что все эти процессы являются частью одного целого [см., например, 2].

С духовной точки зрения, факт Геноцида и лишения большей части родины (может, нелишне пустить в международный оборот термин «депатриация»¹ и, наряду с «геноцидом», дать этому понятию политико-правовые оценки) составляет часть национального сознания и, согласно этой формулировке, не может быть предметом обсуждений (если, конечно, не будет тотального применения манипулятивных технологий по промыванию мозгов). Заметим также, что и с психологической точки зрения память об этой трагедии содержит мотивацию для применения компенсаторных действий, одним из выражений которых является политический процесс международного признания Геноцида.

Но процесс признания Геноцида имеет для Армянства не только нравственное, но и политическое значение. Сформировавшиеся в международном сообществе подходы к этому вопросу отражаются на «рейтинге» Турции и, частично, ее союзника Азербайджана, определяя их в качестве «геноцидогенных» стран. Таким образом, процесс международного признания Геноцида с точки зрения возможных турецко-азербайджанских поползновений является своеобразной смирительной рубашкой и повышает уровень национальной безопасности Армении. Этот фактор служит также дополнительным обоснованием нашей позиции в переговорах по проблеме НКР, а международное муссирование вопроса по ходу последних армяно-турецких дипломатических баталий определенным образом способствовало укреплению позиций РА. Наряду с этим, как известно, довольно эффективны и достойны особого внимания сопутствующие признанию Геноцида актуализация вопросов сохранения культурного наследия и судебные процессы по отдельным имущественно-материальным ценностям.

В то же время у многих аналитиков складывается вполне определенное мнение, что до сих пор политический фактор Геноцида больше используется другими. Например, столь долгожданное слово «геноцид» из уст президента США было произнесено, как следует

¹ Некоторые исследователи предлагают термин «патрицид».

из статьи А.Наапетяна¹, еще 22 апреля 1981г. В тексте президентского выступления под номером 4838 по случаю Дня поминовения Холокоста Рональд Рейган отметил: «Уроки Холокоста не должны быть забыты, как не должны быть забыты предшествующие Холокосту геноцид армян и следующий за ним геноцид в Камбодже...». Однако заметим, что такое заявление укладывалось в логику Холодной войны и было направлено против СССР, поскольку содействие начавшимся в советские годы в Армении (а также в других республиках) национальным движениям исходило из интересов Соединенных Штатов². Сегодня ситуация иная, и в ближайшем будущем президент США вряд ли произнесет слово «геноцид», поскольку это пока противоречит нынешней политике этой державы.

Однако также очевидно, что даже если весь мир признает факт Геноцида, то это отнюдь не означает, что Западная Армения будет возвращена Армянству и решатся все наши проблемы. В этом вопросе, пожалуй, нужно отказаться от переоценки еврейского прецедента. Признание Холокоста Германией и выполнение репараций было обусловлено поражением этой страны: в Берлине стояли войска союзников, а в Нюрнберге шел известный процесс. Заметим также, что евреи сами «подготовили» создание своего государства продолжающейся десятилетиями целенаправленной интеллектуально-идеологической и организационно-экономической работой. В нашем же случае даже признание Турцией факта Геноцида (это более чем гипотетический вариант и никак не ассоциируется с нынешними властями этой страны), по всей вероятности, примет приблизительно такую форму, свидетелями которой мы стали, когда парламент Сербии выразил сожаление по поводу действий против населения Боснии. Анкара согласится на компенсации только в том случае, если окажется в статусе распавшейся страны.

¹ Наапетян А., Разве Соединенные Штаты не признали Геноцид армян?

<http://www.noravank.am/ru/?page=analytics&nid=2430>.

² Не вызывает сомнений то обстоятельство, что победа в Карабахском конфликте была обусловлена наличием перманентного национального движения во Второй республике, и в этом контексте справедливости ради нужно отметить, что в национальных вопросах получаемая «извне» поддержка, сколь бы мала она ни была, совпадала с нашими национальными интересами.

Таким образом, можно констатировать, что процесс международного признания Геноцида, наряду со своим в целом положительным значением, имеет определенные ограничения эффективности и не может служить конечной целью Армении и Армянства. Иными словами, если даже факт Геноцида будет признан повсеместно, то представления о том, какой после этого должна быть политическая стратегия Армянства, весьма туманны. Отсутствие четкого ответа на этот вопрос свидетельствует о том, что в нашем обществе пока нет соответствующим образом организованной необходимой критической концентрации интеллектуальных ресурсов для стратегического планирования и разработки различных сценариев будущего. Между тем наличие подобного интеллектуального потенциала общества непосредственно коррелируется с понятием Национальная безопасность (*НБ*).

Современные интерпретации «национальной безопасности» и стратегия развития

В информационную эпоху смысл и содержание системы *НБ* подвергается определенным трансформациям, и, в дополнение к прежним представлениям о необходимых ресурсах для обеспечения безопасности, одним из главных критериев *НБ* стала способность общества формировать оптимальную идеологическую среду и обеспечивать развитие в целом [3]. В контексте последнего, в частности, признается, что считавшаяся ранее эффективной система «вызов – адекватный ответ» в современных условиях уже недостаточна, и применение только этого принципа может даже завести в тупик¹. В частности, новые подходы, согласно фундаментальному труду А.Владимирова, предполагают, что «согласование парадигм развития и безо-

¹ В связи с этим отметим, что классический принцип *НБ* «вызов – адекватный ответ» имеет несколько пассивную формулировку и, кажется, не предполагает формирования превентивных «вызовов» в отношении конкурентов. Как известно, этот принцип *НБ* был существенно «отредактирован» сравнительно недавно, при администрации Буша, когда на концептуальном уровне была разработана и осуществлена «гиперпревентивная» доктрина, проявлением которой стали военные кампании в Афганистане и Ираке.

пасности возможно через диалектику принципа “безопасность через развитие и развитие через безопасность” [4]. Рассматривая вопросы безопасности по такой методологии, можно прийти к следующему не столь сложному выводу: основным «ответственным» за процесс развития (т.е. безопасности) или, иными словами, *критической инфраструктурой* являются человек и человеческое общество, уровнем развития (в нашей интерпретации – способностей организации, приобретения знаний и их применения) которых обусловлена безопасность нации и государства. Отсюда следует также, что развитие является одним из выражений стратегии, которая предполагает продвижение и «маленькими шагами», и «прорывом» (после накопления критического количества достижений «маленькими шагами»), что, согласно классической китайской формулировке, обеспечивает «захват будущего и его использование в собственных целях». Представляется также, что воспринимаемая в этом аспекте стратегия развития должна перерасти в доминирующую национальную идею.

Рассматривая в таком контексте задачи будущего Армянства и Армении, приходится констатировать, что с точки зрения развития у нас есть серьезные проблемы. И дело не только в том, что сегодня многие исследователи наглядно указывают на падение уровня образования и деинтеллектуализацию общества в глобальном масштабе.

Известно, что интеллектуальный потенциал Армении за последние 20 лет качественно снизился, а проекты развития этой сферы пока не внушают большого оптимизма и к тому же носят теоретический характер. Между тем институционально важные элементы государства в терминах национальной безопасности должны представлять собой силовые (в первую очередь военные) и научные структуры, и если первые в Армении состоялись, то в связи со вторыми у нас есть множество проблем. Примечательно, что приоритетной задачей так называемой стратегической разведки является оценка научно-технических ресурсов условного противника, под которыми в первую очередь понимаются люди – носители знаний и технологий [5, с. 27]. Считается, что остальные области (армия, про-

мышленность, финансовая система и т.д.) являются производными от научно-технического потенциала.

Еще менее удовлетворительно обстоят дела в Диаспоре, где пока не сформировалось осознание важности и необходимости национальной науки¹, соответствующие мышление и культура². Как известно, в зарубежье действуют тысячи армянских общественно-политических организаций, которые, однако, редко обращаются к научно-образовательной сфере (заметим, что другие национальные сообщества, имеющие диаспору, создали множество фондов, спонсирующих научно-образовательную деятельность). В этом контексте следует констатировать также, что пока у нас нет осознанной положительной обратной связи «национальный капитал – национальная наука», которая при отсутствии необходимых государственных ресурсов могла бы частично смягчить ситуацию (в этом плане в Армении к исключениям можно отнести компанию *ARG* (Армросгазпром), а в Диаспоре, пожалуй, фонд Галуста Гюлбенкяна). Подчеркнем, что здесь мы не рассматриваем вопрос общинных и воскресных школ, у которых более *армяносохраняющая* направленность. Впрочем, и в этом плане мы сегодня оказались в кризисной ситуации.

Добавим также, что это стратегическое упущение обусловлено не относительной скудостью национальных материальных средств³, а тем, что повседневное бытовое мировосприятие армянской предпринимательской элиты пока не доросло до национальных мировоззренческих подходов. Зачастую в качестве сверхзадачи воспринимается исключительно процесс признания Геноцида, на лоббинг

¹ Под этим определением следует понимать исследовательскую деятельность, которая в той или иной форме (вовсе не обязательно по результатам прикладного значения) соответствует национальным интересам.

² Характерный пример: созданная в РА при содействии американского предпринимателя армянского происхождения Дж. Гафесчяна лаборатория «*H2 ECOnotu*», занимающаяся топливными батареями и вопросами водородной энергетики и единственная в своем роде в регионе, эффективно поработав около 8 лет, недавно закрылась из-за «низкой рентабельности».

³ Известно, что определенная ограниченность национальных материальных средств также обусловлена слабой развитостью научно-образовательной сферы Армянства: в частности, армянский капитал (и в Диаспоре, и в Армении) более чем скромнен в сфере высоких технологий, считающихся сегодня наиболее прибыльными.

которого, например, в США, расходуются достаточно большие средства, чрезвычайное значение придается строительству церквей и памятников. Конечно, неоспоримо, что все это крайне важно, однако наряду с этим упускается самое главное – формирование и развитие человеческого капитала, что ставит под угрозу нашу национальную безопасность.

Между тем практически не вызывает сомнений то, что еще совсем недавно, в годы Второй республики, обстановка, связанная с интеллектуальным потенциалом, у нас была намного лучше. Очевидно также, что в те годы были свои и более чем веские причины, препятствующие созданию и реализации национальных проектов. Однако сегодня складывается впечатление, что наше сообщество пока не сформировало более или менее корректных и адекватных представлений о советском периоде нашей истории, о причинах и последствиях распада коммунистической системы.

Источники и литература

1. *Арутюнян Г.*, Цивилизационный и идеологический контекст информационной безопасности, в кн. «О некоторых проблемах информационной безопасности», (по материалам осенней школы по информационной безопасности, организованной НОФ «Нораванк» и Госкомитетом по науке РА), Ереван, 2009, с. 4.
2. *Мигран Дабаг*, Память в опасности. Армянский опыт в контексте новой международной политики, 21-й Век, # 1, 2011, (в печати).
3. *Арутюнян Г.*, Идеология и информационная безопасность, 21-й Век, 2009, #4.
4. *Владимиров А.*, Государство и война. Политический класс, 2009, #2 (50), с. 95.
5. *Вашингтон Плэтт*, Стратегическая разведка. М., 1997.

РАСПАД «СИСТЕМЫ»: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

После коммунистов я больше всего
ненавижу антикоммунистов...
Сергей Довлатов, «Соло на IBM».

Прошло более 20 лет с того дня (9 ноября 1989г.), когда патрули ГДР, охраняющие символ биполярного мира и Холодной войны – «берлинскую стену», покинули свои посты и Германия де-факто объединилась. Осколки рухнувшей «стены» превратились в бойко продаваемые сувениры и тем самым как бы остались символами, но уже новой эпохи. Спустя же два года держава под названием СССР и «социалистический лагерь» в целом уже перестали существовать.

Произошедшее зачастую квалифицируют как «окончание Холодной войны», «победу демократии», однако можно встретить также определения типа «геополитическая трагедия» или «цивилизационный коллапс». Как бы то ни было, «разрушение стены» возвестило начало новой, существенно отличающейся от предыдущей эпохи, порой именуемой «постмодерн». Не случайно, что международная общественность отметила двадцатилетие этого события с большой помпой: были организованы официальные торжества, а в СМИ и политологических кругах прошли широкие дискуссии. Между тем в отечественном информационном пространстве откликов на эту тему было не так уж и много.

Армянские реалии

20 лет назад наша «берлинская стена» пролегла по Лачинскому коридору, и объединение и относительное восстановление территориальной целостности в результате войны состоялось лишь в 1994г., когда в Бишкеке было заключено соглашение о прекращении огня. В армянском обществе тогда доминировали идеи, имеющие в основном национальные и исторические корни. Это придавало определенное своеобразие происходящим общественно-политическим развитиям, которые, тем не менее, подчинялись логике глобального процесса разрушения «соцсистемы» и создания нового миропорядка. Однако этот и последующий периоды, несмотря на отдельные попытки, до сих пор комплексно не изучены. Отчасти это является следствием того, что Арм.ССР, или Вторая республика, преобразовавшись в Третью республику, вышла из имперского научно-образовательного и культурного пространства, что должно было привести к ее неизбежной изоляции и заметному сужению кругозора общества в целом¹. Как следствие, сегодня явления, выходящие за рамки локальных представлений, оцениваются у нас не всегда адекватно, а порой и вообще не воспринимаются.

В частности, системные изменения 90-х годов прошлого века несколько примитивно классифицируются всего лишь как «завоевание независимости», а некоторые исследователи даже полагают, что в СССР у Армении был статус колонии. Подобный сомнительный тезис является наследием незатейливых советских обществоведческих представлений, имеющих в своей основе методологию перманентной и оголтелой критики британского колониализма (а в дальнейшем и так называемого неоколониализма) советским агитпропом.

Преемник Российской империи, Советский Союз при всех своих минусах и плюсах был уникальным явлением и фактически представлял собой крупный геополитический проект. Сравнения

¹ Возможно, что подобная невольна создававшаяся ситуация (правда, в разумно ограниченном временном интервале) имеет и свою положительную сторону, так как у определенного сегмента населения Армении возникла своеобразная интровертность – концентрация на решении собственных национальных, а не общемировых проблем, чем зачастую увлекалась наша национальная элита как в начале, так в конце прошлого века.

с другими имперскими конструкциями в контексте этих реалий не всегда уместны, и дело тут не только в евразийской, континентальной природе советской империи. Статус, реальные права и обязанности всех народов СССР (включая русских) и их административных образований, практически ничем не отличались друг от друга. То же самое относится к не входящим в состав метрополии странам «соцлагеря», или же, как их было принято называть, странам «народной демократии». Более того, в этих, так называемых «вассальных», странах со свободами дела обстояли намного лучше. Некоторые же народы (в частности, в азиатской части СССР) благодаря советской системе обрели письменность, литературу и современную культуру, в их автономных республиках и областях были основаны университеты, филиалы академии наук, оперы и филармонические оркестры, что сыграло решающую роль в их развитии.

Что касается Армении, то следует признать, что, несмотря на драматические испытания, выпавшие на ее долю, как, впрочем, и на долю других народов СССР (репрессии, игнорирование и фальсификация национально-исторических вопросов, а также разного рода «перегибы» и проявления «волюнтаризма»), советские годы для нас тоже стали весьма важным и продуктивным этапом в плане научно-технологического и духовно-культурного развития.

Список превратных представлений о советском прошлом можно продолжить, однако заметим, что они не всегда являются наследием советского прошлого, в гуманитарной сфере которого господствовали официозные идеологические стереотипы. Сегодня также отчетливо видны тенденции манипулирования и промывания национальной памяти, свидетельствующие о применении современных технологий из области информационно-онтологических войн и *nation bulding*. В результате, в СМИ можно встретить относящиеся к советскому периоду преимущественно «трагические» или «иронические» материалы, а также призывы вырваться из «когтей прошлого». Форма, дух и «черно-белые» подходы этих явно «экспортных» материалов в свою очередь также удивительным образом напоминают пресловутый большевистский «агитпроп».

Вместе с тем сегодня предпринимаются попытки более комплексного анализа нашей новейшей истории: издаются отдельные заслуживающие внимания исследования и воспоминания. Однако вследствие малого тиража подобной литературы, отсутствия соответствующего *PR* (что сегодня обязательно) и заметной утраты «книжной культуры» и чтения вообще эти исследования весьма слабо отражаются в информационном пространстве и не запечатлеваются в сознании общественности, в частности, молодежи.

Приведенные соображения отнюдь не предполагают создание «Краткого курса истории ВКПб» в сталинском духе, в котором будут даны однозначные оценки недавнему прошлому. Подходы могут быть разными и даже взаимоисключающими, однако их наличие сформирует развитые представления в обществе о нашем достойно пройденном трудном пути. Все это важно не только с познавательной точки зрения: известно, что осознание преемственности собственной истории является одним из краеугольных камней национально-информационной безопасности и национальной идеологии.

Однако вернемся к «берлинской стене». Последние двадцать лет в СМИ и экспертной литературе можно встретить много версий «разрушения стены». Некоторые из них даже довольно любопытна. Например, Максим Калашников в своей несколько эпатажной и экстравагантной, но интересной книге считает, что «гибель СССР – это цепь маловероятных катастроф», имея в виду «Чернобыль, Спитакское землетрясение, гибель теплохода «Нахимов, гибель двух атомных подлодок, страшную резню в Сумгаите, война в Карабахе и Южной Осетии, железнодорожную катастрофу под Уфой» [1]. Однако тут следует отметить, что приведенные автором межнациональные конфликты зрели в Советском Союзе давно, и ничего особо маловероятного тут не было...

Впрочем, наличие множеств версий позволяет еще раз констатировать тот факт, что такое глобальное явление, как распад «соцлагеря», не могло произойти по причине лишь одного или даже нескольких десятков или сотен обстоятельств. В этом контексте мы также попытаемся представить наше видение этого феномена.

«Внешний фактор»

Главной «внешней» причиной распада «системы», конечно же, была скоординированная, последовательная и комплексная борьба США и их союзников в Холодной войне против СССР и «соцлагеря». Эта борьба включала создание – не без помощи, конечно же, СССР – в Латинской Америке, Африке, Афганистане и в других «горячих точках» так называемых «черных дыр», поглощающих военно-политические ресурсы «советов», экономический прессинг (достаточно вспомнить истощающую «гонку вооружений» и «звездные войны», манипуляции с ценами на нефть), информационно-психологическое воздействие (в частности, в виде радиопередач, в которых очень умело создавался безупречный «образ» Запада и мрачная реальность «соцлагеря», распространения «диссидентской» литературы и т.д.). Следует признать, что Холодная война завершилась полным поражением СССР и соцсистемы в целом.

В то же время в определенных историографических кругах распад системы порой интерпретируется исключительно как результат деятельности во время «перестройки» западных спецслужб и завербованных ими политических и экономических «агентов влияния». Заметим, что этим «агентам влияния» приписываются многие неблагоприятные дела и в постсоветский период.

Из этих, часто документально подтвержденных, наблюдений следует, что спецслужбы действительно сыграли важную роль в деле «распада». Существуют, например, свидетельства того, что не только среди рядовых граждан, но на самом высоком уровне советского руководства были персоны, действующие против СССР и в интересах США. В частности, эффективно действовала так называемая технология «Золотой осел»¹, предполагающая подкуп и соответствующее ориентирование нужных политических деятелей. Надо

¹Это выражение приписывают Филиппу Македонскому, который по одному поводу сказал, что для взятия городов нужно отправлять не солдат, а «загруженных золотом ослов», дабы «купить» противника. Подобная технология, называемая в экспертных и журналистских кругах «Золотой осел» и сопровождающая всю историю человечества, сегодня «легитимизировалась» и существенно усовершенствовалась (с учетом, в частности, множества «грантовых» программ, возможностей современной банковской системы и сетевой организации самой, зачастую «в темную» используемой агентуры влияния). Методика «Золотого осла» сегодня занимает важное и узаконенное место в концепциях не только спецслужб, но и военно-политической, дипломатической и информационной сферы некоторых держав.

полагать, что вышеупомянутые методы внешнего воздействия – разумеется, в намного меньших масштабах – применялись в те годы также в Армении, и никак нельзя исключить, что подобная деятельность осуществляется и сегодня.

В контексте вышеизложенного публичные выступления западных деятелей о том, что якобы процессы тех лет были для них «неожиданностью», звучат не очень убедительно. Любопытно, что им вторят и некоторые российские исследователи [2]. Между тем западные политики во время встреч «без прессы» высказываются совсем иначе. Например, в 1995г. президент США Билл Клинтон во время «закрытого» совещания с начальниками штабов заявил, что «проводимая в течение последних десяти лет против СССР политика доказала, что курс, направленный на уничтожение одной из сильных мировых держав, был верным ... Используя ошибки советской дипломатии, излишнюю самоуверенность Горбачева и его окружения, в том числе тех, *кто занял очевидно проамериканскую позицию*, мы добились того, что собирался сделать президент Соединенных Штатов Трумэн посредством атомной бомбы» [3].

Однако следует признать, что США и союзники действовали в соответствии со своими национальными интересами, и обвинения в адрес Запада может и понятны в эмоциональном плане, однако не совсем убедительны: «условный противник» действовал в духе Холодной войны с применением принятых в этой войне методов. Крайне важно также то обстоятельство, что эти действия «условного противника» находили отклик в советском обществе, некоторые представители которого и вовсе не считали США за противника. Часть так называемых «агентов влияния» действовала как бы по «идейным соображениям» и искренне считала, что необходимо любыми средствами изменить существовавшую систему, так как это пойдет на благо страны. Правда, при этом часто нивелировались понятия «родина» и «неудобная политическая система», как это имело место у российских социал-демократов накануне октябрьской революции 1917г., со всеми вытекающими отсюда известными последствиями. Таким образом, для распада системы налицо были также все «внутренние» предпосылки.

«Внутренний фактор»

Советская система была создана в результате революционного насилия, и откровенный «террор» против собственного народа по разным мотивам и без оных продлился около 36 лет (1917-1953гг.), до смерти Сталина (см. например [4]). Согласно данными «Комиссии по оправданию жертв политических репрессий» при президенте РФ, их число составляет около 32 млн. человек, из коих 13 млн. – в результате Гражданской войны, а часть огромного числа (около 30 млн.) жертв Отечественной войны также можно объяснить «особенностями» тоталитарного режима, когда проводили масштабные операции, абсолютно не считаясь огромными потерями¹. Жертвой террора стал не только «человеческий ресурс» и «человеческий капитал»: был уничтожен также огромный пласт духовно-интеллектуальных и культурных, а также материальных ценностей, столетиями создаваемый в многонациональной Российской империи (см. например, [5]).

Известно, что в постсталинский период «система» всего лишь смягчилась, и «национальный» и «человеческий» факторы по-прежнему не представляли особой ценности. Поэтому можно лишь отчасти согласиться с теми исследователями советской эпохи, которые считают, что со смертью Сталина тоталитарный режим сменился авторитарным (см.[6]). «Перестройка» позволила всему советскому обществу, равно как и населению республик, имевших национальные проблемы, выразить накопившийся десятилетиями протест. Своеобразной формой недовольства «системой» была также сама политика «перестройки», проводимая партийной «номенклатурой» или, по крайней мере, ее определенной частью. Хорошо известно, что и в этой сфере было – по словам Высоцкого – «все не так»: партийная верхушка практически утратила способность эффективно управлять страной. Похоже, что «командно-административные» управленцы могли быть эффективными лишь в паре с ре-

¹См. <http://www.lenta.ru/russia/2001/10/29/yakovlev/>. Отметим также, что из заключения комиссии следует, что число подсчитанных жертв не полное.

прессивным аппаратом, иначе они выглядели крайне «бледными», как это можно понять даже из их собственных мемуаров (см., например, [7]). Неудивительно, что подобная номенклатура в лице ГКЧП не смогла толком организовать даже путч против «новаторов» из своих же рядов [8].

Именно это недовольство и формирование критической массы протестующих против «системы», резонируя с «внешним» влиянием по рецептам Холодной войны, разрушили «соцлагерь». Заметим также, что «распад» произошел тогда, когда началась информационная революция: в сложившихся новых реалиях уже невозможно было представить изолированные системы размером в 1/6 планеты, какой был СССР. Нельзя также исключить, что если бы та «система» сохранилась до эпохи Интернета, то сценарии распада, скорее всего, проходили бы в более мягком режиме, т.к. у «протестной массы» были бы не отвлеченные, а более адекватные представления об окружающем мире.

Общество вне системы

Известно, что даже в «несвободных» государствах творческие личности и общество в целом находят формы своего самовыражения. В нашем случае этому очень способствовало то, что идея создания сильной советской державы и придание важности идеологическому фактору диктовали коммунистическому руководству создание целостного, развитого и широкомасштабного военно-промышленного, научно-образовательного и культурного комплекса. В результате, СССР (а в дальнейшем также его союзники¹) превратился в страну с высокоразвитой наукой, технологиями и культурой, на основе которой был сформирована новая, уже советская интеллигенция – носительница глубоких знаний и духовных ценностей. Воспользовав-

¹ Отражением этих реалий является, например, тот факт, что некоторые страны «соцлагеря», несмотря на отставание в экономической сфере (например – Куба), по своим социально-здравоохранительным, образовательным и ряду других критериев до сих пор превосходят своих «капиталистически развитых» соседей.

шись хрущевской «оттепелью» и частичными реформами, эта творческая элита, похоже, в определенной мере взяла на себя миссию духовного лидера советского народа.

Для значительной части общества гораздо важнее были не речи партийных вождей или тезисы съездов, а слова и мысли пользующихся авторитетом ученых и писателей, певцов и бардов (В.Высоцкий, Б.Окуджава и др.), удавшиеся книги, постановки и кинофильмы. Важное значение приобрели «диссидентские»¹ и национальные движения: многие, несмотря на преследования, распространяли и читали так называемый «самиздат» и «тамиздат». Следует особо отметить, что палитра протестного движения была очень пестрой: некоторые ратовали за «истинный социализм», другие это мировоззрение безжалостно критиковали, особую позицию занимали «почвенники», а против них боролись либералы, иного рода проблемы заботили представителей национальных движений и т.д. (см., например, [6, 9]). Однако их всех объединял протест против монопартийной и уже порядком окостеневшей системы и идеологического диктата.

Между тем примечательно, что осуждаемая в протестном обществе система ценностей и ее носитель – герой множества анекдотов советский человек (*homo soveticus*), в отличие от нынешнего *homo economicus*, сегодня котируется достаточно высоко. В частности, как в Армении, так и в России некоторые священнослужители сегодня высказывают убежденность, что граждане атеистического СССР зачастую стояли намного ближе к истинным христианским

¹ Примечательно, что, согласно версиям российских политологов Сергея Кургиняна и Александра Дугина, «диссидентским» движением в СССР руководил КГБ, поскольку комитет был недоволен «системой» (Ал.Дугин квалифицирует КГБ как «атлантический орден» в СССР). Известно что в мировой практике сотрудничество между спецслужбами и антигосударственными организациями – явление не экстраординарное. К тому же, специальные службы, как правило, всегда бывают более осведомленными относительно царящей в стране ситуации, и в этом плане КГБ должен был еще в 70-х прогнозировать, что «система» перерождается и проигрывает Западу. Это, равно как и определенное взаимодействие (в контексте ряда документальных реалий) элиты «диссидентского движения» и высших эшелонов КГБ, не звучит фантастикой. Однако считать, что диссидентским движением руководил КГБ и это стало основной причиной распада СССР, как это предполагают С.Кургинян и Ал.Дугин, конечно же, преувеличение.

ценностям и понятиям, нежели те, кто живет в условиях нынешней «свободы совести и религии» и соблюдает лишь формальную религиозную ритуалистику. В этом контексте можно сказать, что, следуя перенятому у А.Чехова перестроечному лозунгу о необходимости «выжать из себя раба», постсоветское общество «выжало из себя» и некоторые весьма ценные качества (об особенностях «советской цивилизации» см. фундаментальный труд Сергея Кара-Мурзы [10]).

Однако наряду с этим политическое мировосприятие «протестующей» части советского общества было более чем наивным и бесхитростным. Единственной альтернативой коммунистическому режиму представлялся идеализированный «свободный мир», и даже малейшее недоверие в отношении «Запада» воспринималось как выражение официальной пропаганды либо, по меньшей мере, как заблуждение. Это особенно «материализованно» проявилось во время реформ 90-ых и как метко пишет Сергей Кара-Мурза, «произошел сдвиг от реалистического мышления к аутистическому», цель которого – создать приятные представления и вытеснить неприятные. Понимание того, что западная модель также является своеобразной «системой» и не менее жесткой, пришло позже. Характерно, что публично эти реалии признали лишь очень немногие советские «диссиденты»: скорее всего, для многих подобное признание, подразумевающее пересмотр и переосмысление собственных взглядов, оказалось невозможным в психологическом (а возможно – и в интеллектуальном) плане¹. Поэтому многие, и это характерно также для некоторых политических и общественных деятелей Армении, остались на позициях «кухонного антикоммунизма», что сегодня выглядит просто как нонсенс.

Возвращаясь же к теме причин распада, можно констатировать, что в 80-ые годы в СССР была накоплена некая критическая масса интеллектуальных ресурсов, которые уже не могли жить по канонам порядком деградировавшей системы. Но вместе с тем эти

¹ Среди них особое место занимает проф. Александр Зиновьев (1922-2006гг.), который за свою распространяемую «самиздатом» книгу «Зияющие высоты» в 1978г. был выслан из СССР. Вернувшись в «новую Россию», он выступил с публичной критикой недостатков «западной системы» и опубликовал по этой проблематике фундаментальные научные труды.

интеллектуалы крайне плохо представляли постсоветское будущее, которое весьма жестко обошлось в первую очередь с теми же с интеллектуалами с российско-интеллигентским уклоном.

Последствия и возможные перспективы

Распад СССР и «соцлагеря» произошел в режиме революции, которую можно назвать неоклассической, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями: межнациональные войны, беженцы и беспризорники, резкий рост преступности, распад управленческой системы, катастрофическое падение экономики и жизненного уровня: достаточно отметить, что по сей день ВВП далеко не всех постсоветских республик достигло советского периода, а в России даже по данным 2005г. средний уровень зарплат и доходов на душу населения по сравнению с «дореволюционным периодом» снизился в два раза, пенсии – в 2,5 раза, а студенческие стипендии – в 7 раз. Естественным образом все это сказалось на демографической ситуации: численность населения России в 1993г. составляла 148,9 млн. человек против 141,9 млн. в 2009г. Российский Институт демографических исследований прогнозирует, что в период с 2008 по 2025гг. естественная убыль населения составит 11 млн. человек. По оценкам Генпрокуратуры России число беспризорников составляет около 4 млн., что больше, чем было после войны в 1945г.¹ Такие же неутешительные демографические данные по Армении.

В 1991г. в Армении проживало 3,5 млн. человек, а по данным Национальной службы статистики, численность населения республики на 1 апреля 2009г. составляла 3.2 млн. По данным Агентства миграции Министерства территориального управления РА и доклада ООН «Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие», за последние 20 лет из Армении эмигрировал 1 млн. человек, что составляет треть от общего числа населения страны².

Особенно сильно пострадала научная сфера. В советское вре-

¹ <http://genproc.gov.ru/management/interview/document-5/>.

² <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/161312/>.

мя финансирование науки немногим уступало финансированию науки в развитых странах и составляло приблизительно 2,3-2,5% от ВВП. В настоящее же время финансирование российской науки составляет около 0,3% ВВП, но ВВП сократился почти в три раза, так что сокращение финансирования науки произошло не в шесть, а в 30 раз¹. Такого же порядка цифры и по Армении: по оценкам Госкомитета науки РА научная сфера сегодня финансируется примерно 50 раз меньше, чем в советское время. В этом контексте нелишне отметить, что в 1990-1995гг. в России годичный тираж журналов уменьшился почти в 17 раз [11]. В Армении спад интереса к литературе выразился, например, в сокращении количества книжных магазинов: на сегодня в Ереване действует всего несколько книжных магазинов, хотя в свое время они исчислялись десятками.

Очень быстро улетучились и иллюзии относительно окончания Холодной войны и наступления эры добрососедства с Западом. Оказалось, что геополитическое противостояние остается в силе, и вслед за Первой очень быстро наступила Вторая холодная война, во многом более изощренная (в частности, в информационно-онтологической сфере) и опасная [12].

Очевидно, что для полноценной оценки социально-экономических последствий распада необходимы комплексные исследования, и данный вопрос особо актуален для Армении. Во всех случаях очевидно, что произошедшее никак нельзя назвать бескровной революцией, как это пытаются представить некоторые исследователи и политические деятели. Можно констатировать, что организованная как некое мероприятие в советском духе «перестройка» была одним из тяжких преступлений, совершенных коммунистической номенклатурой [13]. Безусловно, реформы можно было провести более обдуманно и в очередной раз не потерять накопленный в течение десятилетий советской державы «человеческий капитал», огромные духовные, интеллектуальные и материальные ценности и потенциал, и все это в полной мере относится и к Армении.

¹ Бабкин В.И., Завершающий этап ликвидации научно-технического комплекса страны. <http://eqworld.ipmnet.ru/ru/info/sci-edu/babkin04.htm>.

Вместе с тем, распад «социализма» определенным образом отрицательно сказался также на одержавшем победу «свободном мире». Трудно не согласиться с теми западными и российскими исследователями – в том числе такими известными, как И.Валлерстайном и М.Делягин, – согласно которым, отсутствие конкуренции систем в постсоветских реалиях в определенном смысле разложило Запад, привело к фетишизации неолиберализма, размыванию понятия «государство» и наступлению эпохи «постмодерна» в терминах вседозволенности (см., например, [13-15]). Сегодня во многих исследованиях аргументированно доказывается, что ныне наступила эпоха «постдемократии» или же «неототалитаризма», в которой демократические институты играют роль формальной атрибутики, а миром стали править транснациональные компании или же, по меткому выражению Михаила Делягина, – «неокочевники» (см., например, [14-17]). В этом контексте неудивительно, что в современном и почти всеобщем «демократическом», но вместе с тем не столь «свободном» и по сути уже в «постдемократическом» мире формируется новое «инакомыслие» и «диссидентство», которое может перерасти в революционное движение (см., например, [18]).

Нынешними диссидентами зачастую являются занимающие высокие позиции в обществе представители университетских, академических кругов (как в свое время А.Сахаров или тот же Ал.Зиновьев), а порой даже государственные и политические деятели. Примечательно, что в политико-идеологической плоскости, хотя и в новой редакции, вновь активизировались своего рода неосоциалистические установки. Подобные идеи более чем положительно воспринимаются обществом, где также зреет недовольство существующим положением, и это стало особенно заметно после системного кризиса 2009г. В этом аспекте весьма характерны результаты недавнего соцопроса в Германии, когда примерно 90% опрошенных высказались против капитализма¹. Происходящее можно условно назвать конверген-

¹ <http://lenta.ru/news/2010/08/18/kapitalismus/>.

ционными¹ процессами в стиле «постмодерн», когда в отсутствие реальной «соцсистемы» взаимодействие происходит на идеологическом, в некотором смысле виртуальном, уровне. Все это свидетельствует о том, что явления «системного распада» могут повториться и в дальнейшем, однако на этот раз в гораздо более глобальных масштабах (эти вопросы более подробно обсуждены в разделе «Формирование будущего»).

Вместе с тем можно предположить, что, несмотря на пессимистические прогнозы, запас прочности современной «постдемократии» намного больше, чем у «развитого социализма». В числе прочих факторов в этом контексте весьма важную роль играют те исследовательские институты и/или «мозговые центры» (think-tank), которые, в частности, разрабатывают эффективные технологии для управления обществом. Но об этом – в следующем разделе.

Источники и литература

1. *Калашников М.*, Глобальный смуткризис: смена исторических эпох неизбежна. М. – ФОЛИО, 2009.
2. *Гайдар Е.*, Гибель империи: уроки для современной России. М. – Росспэн, 2007.
3. *Ченгаев В.Л., Баленко С.В.*, Условия возникновения вооруженных конфликтов в 21-м веке на территории РФ и возможный их характер в период обострения военно-политической обстановки. «Военная мысль», #9, 2009, с. 2.
4. Красная книга ВЧК, (в 2-х томах). М. – Политиздат, 1989
5. *Бунич И.*, Пятисотлетняя война в России (в 2-х томах), СПб – «Облик», 1997.

¹Согласно возникшей в 60-х годах прошлого века теории конвергенции (Джон Гелбрайт, Питирим Сорокин и др.), между социалистической и либеральной системами происходит определенное концептуальное сближение, встречное движение. В результате в США развивалась система государственного планирования, а в СССР – подход получения выгоды от экономической деятельности. В СССР было достаточно много сторонников этой концепции, среди них и академик А.Сахаров.

6. *Шубин А.В.* Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М. – Вече, 2008.
7. *Гришин В.*, Катастрофа: от Хрущева да Горбачева, М. – Алгоритм, ЭКСМО, 2010.
8. *Крючков В.*, Личное дело, т.2, М.; «Олимп» АСТ, 1996, *Кеворков В.*, Кремлевская оперетка: политический триллер, М. – «ГЕЯ», 1997, *Вареников В.*, Дело ГКЧП, М. – Алгоритм, ЭКСМО, 2010.
9. *Манукян А.*, Политическое инакомыслие в Армении (1950-1988гг.). Ер. – Амроц Групп, 2005 (на арм. языке).
10. *Кара-Мурза С.*, Советская цивилизация, http://www.kara-murza.ru/books/sc_a/sc_a_content.htm, *Сергей Кара-Мурза*, Кого будем защищать, М. – ЭКСМО, Алгоритм, 2009.
11. *Дубин Б.*, Pro et Contra. т.13, # 1, с.6, 2009.
12. *Тер-Арутюнянц Г.*, Холодная война – 2. «Голос Армении», 04.12.2003; *Тер-Арутюнянц Г.*, Многополярная и асимметричная Холодная война. Вестник Академии Военных наук, #4(21), 2007, с. 23.
13. *Уткин А.*, Измена Генсека: бегство из Европы, М. – Алгоритм, ЭКСМО, 2010.
14. *Валлерстайн И.*, После либерализма, Едиториал УРСС, 2003. *Валлерстайн И.*, Я борюсь за сравнительно эгалитарный мир, <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/YA-boryus-za-sravnitelno-egalitarnyj-mir>.
15. *Делягин М.*, Кризис человечества: выживет ли Россия в нерусской смуте? АСТ Астрель, Владимир, 2010, *Делягин М.*, Мировой кризис: Общая Теория Глобализации, Издание второе, переработанное и дополненное. М., 2003, <http://www.imperativ.net/iprog/th01.html>.
16. *Крауч К.*, Постдемократия. М. – Издательский дом Государственного университета – Высшая школа экономики, 2010.
17. *Кляйн Н.*, Доктрина шока: расцвет капитализма катастроф. М. – Хорошая Книга, 2009.
18. *Кагарлицкий Б.*, Политология революции. М. – «Алгоритм», 2007.

«МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ» И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В современную эпоху национальная безопасность больше чем когда-либо обусловлена количеством и качеством имеющихся интеллектуальных ресурсов, а также способностью общества организовать и использовать эти ресурсы в соответствии с национальными интересами. Известно, что, помимо институтов академического характера и университетов, важным форматом организации интеллектуальных ресурсов являются специальные исследовательские центры, так называемые *think tank*-и. Подобные структуры в армянском информационном пространстве принято называть «мозговыми центрами» (*МЦ*). Примечательно, что на Западе *МЦ* часто называются «фабриками мысли», организациями, «производящими национальные интересы» или «создающими идеологии», тем самым придавая им более динамичное значение. Характерно также, что в структурах состоявшихся *МЦ* зачастую находят место также образовательные центры, цель которых – пополнить национальную элиту идеологически, творчески и профессионально подготовленными кадрами.

О классических «мозговых центрах»

Некоторые эксперты полагают, что примером первого *МЦ* может послужить созданный в середине XIX в. прусский генштаб, по военному организованный информационно-интеллектуальным ресурс, который потом получил название «мозга армии». Первые же *МЦ*, более близкие нашим представлениям (как, например, Институт Брукинга), были созданы в США еще в годы Первой мировой войны. Однако рост количества и значения *МЦ* произошел в Соединенных Штатах

после Второй мировой и в разгар Первой холодной войны. Вслед за США «мода» на *МЦ* перешла в Европу и другие страны.

Сегодня задачей классических *МЦ* и особенно тех, которые в своих обществах получили институциональный статус, является предоставление в контексте национальной безопасности новаторских идей в сфере безопасности, международных отношений, общественных наук и передовых технологий, перспективных проектов, концепций, разнородных стратегических и тактических разработок и экспертных консультаций государственно-политическим (иногда – религиозным) структурам и представляющим национальный капитал компаниям [1]. К примеру, американская корпорация *RAND* в годы Первой холодной войны внесла значительный вклад в дело разработки «стратегии ядерного сдерживания». В активе этой же корпорации также научное формирование понятий «информационная война» и «сетевая информационная система», их дальнейшее концептуальное совершенствование и трансформация в прикладные технологии. Эти разработки сегодня лежат в основе военно-политической стратегии США (см., например, [2]). Часть *МЦ* специализируется на разработках в технологической сфере. Например, *DARPA* (исследовательский департамент Пентагона) внедрил в практику всемирную паутину – Интернет. Некоторые *МЦ* изначально или же на определенном этапе развития на базе своих инновационных разработок, начинают весьма успешно осуществлять и сугубо коммерческие проекты, либо же создают для таких проектов соответствующие филиалы или компании. В частности, результатом такой деятельности являются некоторые популярные сегодня компьютерные «стратегические игры».

Сегодня в Соединенных Штатах действует около 1800 *МЦ*, которые выполняют исследования и разработки практически во всех сферах жизнедеятельности. Согласно экспертным подходам, наличие и степень развития системы национальных *МЦ* является критерием развития общества и, таким образом, как мы уже отмечали в первой главе, непосредственно коррелируется с уровнем *НБ*

общества и государства. Справедливо полагают, что именно благодаря своим интеллектуальным ресурсам и развитому институту *МЦ* США занимают лидирующие военно-политические и экономические позиции в мире.

Первенство США в этой области подсказывает, что эффективное функционирование *МЦ* возможно только в тех странах и обществах, где выполняются следующие предусловия:

- восприятие со стороны властей, капитала и общества в целом важности фактора интеллектуальных ресурсов в государственной, военно-политической и экономической системе страны, их воля и способность предоставить необходимые ресурсы и условия для развития интеллектуальной сферы,
- наличие соответствующей академической и вузовской научной среды, питающей *МЦ* необходимыми кадрами и концепциями: недаром *МЦ* называют *интерфейсом* между академической наукой и правительством,
- умение определять стратегию и координировать деятельность *МЦ* государственной системой в соответствии с национальными интересами, а также способность этой системы имплантировать полученные от *МЦ* результаты в механизм принятия решений и практическую плоскость,
- наличие эффективных механизмов, обеспечивающих положительную обратную связь (имеются в виду как идеи и контент, так и кадры) между сферами академической, вузовской науки и *МЦ*, а также между *МЦ* и государственными и бизнес-структурами.

Как правило, *МЦ* в технологическом плане развитых стран составляют сеть, их деятельность координируется в «мягком режиме», соблюдаются принципы взаимодополнения и конкуренции. Такая система весьма эффективна и зачастую дает синергетический эффект, между тем как нарушение этих организационных правил может превратить национальные *МЦ* в ненужную атрибутику.

Вместе с тем создание сети *МЦ* – трудоемкий и долгий процесс,

требующий формирования соответствующих «школ» и традиций, применения всевозможных методик подготовки креативных кадров (например, американская *RAND* предпочитает начать «раскрутку» одаренных личностей чуть ли не с начальных классов школ).

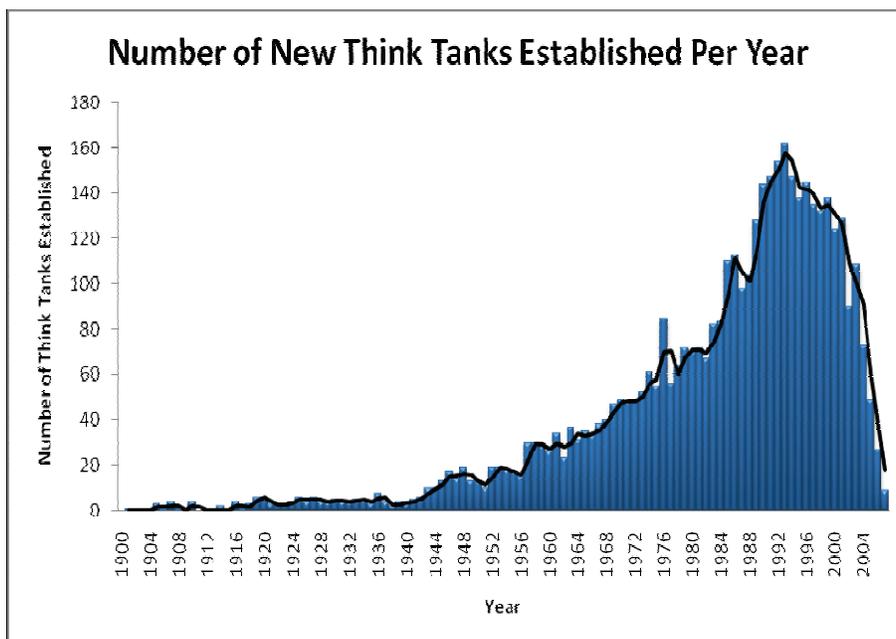
Как уже отмечалось, система *МЦ* приняла наиболее развитый и институциональный характер в Соединенных Штатах. Однако сегодня во многих странах основаны аналогичные структуры, имеющие характерные для своих обществ особенности. Естественно, что глобальные военно-политические и экономические перемены определенным образом заставляют эволюционировать и *МЦ*.

О некоторых новых тенденциях в деятельности МЦ

В аналитической литературе можно встретить предположения, что некоторые ведущие *МЦ* сегодня преследуют прежде всего корпоративные интересы, которые в определенных случаях могут оказаться предпочтительнее национальных [3]. Складывается также впечатление, что в условиях «постдемократии» деятельность *МЦ* в сфере общественных наук сужается, и они в определенном смысле начинают скорее обслуживать *PR* симбиоза правительственно-олигархических структур, нежели национальные интересы страны и всего общества (см., например, [4]). Об этом косвенно свидетельствуют и те данные по числу основанных за год новых *МЦ* в период от 1900-2004гг., которые приведены в посвященном *МЦ* исследовании (*The Think Tanks and Civil Societies Programm, 2008*¹) и которые авторы этого очень интересного труда никак не интерпретируют (см. *рис. 1*). Попробуем сделать это сами, взяв за основу эволюцию политической ситуации в мире.

¹ *The Think Tanks and Civil Societies Programm, 2008*,
http://www.sas.upenn.edu/irp/documents/2008_Global_Go_To_Think_Tanks.pdf,
http://www.foreignpolicy.com/files/2008_Global_Go_To_Think_Tanks.pdf.

Рис. 1

Как видно из диаграммы, максимум роста числа основанных за год новых *МЦ* приходится на 1976, 1985-1988 и 1992-1996 годы.

Первый пик связан, по всей видимости, с обострением в семидесятые годы противостояния США – СССР. Тогда *МЦ* были крайне нужны Соединенным Штатам и их союзникам как инструменты для выработки эффективной политики в борьбе с «советами», т.е. *МЦ* всю «работали» на свое государство и оборону.

Второй максимум в диаграмме (1985-1988гг.), скорее всего, обусловлен политикой «перестройки» в СССР. Этот этап требовал осмысления новой ситуации и разработки стратегии, отличной от той, которая имела место в Холодной войне. Соответственно, требовались новые организации и люди с новым, нетрадиционным мышлением.

Можно предположить с большой долей вероятности, что годовой рост *МЦ* в 1992-1996гг. связан с образованием многих подоб-

ных структур в странах уже бывшего СССР и «социалистического лагеря» в Восточной Европе, а также в Китае в результате реформ Ден Сяопина. Известно, что эти *МЦ* (чаще всего в организационном формате общественных организаций – *NGO*), большей частью финансировались извне и активно продвигали в странах пребывания проекты либеральной и демократической направленности. Не случайно, что авторы в дальнейшем коррелируют наличие и количество *МЦ* в данной стране с формированием в ней «гражданского общества». Получается, что подобные *МЦ* работали на национальные интересы тех стран, которые не всегда прямо, а больше посредством международных организаций спонсировали «постсоветские» *МЦ*, что в некоторых случаях могли и не совпасть с национальными интересами стран, где располагались эти *МЦ*. Пример этому – удачные и неудачные попытки «цветных революций» в постсоветском пространстве, в том числе в Армении, в которых подобного рода *NGO* играли важную роль. В итоге сложилась несколько парадоксальная ситуация: согласно классическому определению *МЦ* действительно «производили национальные интересы», но не совсем для той страны, где они функционировали. В свою очередь это говорит о том, что в общей статистике рост количества *МЦ*, как минимум в некоторых случаях, необходимо приписать не к постсоветским странам, а тем же США и западноевропейским государствам.

Любопытно также, что в некоторых случаях национальные (вернее, в данном случае *квазинациональные*) *МЦ* работали не столько на интересы определенных стран, а скорее на интересы именно спонсирующих (порой *транснациональных*) организаций в силу упомянутой тенденции доминирования корпоративных интересов над национальными.

Примечательно, что с 2000г. начинается резкий спад показателя годового роста, и к 2004г. он приравнивается к величинам, типичным для середины прошлого века. Возможно, что это связано с естественным «пресыщением» рынка *МЦ*, но нельзя также исключить следующую версию.

2000-2004гг. приходится на пик формирования монополярной системы (экспансия США в Афганистане и Ираке) и наступления эпохи «постдемократии». В новой обстановке в известной мере изменились и функции государств: проявилась тенденция трансформирования государств в структуры «с ограниченным правительством в неограниченной экономике» [4]. Вполне возможно, что в новых условиях традиционные *МЦ* потеряли свою актуальность и былую привлекательность, и взамен начали создаваться организации иного типа – пиарные компании и т.п. Вместе с тем можно предположить, что происходящее на наших глазах становление многополярного миропорядка с его новыми вызовами даст новый импульс развитию института *МЦ*, и косвенным образом об этом свидетельствует рост исследований, посвященных самим *МЦ*.

Глобальный рейтинг МЦ

В 2009г. университет Пенсильвании в рамках упоминавшегося выше проекта опубликовал новый глобальный рейтинг *МЦ* (*The Think Tank Index*¹), которые занимаются изучением публичной политики, экономики, социальной сферы, безопасности, экологии и т.д. Рейтинг был составлен на основе опроса нескольких тысяч ученых и экспертов, которые оценивали результаты работы этих организаций, и является первым всеобъемлющим рейтингом ведущих *МЦ* мира.

Согласно этому документу, в 170 странах мира насчитывается около 5,5 тысяч *МЦ*, а только в США функционируют 1 777 *МЦ*, т.е. в США базируются более 30% всех *МЦ* мира, и они являются безусловным лидером по этому показателю. Известно также, что в 2009г. в США на научные исследования было истрачено \$382 млрд., т.е. около 32% процентов от всех мировых расходов на науку. В этой стране функционируют около 4300 университетов и колледжей (из них – 200 исследовательских университетов²) и 20 тысяч научно-исследовательских институтов (*НИИ*). Если следовать той логике, что *МЦ* являются мостом между наукой (*НИИ*) и властями, то получим соот-

¹ <http://www.scribd.com/The-Think-Tanks-and-Civil-Societies-Program/d/26565307>.

² http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=26959.

ношение между *МЦ* и *НИИ* на уровне один к десяти. Отметим также, что американские *МЦ* имеют тесные связи с аналогичными британскими структурами, которые занимают третье место в мире – 283 *МЦ*, т.е. можно говорить об определенной англосаксонской традиции, культуре и доминации в этой сфере.

После США по количеству *МЦ* следуют: Китай – 428, Великобритания – 283 *МЦ*, Германия – 186, Франция – 165, Аргентина – 122, Индия – 121, Япония – 105, Канада – 94 и Италия – 87.

В постсоветском пространстве *МЦ* распределены следующим образом: в России – 107, Украине – 45, Эстонии – 15, Литве, Беларуси – по 12, Кыргызстане и Латвии – по 9, Казахстане и Узбекистане – по 8, Таджикистане – 6, и замыкает список Молдова – 5.

В Армении и соседних с Арменией по региону странах картина следующая: в Израиле функционируют 48 *МЦ*, в Турции – 21, Грузии – 14, Армении и Азербайджане – по 13, Иране – 12.

На первое место составители рейтинга поставили специализирующийся на общественных науках, муниципальном управлении, внешней политике и мировой экономике Институт Брукинса (*Brookings Institution*), основанный в 1916г. американским бизнесменом Робертом Брукингом. Институт базируется в Вашингтоне, его годовой бюджет составляет \$60,7 млн. Согласно авторам исследования, именно эта организация оказывает наибольшее воздействие на государственную политику США: любопытно, что в годы правления администрации Дж.Буша-младшего в экспертной среде считалось, что наиболее влиятельными *МЦ* в США являются *Heritage Foundation* и *American Enterprise Institute*, в которых разрабатывались наиболее масштабные проекты «неоконов» и которые сегодня занимают в США 5-ое и 8-ое места.

А в целом лучшая десятка *МЦ* в Соединенных Штатах выглядит следующим образом:

1. Институт Брукинса (*Brookings Institution*),
2. Совет по внешней политике (*Council on Foreign Relations*),
3. Фонд Карнеги за международный мир (*Carnegie Endowment for International Peace*),

4. Корпорация РЭНД (*RAND Corporation*),
5. Фонд «Наследие» (*Heritage Foundation*),
6. Международный центр имени Вудро Вилсона (*Woodrow Wilson International Center for Scholars*),
7. Центр стратегических и международных исследований (*Center for Strategic and International Studies*),
8. Институт американского предпринимательства (*American Enterprise Institute*),
9. Институт Катона (*Cato Institute*),
10. Институт Гувера (*Hoover Institution*) и правозащитная организация *Human Rights Watch* разделили 10-е место).

Таб. 1

	Название организации	Страна
1	Королевский институт международных отношений (Четтем хауз) (<i>Chatham House</i>)	Соединенное Королевство
2	Международный институт стратегических исследований (<i>International Institute for Strategic Studies</i>)	Соединенное Королевство
3	Стокгольмский международный институт исследования мира - <i>Stockholm International Peace Research Institute</i>	Швеция
4	Институт международного развития ¹ , <i>Overseas Development Institute</i>	Соединенное Королевство
5	Центр изучения европейской политики – <i>Centre for European Policy Studies</i>	Бельгия
6	Институт «Трансперенси Интернешнл» <i>Transparency International</i> ,	Германия
7	Немецкий совет международных отношений – <i>German Council on Foreign Relations</i>	Германия
8	Немецкий институт международных дел и безопасности – <i>German Institute for International and Security Affairs</i>	Германия
9	Французский институт международных отношений - <i>French Institute of International Relations</i>	Франция
10	Институт Адама Смита – <i>Adam Smith Institute</i>	Соединенное Королевство

¹ Перевод названия *Overseas Development Institute* несколько условен.

Лучшим в номинации «инновационные идеи» стал Институт Катона. Лучшими среди тех, кто «умеет делать политику», названы *RAND Corporation* и *Urban Institute*. Европейский совет по международным отношениям (*The European Council on Foreign Relations*) занял первое место среди «новых мозговых центров», то есть тех, которые возникли в течение последних пяти лет.

Вне Соединенных Штатов мировой рейтинг *МЦ* возглавляют британцы (см. *Таб. 1*). Вместе с тем обращает на себя внимание доминирование в континентальной Европе количества немецких *МЦ*, что отражает стремление Германии занять лидирующее положение в Европе и вести более автономную от США внешнюю и внутреннюю политику.

Десятка лучших исследовательских центров Восточной Европы представлена в *Таб. 2*.

Таб. 2

	<i>Название организации</i>	<i>Страна</i>
1	Московский Центр Карнеги	Россия
2	Институт мировой экономики и международных отношений РАН	Россия
3	Центр экономических и социальных исследований	Польша
4	Центр политических исследований Центрально-Европейского университета	Венгрия
5	Фонд Хайека	Словакия
6	Международный центр политических исследований	Украина
7	Литовский институт свободного рынка	Литва
8	Польский институт международных дел	Польша
9	Центр либеральной стратегии	Болгария
10	Либеральный институт	Чешская Республика

Любопытно, что первое место в этом списке занимает Московский центр Карнеги, который является фактически филиалом американского транснационального *МЦ*. Заметим также, что на втором месте Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии, обладавший высоким статусом в качестве *МЦ* и в советскую эпоху.

Советские и постсоветские реалии

В СССР действовал целый ряд организаций, которые, обладая присущими советской системе особенностями, в той или иной мере осуществляли характерную для *МЦ* деятельность в области общественных наук. Наиболее известными структурами такого рода были курируемые соответствующими отделами ЦК КПСС «элитарные» и расположенные преимущественно в Москве академические институты: например, Институт США и Канады, Институт мировой экономики и международных отношений, которые с успехом действуют по сей день. Эти *МЦ* непосредственно обслуживали политическое руководство империи – «центр», монополиста в сфере внешней и внутренней политики. Судя по мемуарной литературе и, что суть важно, по итоговым результатам, более эффективной деятельности советских *МЦ* принципиально мешала догматичность идеологических установок.

Заметим также, что в ту эпоху в СССР действовало множество закрытых «почтовых ящиков», которые вели разработки не только в технологической сфере, но и в области социологии и психологии. Однако о деятельности подобных *МЦ* нам известно крайне немного.

Вместе с распадом Советского Союза распалась также научная система этой страны, а с ней и система *МЦ*. Известно, что разложение советского научно-технологического потенциала являлось одной из основных задач *МЦ* противников СССР по Холодной войне. Например, целый комплекс методик («Ложная цель», «Наш лидер», «Испорченное оружие» и т.п.) для борьбы с «советами» в научной сфере изложен, в частности, в документе «*Silver Key*» [3, с. 406]. Естественно, не избежала системного коллапса и армянская наука. Достаточно отметить, что сегодня в Третьей республике науке выделяется \$20-30 млн.¹, тогда как в 80-х гг. прошлого века финансирование сферы со-

¹ Вместе с тем создается впечатление, что даже этими скудными средствами, в частности, в гуманитарной сфере, распоряжаются не всегда целесообразно. Иногда финансируются исследования, которые не актуальны и даже носят маргинальный характер, а исследования фундаментальных проблем рассеянного по миру Армянства игнорировались и только недавно начали возобновляться благодаря усилиям новосозданного Министерства по вопросам Диаспоры. Примечательно также, что, несмотря на сокращение объемов финансирования, вовсе не сократилось число получающих ученые звания: этот процесс сегодня приобрел иное, явно не научное осмысление.

ставляло, согласно оценкам Госкомитета науки РА, \$600 млн., что сегодня эквивалентно минимум миллиарду долларов (см. также предыдущую главу).

МЦ в Армении

Известно, что в союзных республиках в основном исполняли директивы «центра», и по этой причине не испытывали особой необходимости в собственных *МЦ*. Но представляется, что даже при желании союзные республики, при существующей в ту эпоху централизации, далеко не всегда могли бы позволить себя основать такие структуры. Таким образом, культура организации, создания и деятельности структур наподобие *МЦ*, за исключением редких случаев, в союзных республиках, в том числе в Армении, не формировалась¹. В этом контексте особое место занимали исследования в направлении армянской Диаспоры, но и они, как правило, проводились в контексте изучения ситуации в тех странах, где располагались армянские общины: «центр» понимал важность в целом лояльного к СССР армянского фактора и его значение для ведения дел во внешнеполитической сфере, поэтому и «заказы» в этом направлении «спускались» Еревану. Характерно, что по сей день в некоторых академических институтах Армении, даже при отсутствии реального заказчика на такого рода научную продукцию, продолжают исследования в этом направлении и в этом же духе.

Сегодня в республике, по нашим оценкам, действует порядка 30 учреждений (в *The Think Tank Index* за 2010г. зафиксированы лишь 13 из них) наподобие *МЦ*. Однако большая часть получает заказы и соответствующее материальное содействие от других стран и международных организаций. Работы таких учреждений ориентированы на их заказчиков и, таким образом, не всегда могут, как мы это отметили выше, служить нашим национальным интересам.

¹ Имеется в виду гуманитарная сфера, между тем как ситуация была совершенно иной в области естественных наук и технологий, в которой, благодаря отдельным талантливым личностям и национальным особенностям, во Второй республике действовали ведущие научные и технологические центры всесоюзного, а иногда даже мирового уровня.

Однако это не означает, что нужно игнорировать деятельность этих центров и не пытаться использовать их в наших национальных интересах. Особенно важны в этом аспекте исследования в социологической, экономической и экологической сферах, комплексный анализ результатов которых может оказаться полезным. Другое дело, что результаты выполняемых по заказу международных структур работ не всегда в полной мере доступны армянскому обществу.

Начиная с 2000г., когда экономика Армении начала восстанавливаться, по инициативе отдельных представителей государственно-политической элиты были основаны также *МЦ*, выполняющие национальные заказы. Отметим, что на начальном этапе их деятельности было много неблагоприятных факторов, из которых отметим лишь некоторые:

- недоверие государственных, национальных, политических, а также бизнес-структур к интеллектуальной, в частности, отечественной интеллектуальной продукции¹,
- неудовлетворительное состояние национальной науки, особенно в актуальных с точки зрения *НБ* сферах, чем, в свою очередь, обусловлен не столь удовлетворительный уровень экспертно-аналитического сообщества,
- общая нехватка культуры формирования, управления и использования структур типа *МЦ* со стороны политической элиты и экспертного сообщества.

По поводу последнего отметим, что речь идет не только о том, что продукция *МЦ* должна быть преимущественно заказного характера и тем самым более эффективно имплементироваться в механизм принятия решений. В сложившихся в Армении постсоветских реалиях, учитывая не совсем благополучную ситуацию в сфере общественных наук в целом, финансируемые со стороны государства *МЦ* могли бы выполнять роль «локомотива» для академических и универси-

¹ В экспертном сообществе это принято квалифицировать как выражение психологии «импортера». Применительно к Армянству такая недоверчивость присуща также представителям национальных и экономических структур Диаспоры.

тетских исследовательских центров [6]. Это, в первую очередь, должно относиться к попытке актуализации академической тематики, которая, как мы уже отметили, придерживается устаревших имперских традиций советской эпохи. Для стимулирования такого процесса *МЦ* могли бы не только выполнять роль консультантов в планирующих науку госструктурах, но и действовать самостоятельно и реализовать, например, соответствующие грантовые программы для академической науки. Между тем складывается впечатление, что ситуацией в своих целях больше пользуются международные организации, которые используют «дешевую научную силу» и заказывают академическим институтам работы, направленность которых далеко не всегда совпадает с национальными задачами, примером чему может служить финансирование программ по исследованию гендерных проблем в некоторых арабских странах.

Сегодня ситуация отчасти улучшилась, несмотря на то, что некоторые неблагоприятные обстоятельства (в частности, неутешительное состояние национальной науки) продолжают носить перманентный характер. В то же время, зафиксированный прогресс пока трудно считать удовлетворительным. Из существующих сегодня проблем выделим следующие:

- Результаты разработок *МЦ* по объективным и субъективным причинам не всегда оказывают нужное влияние на деятельность государственно-политической элиты и общества, т.е. отечественные *МЦ* пока еще не превратились в институциональные структуры.
- У значительной части представителей национального капитала пока еще не сформировано осознание необходимости и важности *МЦ* даже с точки зрения собственных экономических интересов.
- Тематическая направленность действующих в РА *МЦ* в терминах национальных интересов не всегда оптимальна, их комплексную деятельность трудно назвать скоординированной.
- Несмотря на свою малочисленность, *МЦ* в РА недостаточно сотрудничают друг с другом, а сетевой стиль работы пока не сформирован.

В духе приведенных наблюдений особо отметим то обстоятельство, что эффективность осуществляемых в контексте *НБ* теоретических и практических разработок сегодня обусловлена возможностью освоения и применения разнообразных современных методов исследований. Известно также, что освоение подобных методов и подготовка соответствующих кадров требует относительно больших затрат, что не всегда адекватно воспринимается государственными структурами.

Между тем, как для безопасности Армении, так и Армянства владение современными технологиями в сфере общественных наук крайне важно. Достаточно отметить, что любое разумное стратегическое планирование подразумевает оперирование результатами комплексных сценарных разработок и научного прогнозирования возможных развитий. В этом контексте уместно привести слова небезызвестного Джакомо Казановы: «Если бы некоторые исторические события не были бы предвидены, то не было бы и этих событий».

Источники и литература

1. *Диксон П.*, Фабрики мысли. М. – АСТ, 2004.
2. *Арутюнян Г.*, Цивилизационный и идеологический контекст информационной безопасности, В кн. «О некоторых проблемах информационной безопасности». Ер. – НОФ «Нораванк», 2009, с. 5.
3. *Хассан Дж.*, Границы революции фабрик мысли, <http://gtmarket.ru/laboratory/think/2008/1813>.
4. *Крауч К.*, Постдемократия. М. – Издательский дом Государственного университета – Высшая школа экономики, 2010.
5. *Гриняев С.*, Поле битвы – киберпространство. Минск – ХАРВЕСТ, 2004.
6. *Հարությունյան Գ.*, Պետության ինստիտուցիոնալ կառույցները՝ բնակիչների համար հարմարություն. Ֆինանսներ, Էկոնոմիկա, Հայաստան, #3(117), էջ 60, 2010 (*Арутюнян Г.*, Институциональные структуры государства – армия и научное сообщество. Финансы и экономика, Армения, #3(117), 2010, с. 60, на арм. яз.).

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

Будущее существует сначала в воображении, потом – в воле и в действии, а потом уже в реальности.

*Р.А. Уилсон,
американский философ и
футуролог (1932 - 2007гг.)*

Прогнозирование будущего во все времена было одним из вопросов, волнующих человечество. Как в исторические, так и в нынешние времена разного рода оракулы, прорицатели или провидцы имели и имеют особый статус, пользовались и продолжают пользоваться большим уважением в обществе. Еще во втором тысячелетии до н.э. жрицы храма Аполлона греческого города Дельфы были известны античному миру своим искусством предсказания, и прежде чем по своему обыкновению предпринимать что-либо великое, цари и полководцы обязательно посещали этот храм, получали от жриц (надо полагать, за определенное вознаграждение) свою долю прорицаний. Однако складывается впечатление, что затем античные герои все-таки больше руководствовались собственными соображениями и интерпретациями этих довольно-таки смутных предсказаний. Очень похоже на то, что они поступали правильно: часть «дельфийских прорицаний» сохранилась, и из анализа, проведенного специалистами уже в наши дни, следует, что значительная часть предсказаний (41%) просто фиксировала известные реалии, 32% составляли наставления – инструкции (т.е. сделай это и только это), 22% составляли запрещающие указания, 3% являлись неверными

предсказаниями будущего, а сбылось всего 2% от всех предсказаний. Как видим, вероятность собственно предсказаний составляет всего 5%, из коих в действительности, в полном согласии с теорией вероятностей, сбылось меньше половины.

Несмотря на такие не очень утешительные результаты, традиция обращаться к оракулам сохранилась до наших дней. И сегодня немалое число разного рода деятелей, предпринимателей, да и простых смертных регулярно обращается к всевозможным гадалкам и, щедро раскошеливаясь, пытается понять, что же их ждет в ближайшем или более отдаленном будущем. Согласно социологическим и психологическим исследованиям, такое положение обусловлено тем, что часть людей склонна видеть в туманных формулировках оракулов реальные факты и развития своей жизни, что заставляет их верить во всевозможные «предсказания». В специальной литературе подобные эффекты носят имена психологов Барнума, Розенталя и Готорна, открывших и изучивших эти явления.

Методы прогнозирования

В новейшей истории прогнозирование будущего начало носить более системный характер, а сфера получила научное название – футурология. В первое время футурологами были преимущественно писатели и поэты (например, Велимир Хлебников еще в 1912г. предсказал гибель Российской империи в 1917г.) и философы, предсказания которых были плодом собственной интуиции и фантазии. Следует признать, что часть таких предсказаний (в экспертном сообществе их принято называть «*гениальным предсказанием*») не только расширила кругозор современников, но и была исполнена в будущем. Это относится не только писателям-фантастам и поэтам-футуристам. Например, главу *Института исследования трендов* Джэральда Селенте¹ называют американским Нострадамусом, так как он предсказал крах фондовых рынков в 1987г., распад Советского Союза и азиатский кризис 1997г. Согласно недавним утверждениям

¹ <http://www.rodon.org/polit-101028130814>.

ям Селенте, экономической и политической мировой гегемонии Соединенных Штатов в скором времени придет конец, т.к. Америка, несмотря на сильные отличия от СССР, следует по тому же пути, как и в своё время Советский Союз. Более того он предрекает, что США ждут голодные бунты, которые завершатся революцией.

Однако футурология превратилась в научно-экспериментальный метод, пожалуй, лишь во второй половине прошлого века (1953г.), когда сотрудники американского «мозгового центра» *RAND* Теодор Гордон и Олаф Хелмер разработали технологию прогнозирования, которая в честь города, где располагался храм Аполлона, была названа «Дельфи» (*Delphi*).

Метод «Дельфи». Суть метода заключается в следующем [1, 2]. Во время первого этапа эксперты, действующие на квазианонимных условиях, представляют свои прогнозы по исследуемой проблеме, которые доводятся до всех участников. Эксперты должны комментировать крайние точки зрения и в итоге обосновать или изменить собственные оценки. Процедура повторяется до тех пор, пока не достигается приемлемое для организаторов совпадение прогнозов.

Для эффективного применения технологии «Дельфи» необходимо соблюдение множества предварительных условий, однако главным фактором, конечно же, является наличие высококвалифицированного экспертного сообщества и культуры его целенаправленного использования.

«Метод написания сценариев». Этот метод пользуется особой популярностью при построении долгосрочных прогнозов. Сценарии, как правило, предполагают три возможных варианта развития событий: оптимистичный, пессимистичный и наиболее вероятный (см., например, [3]). Как нам представляется, первые сценарии подобного рода – в виде штабных игр – изначально составлялись в генштабах разных стран. Однако принято считать, что теоретические основы этого метода были разработаны в 60-х гг. прошлого ве-

ка, а первое сценарное планирование прикладного значения реализовали в 1971г. аналитики нефтяной компании *Royal Dutch Shell*: таким образом они попытались рассчитать весьма актуальные в те годы возможные варианты повышения цен на нефть со стороны ОПЭК и прогнозировать их последствия.

Следует подчеркнуть, что сценарные разработки содержат множество элементов составления экспертных прогнозов. В то же время, подобного рода планирование направлено не только на формирование общих представлений о будущем. Оно главным образом позволяет предположить, какие развития политического, экономического или иного характера могут иметь место в той или иной ситуации (это может произойти как в будущем, так и в настоящем), и какие последствия будут иметь эти процессы.

Сценарный образ мышления позволяет в более нескванном режиме мышления предугадать возможные, порой взаимоисключающие и кажущиеся экстремальными варианты локальных или глобальных развитий. При сценарном планировании весьма ценится воображение экспертов, и не случайно, что в подобные разработки зачастую вовлекаются не только узкие специалисты по данной проблеме, но и писатели-фантасты, шахматисты и пр., так называемые творческие, «креативные» личности. Подобный «свободный» подход к возможным развитиям, в числе прочих преимуществ, позволяет заранее подготовиться к самым неожиданным военно-политическим или экономическим поворотам. Благодаря этим обстоятельствам, «сценарные технологии» нашли широкое распространение не только в государственных структурах или действующих под их покровительством «мозговых центрах», но и в крупных коммерческих компаниях.

Существуют различные методы сценарных разработок, однако, как правило, они предполагают выполнение следующих шагов:

- по возможности уточняется общий фон развития ситуации и в этом подтексте выделяются те события, которые имеют большую вероятность воплощения в жизнь;

- определяются те факторы и параметры, которые имеют максимально большое воздействие на развитие данного события;
- в рамках возможного определяются предельные значения вышеупомянутых факторов и параметров или, иными словами, максимальные и, наоборот, минимальные масштабы их воздействия;
- в результате определенных логических сопоставлений вышеуказанных параметров и факторов формируются те возможные сценарии, вероятность реализации которых оценивается максимально высоко или, по крайней мере, теоретически не исключается.

Метод «Форсайт» (Foresight). В сфере прогнозирования сегодня четко видна тенденция создания комбинированных методов, в которых сочетаются различные подходы и технологии. В качестве такого примера типичным и наиболее популярным является метод «Форсайт» – «видение будущего».

Этот метод сочетает в себе алгоритмы методов «Дельфи», написания сценариев, экстраполяции тенденций и т.п. Цель применения «Форсайта», согласно [1], это «достижение наиболее полного согласия экспертного сообщества по вопросам социально-экономического и научно-технологического развития». Чтобы учесть все возможные варианты и получить полную картину, при проведении «Форсайта» привлекается большое количество экспертов. Так, в японских долгосрочных прогнозах научно-технологического развития, проводимых каждые пять лет, участвует более 2-х тысяч экспертов, которые представляют все важнейшие направления развития науки, технологий и техники, а в последнем корейском проекте участвовали более 10 тысяч экспертов.

Особенность этого метода состоит также в том, что его «конкретное выражение диктуется возможностями ... каждого конкретного государства». Характерно, что разработчики «Форсайта» считают, что наступление «желательного» варианта будущего во многом зави-

сит от действий, предпринимаемых сегодня, поэтому выбор вариантов сопровождается разработкой мер, обеспечивающих оптимальную траекторию инновационного развития. Поэтому в экспертном сообществе бытует мнение, что ценность «Форсайта» заключается не столько в достоверности полученных оценок, сколько в самом процессе выработки согласованных подходов к проблеме.

Базовыми принципами «Форсайта» являются следующие утверждения [4].

- Будущее творимо; оно зависит от прилагаемых усилий.
- Будущее вариативно (возможно много вариантов будущего) – оно не происходит из прошлого и зависит от решений, которые будут приняты участниками.
- Есть сферы, по отношению к которым можно строить прогнозы, но наши действия не предопределены.
- Будущее нельзя спрогнозировать или предсказать, можно быть к нему готовым.

Экстраполяция тенденций. Посредством этого способа изучаются тенденции показателей, которые экстраполируются на будущее математическими методами. Базовым принципом является тезис о том, что «будущее формируется под влиянием тех же сил, которые играли определяющую роль в прошлом». По этой причине метод эффективен при краткосрочном прогнозировании, он применим тогда, когда условия остаются стабильными на протяжении большого отрезка времени, «охватывающего как наблюдавшийся в прошлом, так и прогнозируемый отрезок времени» (наличие так называемой инерции развития) [1].

Кроме кратко представленных методов прогнозирования в настоящее время используется и ряд других методологий. По данным 2001г. различными методами прогнозирования пользовались около 30 стран, и сегодня их число, несомненно, значительно выросло. Однако лидером в этой области продолжают оставаться США.

Однако далеко не все разработки в сфере научного прогнози-

рования преследуют цель по возможности объективно оценить будущие развития. Некоторые из них скорее относятся к жанру «информационных войн» и преследуют задачу создания определенных настроений в международном сообществе. Наверное, к таковым можно отнести и труд руководителя известной организации *STRATFOR* Джорджа Фридмана [5].

Вместе с тем всегда достойны весьма пристального внимания прогнозы, систематические выполняемые и широко комментируемые в СМИ американским Национальным разведывательным советом – *NIC* (см. в этом сборнике материал А.Марджаняна «Наше будущее – глазами *NIC*»), а также военными экспертами США (примечательно, что по некоторым данным, в одном только Пентагоне работает около 1500 специалистов по методу «Форсайт»). В частности, особое место на «рынке прогнозов» занимает составленный в конце 2008г. командованием Объединенных сил США (*USIFCOM*) документ «Среда для действий объединенных сил» (*The Joint Operating Environment–JOE, 2008*)¹, в котором специалисты Пентагона сделали попытку предсказать военно-политическую ситуацию на нашей планете через четверть века.

Философия Пентагона

Примечательно, что американские военные начинают свой анализ с рассмотрения опыта прошлого и некоторых философских мировоззрений. По их мнению, представления о сущности войны и мира, которые сформировали еще Сунь-Цзы (VIв. до н.э.) и уже в XIXв. Карл фон Клаузевиц, до настоящего времени не претерпели особых изменений [см. 6, 7]. Примечательно, что формулу победы американские стратеги XXI века, как и Сунь-Цзы, видят в познавательной сфере, поэтому они часто обращаются к следующей формулировке китайского классика: «Если знаешь себя и знаешь врага, то ты всегда

¹ См. http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2008/joe2008_jfcom.htm. Когда этот материал уже был сверстан, вышел новый труд экспертов Пентагона: «Среда для действий объединенных сил – 2010», см. <http://www.fas.org/man/eprint/joe2010.pdf>.

победишь. Если знаешь себя, но не знаешь врага, то у тебя будут и победы, и поражения. Если не знаешь себя и не знаешь врага, то каждая твоя битва чревата поражением».

Нельзя не согласиться также с нашедшим место в документе утверждением, что нынешние политические лидеры довольно поздно воспринимают быстро происходящие изменения. Их представления о будущем зачастую являются всего лишь попыткой перенести обыденные реалии в будущее посредством простой экстраполяции. Авторы *JOE* подходят к этой задаче самокритично и указывают на ошибки, которые допустило в прошлом американское военно-политическое руководство в результате неверных представлений даже о ближайшем будущем.

Американские стратеги придают особую важность фактору политической воли властей, наличие которой дает большие перспективы даже странам, обладающим небольшими ресурсами, и это в полной мере относится и к Армении.

Инновационная борьба и информационная война

Эксперты Пентагона признают, что США в политическом и экономическом плане теряют абсолютные монопольные позиции, однако они убеждены, что, как и раньше, эта держава будет доминировать в сфере инноваций. Особо подчеркивается, что в войнах будущего залогом победы будут воображение и интеллект, а сами эти войны можно квалифицировать как борьбу за «умы и души» людей. Эксперты *JOE* не сомневаются, что информация является «стратегическим оружием», и исходят из того положения, что «восприятие происходящего значит больше, чем происходящее».

В этом контексте примечательно, что военное ведомство серьезно обеспокоено тем, что в американских вузах заметны проявления деградации, и что они начали уступать по своему уровню, например, индийским и китайским университетам. По мнению авторов *JOE*, американская научно-образовательная сфера нуждается в совершенствовании и реформировании.

Проблемы энергетики и «водный голод»

Согласно прогнозу, в последующие 25 лет мировая экономика вырастет более чем в два раза, и ВВП, превышающий \$100 млрд. (расчеты в документе сделаны по «докризисному» курсу доллара), будут иметь не только сегодняшние экономические гиганты, но и Бангладеш, Нигерия, Пакистан, Филиппины и Вьетнам. Эти страны попытаются добиться лидирующего военно-политического положения в своих регионах и сформировать вокруг себя соответствующие объединения. Так или иначе, США со своими \$21 трлн. ВВП будут лидером экономической сферы, однако по этому показателю к ним вплотную приблизится Китай (\$16 трлн.), который и сейчас считается основным конкурентом Соединенных Штатов. Остальные страны будут существенно уступать этим державам (Япония – \$7 трлн., Индия – \$6 трлн., Германия и Мексика(!) – \$4 трлн. и пр.).

В документе подчеркивается, что если не будут предприняты необходимые шаги, то уже в ближайшем будущем нужно ожидать энергетического кризиса: сегодня нефтедобыча в мире, похоже, имеет технологический предел – 110 млн. баррелей в день, но уже в 2012г. потребуется 186 млн. баррелей, и еще не ясно, как будет решаться этот вопрос.

Однако человечеству угрожают не только энергетические проблемы. Согласно *JOE*, в 2030г. нехватка воды будет угрожать около 3 млрд. людей, а Ближний Восток и Северную Африку ожидает настоящий «водный голод». Примечательно, что возводимые Турцией водохранилища на реках Тигр и Евфрат создадут серьезные проблемы между этой страной и Ираком и Сирией, что может послужить поводом к военным действиям.

То, что военные эксперты Пентагона концентрируют свое внимание на проблемах энергетики и водных ресурсов, которые могут стать непосредственными причинами военных конфликтов, по всей видимости, оправдано. Между тем, судя по прогнозам в экономической сфере, наибольшие риски для глобальной безопасности связаны с современной международной валютной системой и, что суть важно, самой идеологией экономики эпохи «постмодерна» и «постдемократии».

Экономические прогнозы

Во время недавнего глобального системного кризиса резко увеличилось число прогнозов в экономической сфере. Этот кризис, помимо всего прочего, наглядно показал, какую важную роль играет способность властей давать адекватную оценку существующим экспертным оценкам.

Известно, что целый ряд американских (и не только) экономистов (лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Штиглиц, Нуриел Рубин, Поль Кругман и др.) весьма корректно экстраполировали существующие финансово-экономические тенденции и достаточно точно определили даже время «лопание пузырей» в банковской сфере. Однако правительство Соединенных Штатов предпочло придерживаться сугубо монетаристских подходов, выразителем которых являлся глава (ныне – бывший) Федеральной резервной системе США Алан Гриспен, и проигнорировало предостережения других специалистов. Во всех случаях, как отмечают некоторые эксперты, глобальный кризис показал необходимость «перехода от запаздывающей ответной «ручной» реакции к проактивной работе на основе прогностических систем нового поколения»¹.

Несмотря на муссируемые в глобальном информационном поле мнения, что худшее в мировой экономике позади, по мнению целого ряда экспертов и исследовательских центров самых различных ориентаций, нынешняя глобальная система экономической безопасности продолжает оставаться более чем нестабильной и уязвимой. Например, упомянутый выше профессор Колумбийского университета Джозеф Штиглиц уверен, что надежды, связанные с восстановлением экономики США, не оправданы и что нынешний кризис, в первую очередь, означает распад американской капиталистической системы. По его словам, другие страны должны ориентироваться не на США, а сосредоточить внимание на собственных возможностях². С точкой зрения Штиглица солидарны многие другие экономисты, в том числе и другой Нобелевский лауреат – аме-

¹ *Ворожihin В.В.*, Глобальное прогнозирование как элемент национальной безопасности. <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/175444/>.

² <http://fintimes.km.ru/59870>.

риканец Джеймс Макджилл Бьюкенен.

В этом контексте можно предположить, что в сложившейся ситуации возможны финансово-геоэкономические развития, которые могут существенно изменить весь комплекс уже закрепившихся в последние десятилетия геополитических представлений. Неудивительно, что еще не так давно в так называемых «пессимистических сценариях» будущего преимущественно рассматривались неконтролируемое распространение ядерного оружия (что уже стало реальностью) и драматические последствия возможных ядерных конфликтов (например, между Индией и Пакистаном, КНДР и Южной Кореей, Израилем и Ираном). Но сегодня в информационном пространстве начали доминировать обсуждения сценариев разрушения глобальной финансово-экономической системы и его порой не менее трагических последствий. Особое место среди них занимают варианты, связанные с «падением доллара» и последующими за этим тяжкими последствиям не только социально-экономического, но и военно-политического характера.

Сценарии, связанные с девальвацией доллара

В экспертных кругах повышенный интерес вызвал опубликованный не так давно (2009г.) труд Д.Моторина, В.Бианки, Ал.Серавина и С.Сычева, в котором представлены сценарии (кстати, очень увлекательные и написанные в блестящем стиле), посвященные возможным механизмам и последствиям девальвации доллара [8].

Эти сценарии представляются довольно реалистичными и в настоящее время широко обсуждаются другими, в том числе американскими, аналитиками. В основе постулата о девальвации основной мировой валюты положены, в частности, следующие тезисы:

- это не противоречит никакой закономерности экономического или общественного развития,
- процессы этого типа, как показывают, в частности, многочисленные анализы, посвященные последнему кризису 2009г., вероятнее всего предварительно планируются и осуществляются определенными силовыми центрами.

Исходя из этих принципов, авторы прорабатывают сценарии возможных развитий, некоторые из которых мы представим ниже.

Рак Americana-2, Остров Америка и «Чимерия»

В случае сценария под названием «*Рак Americana-2*» вкратце рассмотрим разветвление, когда США, исходя из определенных обстоятельств, сами провоцируют девальвацию доллара.

Как известно, сегодня почти все акторы глобальной экономики держат свои валютные активы в долларах либо в займах казны США (так называемых *UST*). Естественно, что практически все страны заинтересованы в том, чтобы доллар, являющийся оплотом всемирной экономической системы, не обвалился. Используя эти реалии, США, посредством определенных информационных и финансовых манипуляций, провоцируют, чтобы все начали лихорадочно покупать доллары и *UST* с тем, чтобы сохранить существующую финансовую систему. Для удовлетворения сформированного ими же спроса, США «вынужденно» начинают печатать огромное количество долларов, что девальвирует эту валюту в несколько раз, существенно снижая внешние долги США и, в то же время, разоряя всех участников международного финансового сообщества. Наряду с этим США, руководя всем этим процессом, владея ситуацией и долларовым станком, успевают по низкой цене приобрести важнейшие производственные активы во всем мире. В результате этого комплекса действий США восстанавливают глобальную мировую монополию и, тем самым, заново утверждают однополярный миропорядок: начинается период «второго американского мира» (*Рак Americana-2*).

Осуществляя свои намерения в другой версии этого же сценария, американцы встречают серьезное противодействие других держав (в частности, Китая и ЕС) и поэтому не могут полностью осуществить свои замыслы – в частности, покупать большое число активов за рубежом. Как следствие, США отчасти решат только свои внутренние проблемы и превратятся в развитое, но в некоторой степени изолированное государство, без притязаний сверхдержавы (*сцена-*

рий *Остров Америка*). Примечательно, что американские экономисты Чарльз Раули и Натаниел Смит называют подобные сценарии «*Аргентиной*», имея в виду, что по своему статусу США могут приравняться к этой латиноамериканской стране.

Примечателен также вариант, согласно которому так называемый «долларовый пылесос» включают США и Китай. В подобном случае операция «девальвация» увенчивается успехом. Напомним, что обсуждения сценариев совместного «управления» миром Пекином и Вашингтоном, так называемой «*Чимерии*» (от словосочетания Китай и Америка (*Chine и America*) активизировались с января 2009 года, когда советник президента США Збигнев Бжезинский, будучи с визитом в Пекине, фактически призвал США и Китай решать глобальные проблемы совместно.

Хорошо известно, что такая тенденция развития является прямой угрозой для ЕС и в первую очередь для России. Поэтому не случайно, что в сценарных вариантах *Чимерии* рассматривается, в частности, оккупация Китаем богатых полезными ископаемыми и другими ресурсами сибирских и дальневосточных территорий России.

«*Чируссия*» и *Good bye, America*

Пожалуй, именно вышеупомянутое обстоятельство вынуждает руководство России искать общие и зачастую антиамериканские общности в отношениях с Китаем. С геополитической точки зрения, обе державы озабочены, в частности, некоторым ослаблением своих позиций в Центральной Азии вследствие военного присутствия США в Афганистане и материализованным выражением этого беспокойства можно считать создание ШОС. Исходя из этих реалий, в экспертном обществе сегодня рассматривается также сближение этих держав, которое некоторые комментаторы называют союзом *Медведя и Дракона*. По аналогии с *Чимерией*, мы назовем этот союз, к примеру, *Чируссией*.

Современные «сценаристы» считают возможным, что КНР и РФ, выполнив соответствующие подготовительные работы и пресе-

кая американские действия на финансовом рынке, резко начнут вываливать на рынок свои накопленные доллары и *UST* (отметим, что долларовые резервы Китая сегодня составляют около \$2 трлн.), в то же время «включая» долларовый «пылесос» и приобретая сырьевые активы во всем мире [8]. Согласно сценарным ответвлениям, ответ США может быть выражен в виде военных операций, к которым, однако, союзники будут соответствующим образом готовы. В новом миропорядке господствуют державы, обладающие самыми большими людскими и экономическими (КНР) и территориально-материальными (РФ) ресурсами.

Примечательно, что США могут потерять глобальное лидерство не только благодаря действиям *Чируссии*. В ряде других сценариев (которые рассматриваются начиная, по меньшей мере, с 2000г.) вариант саморазрушения этой сверхдержавы станет актуальным, в частности, в том случае, если США не смогут пресечь нынешние процессы экономического спада (носящие системный характер), и они станут неконтролируемыми. Например, вместе с увеличением государственного долга (до \$17 трлн.) начинается гиперинфляция, банкротства и пр. В результате, в стране начинаются массовые волнения и столкновения, из-за хаотической ситуации население в панике убегает из страны и пр. Этот сценарий, в чем-то напоминающий распад СССР, получил название *Good bye, America*.

Некоторые выводы

Известно, что опубликованные за последние 10-20 лет прогнозы авторитетных организаций (например, *NIC*, Всемирного банка, того же *JOE* и т.д.) определенным образом воздействуют на механизм принятия решений в правительствах различных стран. Естественно, что крупные геополитические акторы прилагают определенные усилия для реализации положительных для себя сценариев и предотвращения отрицательных. «Авторитетные прогнозы» можно также интерпретировать как своего рода информационно-психологические операции, нацеленные на формирование определенных на-

строений в международном сообществе. Тем самым эти прогнозы становятся как бы элементом сознания мирового и национальных обществ, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В целом все эти обстоятельства отражаются на текущих процессах, в той или иной мере направляют их и, тем самым, в определенной степени закладывают основы будущего в соответствии со сделанными прогнозами. Таким образом, устанавливается обратная положительная связь между настоящим и будущим, т.е. развитые представления о возможном будущем способствуют корректному ведению политики в той или иной сфере уже сегодня.

Это последнее обстоятельство крайне актуально для Армении, которая расположена на стыке цивилизаций в нестабильном регионе, и для Армянства, часть которого рассеяна по странам с самыми разными культурно-политическими укладами и стремлениями. Очевидно, что для ведения адекватной национальной политики в подобных условиях необходимы представления как о будущем собственной страны и ее соседей, так и о перспективах развития глобальных политических акторов.

Между тем, будучи де-факто страной в состоянии войны, у нас отсутствуют четкие представления, например, об Азербайджане, о его обществе и экономике и тем более о возможных развитиях в этой стране после неизбежного конца углеводородного бума. Ситуация примерно такая же и по отношению к другим региональным странам.

По вполне понятным причинам, основные ресурсы армянского аналитического сообщества больше заняты конкретными региональными процессами. Однако без знания основных тенденций развития глобальных геополитических акторов крайне затруднительна разработка корректной региональной политики даже на ситуационном уровне. Все это диктует необходимость создания инфраструктур, задачами которых будет отслеживание глобальных трендов и разработка сценариев в контексте безопасности Армении и Армянства. Очевидно также, что решение подобной задачи возможно лишь при предель-

ной мобилизации интеллектуальных ресурсов Армянства. В этом контексте примечательно, что возможное будущее все больше и больше приобретает «виртуальный оттенок» в самом реальном смысле этого понятия. Но об этом – в следующем разделе.

Источники и литература

1. Прогнозирование будущего: новая парадигма. Под редакцией Г.Г., Фетисова, В.М. Бондаренко. М. – Экономика, 2008.
2. *Walonick D.S.*, An Overview of Forecasting Methodology, <http://www.statpac.com/research-papers/forecasting.htm>.
3. *Арутюнян Г.*, Цивилизационный и идеологический контекст информационной безопасности // О некоторых проблемах информационной безопасности. Ер. – НОФ «Нораванк», 2009, с. 32.
4. *Эванс Ф.Ч., Бишоп Д.М.*, Оценка компаний при слияниях и поглощениях: создание стоимости в частных компаниях. М. – Альпина Бизнес Букс, 2004.
5. *Джордж Фридман*, Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI Века. М. – ИД «Коммерсант», «ЭКСМО», 2010.
6. Китайская военная стратегия (Сост., пер., и коммент. *В.В. Малявина*). М. – «Издательство Астрель», 2002., *Харро фон Зенгер*, Стратегемы, в 2-х томах, М. – ЭКСМО, 2004.
7. *Клаузевиц*, О войне (в двух томах). М. – Военное изд-во Народного комиссариата обороны СССР, 1941.
8. *Моторин Д., Бианки В., Серавин А., Сычев С.*, После WS: мир после кризиса. Санкт-Петербург, 2009.

HOMO VIRTUALICUS
**В КОНТЕКСТЕ «ПОСТДЕМОКРАТИИ»
И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Первоначально созданный для общения профессионалов, Интернет всего за несколько десятилетий (а по нескольким иным критериям отсчета – за неполных двадцать лет) стал доступен миллиардам, а внутри него начали создаваться социальные структуры с различной функциональной нагрузкой. Все это – очередной виток перманентной информационной революции, со всеми вытекающими из этого сложного понятия последствиями позитивного и негативного характера. Следует также констатировать, что Интернет, особенно с имплантированными соцсетями и блогосферой, уже не является пассивным информационно-коммуникативным, социально-психологическим и бизнес-сервисным феноменом. Он все больше выходит за пределы мониторов наших компьютеров и становится реальным, крайне важным общественным и военно-политическим фактором.

Мы придерживаемся того мнения, что всемирная паутина стала составной частью окружающей нас среды, и поэтому давать однозначные оценки тому или иному явлению в Интернете не совсем корректно. Исследователи же должны расширить свои представления об этом феномене и попытаться разобраться в механизме его динамики. Это в определенной мере позволит, с точки зрения защиты интересов общества, содействовать желательным тенденциям или же противодействовать не совсем желательным.

Мы попытаемся представить Интернет (в комплексе с соцсетевым сообществом и блогосферой) как новую, виртуальную, но действенную форму демократии, которая в социальном плане вступает в конфликт с реалиями современной демократии, весьма метко

определяемой термином «постдемократия». Вместе с тем мы также рассмотрим роль Интернета и соцсетей в терминах информационной безопасности, так как этот комплекс является мощным оружием современных информационных сетевых войн и геополитического противостояния в целом.

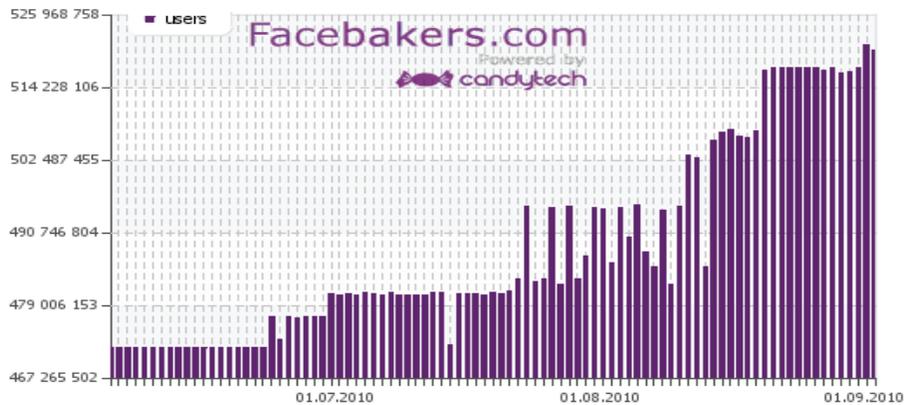
Социальные сети в Интернете. Известно, что соцсети и блоги являются наиболее бурно развивающимся сегментом Интернета. По некоторым оценкам, сегодня более 70% аудитории Интернета посещает эти структуры. Время, которое интернет-пользователи провели в 2009г. в социальных сетях, согласно данным компании *Nielsen*, по сравнению с 2008г. увеличилось на 82%. Рост посещаемости социальных сетей впечатляет: в 2007г. – 210 млн., в 2008г. – 242 млн., а в декабре 2009г. соцсети посетили более 307 млн. пользователей. *Facebook* по-прежнему остается мировым лидером среди социальных сетей – его аудитория в декабре 2009г. превысила 206 млн. человек (67% всех пользователей соцсетей в мире). Но уже в 2010г. эта цифра выросла, как следует из *рис. 1*, до 520 млн., причем 50-миллионное увеличение зафиксировано за 3 летних месяца этого года¹, а капитализация компании выросла на треть (составила около \$34млрд.) и обогнала тем самым *Google*.

Появление этих новых форм – соцсетей и блогосферы – превратило Интернет из полезного, но пассивного инструмента получения информационных услуг в интерактивную информационную социальную среду, которая не только приводит к локализации и изоляции от реальной жизни (многие исследователи отмечают «уход из реальности» определенного сегмента сетевой аудитории), но и имеет тенденцию войти во взаимодействие, порой – весьма бурное, с реальной окружающей средой. В этом контексте небезынтересно, какой именно является эта среда в настоящее время.

¹ <http://www.facebakers.com/countries-with-facebook/>.

Рис. 1

Рост числа пользователей Facebook-а за летние месяцы 2010г.

Демократии: реальная и виртуальная. Английский социолог Колин Крауч в своем недавно вышедшем на русском труде «Постдемократия» определяет нынешнюю эпоху – как бы вслед за постмодерном – как «постдемократическую» [1]. В такой системе политики замкнуты в своей собственной среде и поддерживают связь с обществом посредством начиненного манипулятивными технологиями PR-а. При этом сохраняется вся формальная демократическая атрибутика: выборы, разделение ветвей власти и т.д., однако в постдемократическом обществе, как в додемократические времена, всеми делами вершит симбиозная политическая и финансовая элита, причем доминирующей является последняя составляющая. Характерно, что некоторые другие исследователи окрестили подобную формацию как проявление «нового тоталитаризма».

По сути, к таким же выводам приходит и Михаил Делягин в своем труде «Кризис человечества: выживет ли Россия в нерусской смуте?» [2], где системные проблемы современности рассматри-

ваются также и в контексте информационной революции¹. Добавим, что концепция «постдемократии» сразу нашла последователей, и сегодня можно встретить достаточно много публикаций на эту тему, из которых отметим эссе Александра Механика [3].

Скепсис относительно адекватности нынешних демократических обществ классическим определениям демократии естественным образом возникал у многих исследователей (мы, например, иногда пользовались термином *квазидемократия*). Параллельно публиковались фундаментальные труды, в которых анализировалось влияние крупных корпораций на политические решения в крупных западных странах (см., например, [4, 5]). Однако похоже, что Крауч не только подобрал очень удачный термин, но и дал научное обоснование всему этому. В частности, он считает, что современные представления о демократии подразумевают «ограниченные возможности правительства в неограниченной экономике» и сводят демократическую составляющую к проведению выборов, которые, к тому же, можно назвать таковыми лишь с большой натяжкой. В этих условиях «правительство становится своего рода институциональным идиотом», которого все время обвиняют в невозможности реализовать эффективную политику, приписывая такую возможность лишь «частному бизнесу». Заметим, что подобная ситуация по своей сути во многом приравнивает так называемые страны с «развитой» демократией к тем, в которых демократические институты в современной интерпретации имеют недолгую историю.

¹ В связи с некоторыми тезисами этой в целом неурядной книги относительно спекулятивного капитала и возросшей креативности в бизнес среде заметим, что получаемая и используемая в режиме *on-line* информация позволяет практически свести на нет временной интервал между интеллектуальной (нематериальной) работой и материальными результатами подобной работы. Такая возможность в значительной степени меняет традиционные представления о человеческом творчестве как о в принципе нематериальной категории. Нынешняя жесткая привязанность креативности к материальным результатам не только девальвирует понятие «творчество», но и, на наш взгляд, предполагает необходимость по-разному перевести и интерпретировать формальные синонимы: русское «творчество» и английское *«creative»*.

Homo virtualicus. В отличие от постдемократических реалий, в виртуальном мире, где нет четко выраженных иерархических структур управления и соблюдается известная анонимность граждан, вроде бы царят классические, протодемократические нравы (но это – лишь в определенной мере, и к этому мы еще вернемся) типа тех, что, возможно, имели место в античных Афинах. Но вместе с тем, и это – важная деталь, в отличие от афинян, *Homo virtualicus* практически не несет ответственности за свои слова и поступки.

Между тем «граждане виртуально демократического общества», при всех своих известных и не совсем известных особенностях, являются производными от реального мира, и поэтому определенное взаимодействие и даже конфликт между виртуальными и реальными обществами неизбежны. Это особенно характерно для тех сетевых структур, которые формируются по идейным интересам. Насколько нам известно, первый конфликт такого рода с вынесением обвинительного приговора в России (за высказывания в блоге о милиции) произошел в 2008г., но сейчас такие конфликты стали почти обыденными [6]. Наверное, нет смысла вдаваться в подробности известного всем «Химкинского дела» в Москве или же реального участия в ликвидации пожаров в России посредством соцсети *Пожар_ру*. Нечто подобное имело место и в Ереване, когда против сноса представляющего архитектурную ценность кинотеатра, а затем и против закона о реформировании образования была собрана масса подписей в блогосфере с последующим переносом «дела» в *Facebook*, что и вынудило властей поменять или же отредактировать свои первоначальные решения.

Примеров консолидации и «материализации» – с тем или иным успехом – «виртуальных граждан» для протестных действий в реальном мире – множество, причем специально оговорим, что мы не рассматриваем проявления «экологического» и прочих видов терроризма. Наши наблюдения по Армении показывают, что наиболее эффективно и конструктивно в этом плане функционируют организации по охране окружающей среды и памятников культуры, что,

как правило, очень доброжелательно воспринимается «реальным обществом». В таком контексте действия сетевых сообществ можно представить как некий механизм для компенсации дефицита демократии в условиях «постдемократии». Подобные акции соцсетей фактически укрепляют пошатнувшиеся демократические институты. Это может показаться парадоксальным, но, выступая против властей, соцсети в некотором смысле укрепляют институты «национального государства» в «постдемократических условиях» в его отношениях с наднациональным капиталом (если, конечно, у властей на то имеются желание и воля). Вместе с тем виртуальные сообщества занимаются не только вопросами культуры и экологии.

Феномен *WikiLeaks*. Совсем недавно как реальное, так и виртуальное сообщества были взбодорены акцией расположенного в исландском «информационном офшоре» ресурса *WikiLeaks*¹, на сайте которого было представлено сотни тысяч секретных документов Пентагона и Госдепа. Известно, что после этого начались преследования: в различных странах, с не особенно скрываемой подачи военного ведомства США и скорее всего по надуманным обвинениям были выданы ордера на аресты, возбуждены судебные дела и вызваны на допрос сотрудники *WikiLeaks*.

Заметим, что вряд ли в свое время движение против войны во Вьетнаме могло бы собрать хоть небольшую часть той массовой аудитории и столько антивоенных аргументов против американского правительства, как это сделал *WikiLeaks*. Известно также, что, несмотря на непопулярность войн в Афганистане и Ираке (а в последнем она продолжается, несмотря на декларирование ее окончания), в целом реальный мир достаточно вяло реагирует на эти процессы. Причин тому много, но большей частью они лежат в плоскости той

¹ Особенности этого созданного в 2006г. сайта, редакторы которого утверждают, что обладают примерно миллионом секретных документов, состоят в том, что система обеспечивает высокую степень анонимности источников «утечек» информации, а однажды опубликованный материал практически невозможно «удалить» из сети, для чего в разных странах были открыты около 300 копий – так называемых зеркал.

же «постдемократии» с искусным манипулированием обществом (возможная при нынешнем симбиозе СМИ, власти и олигархата глобально-тотальная пропаганда, большие денежные компенсации семьям погибших военнослужащих и т.д.) [7].

Вместе с тем, и это может прозвучать несколько странно, скорее всего именно манипулятивная природа изрядной доли современных *СМИ*, в том числе виртуальных, позволяет некоторым аналитикам выдвинуть версию, что действия *WikiLeaks* являются частью масштабной и хорошо спланированной информационной операции. Тем самым публикация секретных документов, в интерпретации нынешних властей, никак не противоречит национальным интересам США, которые сегодня пытаются избавиться хотя бы от части неоконсервативного наследия администрации Дж.Буша.

Государства в государствах. Наряду с приведенной версией возможна и другая, близкая по духу с концепциями Колина Крауча и Михаила Делягина, но в некотором смысле придающая им новые нюансы. Ослабление национального государства в условиях постдемократии подразумевает не только трансформацию правительства в сторону «фондового рынка» и формирование нового полюса власти в лице транснациональных компаний и «неокочевников-олигархов». Одновременно происходит и расщепление самой государственной власти по признакам ведомственных интересов (опять-таки не без участия большого бизнеса).

В этом плане в американском обществе особое положение занимает военное ведомство и военно-промышленный комплекс (на угрожающе возросшую роль последнего указывал президент Дуайт Эйзенхауэр еще в 50-ых годах прошлого века). Обладая бюджетом, в условиях острого бюджетного дефицита неуклонно приближающегося к триллиону долларов (700 – 800\$ млрд. с учетом военных расходов в Афганистане и Ираке), Пентагон сегодня является своего рода государством в государстве, а интерпретация национальных интересов Соединенных Штатов военными зачастую отличается от

озвученных Белым домом. Любопытно, что это обстоятельство послужило мотивом для создания ряда кинофильмов со сценариями захвата власти в США «ястребами-генералами». Для них характерен «*happy end*» (как правило, благодаря смекалке и самоотверженности сотрудников секретных служб и президентского аппарата), но тревожный осадок все-таки остается. Все это неспроста, т.к. на такую возможность указывают и некоторые американские обозреватели (особенно после 11.09.2001), причем оперируя реальными фактами и имевшими место инцидентами. В этом контексте никак нельзя исключить вариант, что войнами в Ираке и Афганистане американское общество обязано не только геополитическим соображениям администрации Дж. Буша и «неоконов», а, как минимум, ведомственными и корпоративными интересами военной элиты, в свою очередь связанной с производителями военной техники и оружия, т.е. с крупным бизнесом. Отметим, что разведсообщество США и в первую очередь ЦРУ, будучи более информированными о ситуации в Центральной Азии и Ближнего Востока, в самых Соединенных Штатах, да и в целом мире, с намного меньшим энтузиазмом относились к перспективе масштабной войны в этих регионах [8]. Известно также, что спецслужбы США, будучи также в известной мере «государством в государстве» (общий бюджет всех американских спецслужб оценивается примерно в \$120 млрд.), в целом весьма ревниво относятся к усилению американского военного ведомства. В некоторых случаях эта ревность усиливается тем, что в своих «симпатиях» к Пентагону склоняется и Госдепартамент США (бюджет – \$15 млрд.). Возвращаясь же к публикациям *WikiLeaks* с учетом этих соображений можно выдвинуть следующую версию.

В некоторых СМИ проскользнула информация о том, что не исключено, что основной силой, которая привела Барака Обаму в Белый дом, является ЦРУ. Если принять такую версию в качестве рабочей гипотезы, то случай с *WikiLeaks* является выражением противостояния двух силовых ведомств США («двух государств» в «одном государстве»). Заметим также, что нельзя полностью исклю-

читать тот вариант, что администрация Белого дома и ее глава, вполне в духе постдемократии, не совсем в курсе того, что творится в их собственной разведке и армии, т.е. в «паралельных государствах».

Однако, так или иначе, очевидно, что безнаказанную утечку огромных массивов секретной информации невозможно представить без содействия могущественных сил в самом американском правительстве (будь то спецслужбы или новое диссидентское движение *Homo virtualicus-ov* в духе соцсетевой демократии), так же как и нельзя отрицать, что в определенных случаях эти утечки способствуют продвижению концепций нового президента. В этом контексте действия *WikiLeaks* в Интернете, тиражирование темы и информации в соцсетях и блогосфере и, что самое главное, корреляция обсуждаемой темы с макрополитическими тенденциями актуализируют обсуждаемый нами круг вопросов в терминах информационных войн и информационной безопасности.

Сетевые структуры и сетецентричные войны в контексте проблем информационной безопасности. Не требует особых комментариев тот факт, что формирование в начале девяностых годов прошлого века концептуальных основ информационных войн (*ИВ*) и информационных операций (*ИО*) совпало, а скорее всего – было обусловлено именно появлением *Интернета*.

Теория и практика *ИВ* и *ИО*, как и Интернет в целом, развиваются весьма динамично. В 90-х годах прошлого века экспертами *RAND* были разработаны концепции «информационных войн» (*ИВ*) и «сетецентричных войн» (*СВ*) [9]. Понятие «сеть» предполагает отказ от метода иерархического правления «центр – периферия» и формирование не имеющей четкой структуры, т.е. неструктурированной системы, подчиняемой логике саморазвития и нелинейных процессов. В подобной системе «центр» формально отсутствует, однако каждое из входящих в систему звеньев может взять на себя функции руководящего «центра».

В основе концепций *ИБ* лежат представления, согласно которым могущество государства в первую очередь зависит от возможности быть осведомленным, получать информацию и адекватно на нее реагировать. Цель *ИБ* – «убедить или принудить целевую аудиторию к принятию решений, способствующих продвижению собственных национальных интересов», а задача *ИЦВ* некоторыми аналитиками интерпретируется как «имплантация своего культурного кода в социуме условного друга или конкурента».

Однако нам представляется очевидным, что *ИСВ* является инструментом, которым могут пользоваться далеко не все, т.к. для его эффективного применения необходимо:

- создание действующей на основе разработанной стратегии эффективной операционной системы с высокоинтеллектуальными экспертами и исследователями, имеющими возможность полноценно осведомляться, быстро анализировать и качественно оценивать полученную информацию, а затем инструктировать «рядовых» членов сети, чтобы те адекватно и эффективно реагировали на те или иные события;
- формирование идеологической концепции, которая должна быть притягательной не только для «рядовых» членов сети, но и в известной мере для той среды, в которой они функционируют;
- осознание на уровне всех звеньев сети перманентной военной обстановки (широко интерпретируя это понятие и не имея в виду чисто военное положение), соответствующий мобилизационный стиль и настрой работы и действий [10].

Заметим, что при таком рассмотрении ставится под сомнение основной тезис определения «сети» – отсутствие иерархического управления: в подобной системе «центр» отсутствует лишь условно, он не виден, но реально присутствует и при том имеет четкую и иерархизованную структуру.

Новые информационные концепции привлекли внимание политических и военных стратегов. Очень скоро *ИБ* и *ИСВ* стали одним из краеугольных элементов современной внешней и военной политики США и других ведущих государств. В этом аспекте нетрудно заметить, что виртуальные социальные сети во многих своих проявлениях являются идеальным инструментом для ведения *ИБ* и *ИСВ*.

Это проявляется в мирное время, когда виртуальные соцсети осуществляют, например, информационно-организационное обеспечение «цветных революций» (как это недавно имело место в Иране). Соцсети играют активную роль и во время боевых действий: например, по ходу израильско-палестинского или же армяно-азербайджанского вооруженного противостояния. Таким образом, соцсети являются инструментом *ИБ*, и для их обсуждения уместна терминология из сферы информационной безопасности (*ИБ*), в которой различают технический и контентный сегменты.

Приоритетной задачей технической части *ИБ* считается обеспечение безопасности так называемых «*критических инфраструктур*» – систем управления, энерго- и водоснабжения, коммуникационно-информационных, финансовых и других систем. Представляется, что в этот список следует включить также и соцсети. В частности, согласно данным *Ponemon Institute*, порядка 65% участников опроса – пользователей социальных веб-сайтов не используют настройки безопасности и приватности, 90% регистрируются в сети, не удосуживаясь ознакомиться с ее политикой безопасности, а 40% указывают при регистрации настоящий домашний адрес и столькие же нарушают тайну пароля. Естественно, что в такой обстановке криминал в соцсетях процветает, как в лучшие для гангстеров времена в Чикаго. Не говоря уже о том, что остается весьма проблемной фигура администратора, который постепенно приобретает статус оруэлловского «Большого Брата». Вполне естественно, что базы данных в соцсетях представляют интерес не только для криминальных структур, но также и для мало-мальски уважающих себя спецслужб. Вместе с тем очевидно, что полноценно справиться с огромными

массивами информации в Интернете способны лишь гиганты электронной разведки типа Агентства национальной безопасности Соединенных Штатов.

Намного сложнее, как нам кажется, обеспечение защиты контентного сегмента, в котором уровень *ИБ* во многом определяется способностью общества отстаивать свои базовые ценности. Это особенно важно в контексте принципа *СВ* – «имплантация своего культурного кода в социуме условного друга или конкурента». В качестве методики защиты, по аналогии с принятыми в техническом сегменте *ИБ* определениями, как нам представляется, следует устанавливать также и не всегда очевидные «*критические инфраструктуры*» контента. На практике это означает, что из системы национальных ценностей должны выбираться и стать предметом особого внимания и защиты те тезисы, искажение которых может привести к национальной деморализации и деградации.

Возможные сценарии и комментарии. В последнее время появилось множество прогнозов относительно развития Интернета, и это относится как к технической сфере, так и к социальной. В частности, эксперты *Cisco* и *Monitor Group* полагают, что в ближайшие 15 лет интернет-аудитория будет расти в основном за счет жителей развивающихся стран, а границы Интернета будут размыты¹. В этом случае пользователи по всему миру смогут выходить в Сеть с большого количества доступных устройств, а Интернет станет центром оказания услуг. Вместе с тем Интернет ждет превращение в небезопасную сеть из-за возрастающего числа кибератак, и, как следствие, у него могут появиться безопасные аналоги, доступ к которым будет недешев. В этом аспекте любопытно, что в США не исключают возможности нанесения военного удара в ответ на кибератаки², т.е. действия в Интернете могут послужить *casus belli*, а возникшие войны могут в принципе привести к тотальному разрушению как реального, так и виртуального миров.

¹ <http://lenta.ru/news/2010/08/26/future/>.

² Зарубежное военное обозрение, #6, 2010, с. 96.

По прогнозам шведских исследователей, развитие интернет-сетей в итоге приведет к формированию интеллектуальной *net* элиты, которая, собственно, и будет управлять реальным глобализованным обществом [11]. Между тем интеллектуальный уровень современных соцсетей не всегда располагает к оптимизму, и это относится не только к повальному увлечению разного рода играми, что приводит к своеобразной инфантилизации *net* сообщества (см., например, [12]). Вслед за выражением *easy music* можно ввести в оборот термин *easy information*, который к тому же передается на весьма упрощенном, «глобализованном» языке «глобиш» (*globish*)¹. Этой *легкой информации* свойствен определенный синергизм, так как она, в отличие от профессиональной – *сложной информации*, обладает определенной сверхтекучестью² (я бы это назвал сверхпроводимостью) и легко резонирует с себе подобными, разветвляется, а в итоге получаем синергетический, но не всегда утешительный эффект.

Некоторые выводы. Можно констатировать, что сегодня происходит интенсивное взаимодействие между реальным и информационно-виртуальным мирами. Граница между ними становится условной, а понятие «виртуальный» теряет свой первоначальный смысл. Этому особо способствует бурное развитие соцсетей и блогосферы в Интернете, что содержит в себе как большие возможности, так и серьезные риски, из которых отметим следующие:

1. Социальные сети и блогосфера в Интернете способны как минимум тормозить процессы *дедемократизации*, столь характерные для современных *постдемократических* обществ. В определенных случаях – в контексте тенденции к доминированию наднационального капитала на государственном и глобальном уровнях – действия подобных структур могут быть направлены на защиту «национального государства» и цивилизационных ценностей общества. Таким образом, при определенных сценариях развития интернет-структуры способны стать глобальными демократическими институтами.

¹ McCrum Robert, *Globish*, London/New York City.: Viking/Norton, 2010.

² Мартиросян С., Сверхтекучесть информации в социальных сетях, http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=4810&phrase_id=1076.

2. Социальные сети и блогосфера в Интернете являются инструментом для ведения информационно-сетевых войн, т.е. в известных обстоятельствах эти структуры являются в некотором смысле оружием массового поражения, обладание которым увеличивает искушение проведения экспансионистской политики. В этом контексте очевидно, что интернет-структуры и их действия следует изучать и оценивать также и в терминах информационной безопасности, с использованием методик по определению и защите *критических инфраструктур технического и контентного сегментов*.

Источники и литература

1. Крауч К., Постдемократия. М. – Гос.ун-т – Высшая школа экономики, 2010.
2. Делягин М., Кризис человечества: выживет ли Россия в нерусской смуте? Владимир – АСТ Астрель, 2010.
3. Механик А., Преодолевая «идиотизм», Эксперт, #45(729), 2010, с. 74.
4. Хаггер Н., Синдикат. М. – Столица-Принт, 2007.
5. Лоран Э., Нефть. М. – Столица-Принт, 2008.
6. Таратуга Ю., Зыгарь М., Вы у нас еще попишите, Русский Newsweek, #18-19, (287), 2010, с. 13.
7. Арутюнян Г., О некоторых задачах стратегии США в контексте Иракской проблемы, «21 Век», #3(5), 2004, с.105 (на арм. языке); Арутюнян Г., Переходное состояние: геополитический фактор в глобальных развитиях, «21-й Век», #2, 2005, с. 3.
8. Тенет Дж. (при участии Билла Харлоу), В центре шторма. Откровения экс-главы ЦРУ. М. – ИД «Коммерсантъ»; Эксмо, 2008.
9. Гриняев С., Поле битвы – киберпространство. Мн. – Харвест, 2004.
10. Арутюнян Г., Проблемы информационной безопасности и цивилизационный фактор // кн. «О некоторых проблемах информационной безопасности». Ер. – НОФ «Нораванк», 2009, с. 5.
11. Берд А., Зондерквист Я., Netokratia. Новая правящая элита и жизнь после капитализма, Стокгольмская школа экономики, СПб, 2005.
12. Павловский Г., Интернет есть, счастья нет, Эксперт, # 30-31(715), 2010, с. 15.

Мигран Дабат

**ПАМЯТЬ В ОПАСНОСТИ.
АРМЯНСКИЙ ОПЫТ В КОНТЕКСТЕ
НОВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ**

11 сентября 2001г. стало отчетливым поворотным пунктом в международной политике. Это, вероятно, в меньшей степени касается реально-политических намерений и целей международных политических отношений: здесь по-прежнему речь идет о традиционных гегемонистских устремлениях, направленных на реализацию политических интересов, которые теперь стали преследоваться лишь несколько более открыто и наступательно, чем в течение последних десятилетий. Тем не менее, можно констатировать новый этап относительно политической аргументации и перспектив международной политики.

Действительно, сегодня политические акторы не только ставят в основу своих заявлений такие аспекты как формирование общества и ответственность, но принимают в расчет возможность самим проводить эти формирующие преобразования. Горизонт претензий не ограничен при этом ни национальным, ни региональным измерением. Речь идет о формировании мира как целого. В политических проектах начала XXIV. речь снова идет об идентичности, о стабильности и силе, однако особенно – о структурах, порядке, иерархии и властных притязаниях.

Поворотный пункт в перспективах международной политики, который имеет такие большие последствия для поиска армянами своего будущего, может быть описан следующим образом: поворот от понимания мира как *политического контекста*, сформированного, с одной стороны, многосторонним сотрудничеством, а с другой – конфликтами, к пониманию мира как *глобального общества (Global Society)*. В этом обществе речь идет не о сообществах и их политических формах, не о государствах и их структурах. Взгляд, напротив, устремляется на регионы и их риски. Таким образом, речь идет о глобальных акторах и глобальных полях деятельности мировой политики – снова и снова об угрозах и рисках.

При этом уже с середины 90-х гг. XXв. взгляд определяющих международную политику сил был направлен на так называемые *мировые риски* (*World Risks*), которым будут противостоять государства мира: наряду с констатацией слабости государства и демократии называются и такие процессы, как возникновение иррационально действующих «новых вооруженных стран»¹ (*New Weapon States*), разновидности религиозного фундаментализма, международный терроризм, глобальный дефицит ресурсов (вода, нефть) или изменения климата и климатические катастрофы. Когда в конце 90-х гг. эти риски были озвучены на мировых политических конференциях, параллельно проявились процессы, обнадеживающие для носителей армянской памяти:

- Интернет стал не только платформой объединения европейских сообществ, но служит обмену знаниями.
- Создание Международного уголовного суда и его интенсивная работа в рамках трибунала по бывшей Югославии обещало начало новой главы в международном стремлении противостоять преступлениям геноцида и тем самым свидетельствовать о чувствительном отношении к опыту геноцида.
- Также казалось, что международные дискуссии, такие, как дебаты по поводу «коллективной памяти» или «культуры памяти» сулили воспоминаниям жертв, а также самим жертвам место в мировой истории.

Однако представление о том, что мировая политика начинающегося XXIв. будет отмечена коммуникацией и объединением, а значит – новой открытостью, возросшей этичностью разума и ответственностью, оказалось ошибочным. Важно при этом в новом контексте представить себе, что на самом деле несет с собой акцентирование воспоминаний и культуры памяти в той форме, в которой оно проявилось в политике.

¹ То есть новых стран, обладающих оружием массового уничтожения. – *Прим. ред.*

Путь в XXI столетие, в новый глобальный мировой порядок, должен основываться на общей памяти войн и насилия, которые так сильно повлияли на облик Европы в XXв. При более пристальном рассмотрении политических дискурсов, в которых категория «памяти» является центральным ориентиром, быстро выясняется, что историческая ответственность только косвенно, в форме особого вида ответственности перед жертвами, является ответственностью за преследования и насилие, войны и выселения. С другой стороны, европейская политика памяти затрагивает также такие аспекты, как злоупотребления властью, недостатки демократии, образы врага в политике. Если речь заходит о «памяти», это тесно связано со специфической формой политики. В такой политике конструируется общая, связующая, глобальная память. При этом в центре оказывается не многообразие различного опыта. Напротив: интерес направлен на конструирование общезначимой и освобожденной от специфического опыта «памяти» как морального императива. От такой общей памяти много ожидали накануне XXIVв., однако распад Югославии и последовавшие войны, как и вооруженные конфликты в частях распадавшегося Советского Союза, вызвали с точки зрения европейских властей проблему, которую назвали призраком (воображаемой угрозой), подразумевая призрак нового образования этническо-национальной идентичности, для которого в политическом дискурсе вскоре был найден термин «балканизация».

11 сентября на уровне международной политики окончательно сдвинуло баланс в сторону тех, кто – особенно в контексте югославских войн – указывал на «опасность» политики идентичности негосударственных наций и этносов, а также диаспор как на новый мировой риск. При этом речь идет – цитируя британского политолога Мэри Кэлдор, чей анализ «старых» и «новых» войн (*„New and Old Wars. Organized Violence in a Global Era“, Stanford/Cambridge 1999*) является основой новой политики усиления властных позиций государства, – о «недовольных группах, живущих на чужбине, преимущественно в новых плавильных котлах наций, и утешающих себя абсолютно далекими от реальности фантазиями о своих корнях».

Сообщества-диаспоры представляют существенную опасность – в этом в последние годы в своих исследованиях и анализах соглашались с Кэлдор многочисленные политологи. «Горизонтальные и вертикальные» связи таких сообществ и националистическая политика идентичности составляют, по их мнению, опасные свойства групп, которые не хотят покоряться государственным границам. Влиятельный немецкий политолог Ульрих Шнекенер в одной из своих аналитических работ причислил диаспоры к группам, которые «не хотят мира», и однозначно определил их как «нарушителей спокойствия». В своем исследовании он особое значение придает тому, чтобы описать структуры, деятельность и поведение диаспоры как «радикальные» и как «эгоцентристские», то есть как деятельность, направленную в основном на себя же. Понятие «эгоистических интересов опасных акторов» (*egoistic interests of risky actors*) является одним из наиболее часто употребляемых понятий в международной политической теории после 11 сентября. На этом фоне требование армянами признания геноцида выглядит как ретроградная позиция, основывающаяся исключительно на собственных интересах, препятствующая политической коммуникации с Турцией и приводящая к конфликтам – при этом сегодня с этими конфликтами обращаются так, как будто у них нет предыстории.

Конфликты при этом рассматриваются как потенциалы риска, чей ход может лишь с трудом поддаваться оценке. Так, ввиду тесного переплетения и взаимосвязанности глобального мира, подтверждается опасность того, что любой конфликт на краю мира может расшатать весь мировой порядок. По этой причине на первый план современной политики выходит смягчение и урегулирование конфликтных потенциалов. И как раз это является большой угрозой, с которой сегодня сталкиваются армяне и армянская история.

Если международное сообщество упорно настаивает на том, что Армения и Турция должны сесть за один стол, чтобы «поговорить» о прошлом и будущем, если из процесса исключается собственно потерпевшая сторона, а именно армянская диаспора, то за

этим стоит как раз глобальная стратегия властей, решающих политику мира сего. Эта стратегия превращает *историческую достоверность* геноцида и его социальных последствий, коснувшихся целых поколений, в *политическое разногласие*. Поскольку такое политическое *разногласие*, которое в итоге является не более чем затянувшимся расхождением во мнениях, может стать частью повседневной политики. При этом такая стратегия направлена на то, чтобы снизить потенциальные риски. За столом переговоров, который планирует международное сообщество для памяти о геноциде, речь идет о примирении и возможно даже о символическом признании Турцией геноцида в форме «и да, и нет»¹. Но организацией такого стола преследуется одна важная цель, и это не признание геноцида, не прекращение его отрицания – целью является погашение конфликта, который больше не должен создавать политических проблем.

Проблемой является не только сама эта стратегия, в рамках которой армян принуждают вести переговоры по поводу своей истории. Проблема в том, что сегодня на фоне новой политики мирового порядка в глобальной мировой политике больше не осталось места, где можно обратить внимание на такие стратегии. И тогда историческая достоверность геноцида объявляется разногласием во мнениях между двумя государствами. И тогда опровергается идеологический характер мышления преступника. И тогда настойчивость армян относительно своей истории принимается не как часть их исторической идентичности, а трактуется как выражение хронической модели поведения нарушителя спокойствия.

Таким образом, очевидно, что эти новые политические стратегии после 11 сентября направлены как раз против сообществ, которые имеют радикальный опыт столкновения с уничтожающим насилием, – напоминать о нем стало требованием культуры памяти, определяющей политическую риторику. Политика памяти, какой мы знаем ее сегодня, стремится стать абстрактной культурой памя-

¹ Здесь автор использует неологизм, комбинирующий слова «да» (*ja*) и «нет» (*nein*) в одном слове „*jein*“. – Прим. перев.

ти, освобожденной от носителей самой этой памяти, от жертв и последующих поколений. Должна быть сконструирована в одинаковой степени для всех обязывающая память об опыте насилия, общем для жертв и преступников – несмотря на то, что опыт жертв и преступников принципиально различен и не подлежит сравнению друг с другом, так как они стоят на двух диаметрально противоположных полюсах насилия.

В контексте этой стратегии политики памяти, нивелирующей опыт жертв и преступников, специфика воспоминаний жертв и последующих поколений, отстаивание собственной истории, которая не растворяется в абстрактной глобальной памяти, понимаются как исключительное и реакционное упрямство. В особой степени это касается армянского сообщества, чья память об опыте геноцида была дискредитирована мощной политикой отрицания со стороны Турции, чье требование признания своей истории считается опасной помехой, отягощающей политические отношения с важным союзником и экономическим партнером. Так как парадигма культуры памяти, которая после опыта Холокоста стала политическим императивом, не может ставиться под сомнение, политическая стратегия преодоления этого препятствия направлена как раз против носителей памяти. И тогда политика Запада оказывается направленной не против сильного турецкого национального государства, пропагандирующего политическое отрицание, а против армянской диаспоры, следующей императиву воспоминания и требующей его соблюдения, из-за этого она почти единогласно дискредитируется в западных СМИ как националистическая и экстремистская.

Свое выражение эта стратегия находит не в последнюю очередь в требовании диалога, с помощью которого достоверность геноцида становится вопросом выяснения мнений. В таком диалоге настаивание на памяти о геноциде и требование признания видятся такими же националистическими, как и отрицание геноцида – тем самым память и отрицание рассматриваются параллельно. Проведение такой параллели пронизывает, кстати, весь окружающий «диа-

лог» дискурс, так, что в этом контексте уже едва ли возможно найти какой-либо элемент, который бы не относился тождественно как к «турецкому национализму», так и к «армянскому».

Таким образом, мы сталкиваемся здесь с двойной стратегией мировых политических деятелей и Турции, а именно: наряду с государственной политикой отрицания редуцировать, с одной стороны, дискурс о геноциде до обсуждаемого расхождения во мнениях, с другой – дискредитировать и маргинализировать армянскую диаспору как носителя этого опыта. Самым ярким образом эта стратегия проявляется в требовании диалога между Арменией и Турцией, который должен закончиться примирением.

Понятие «примирение» в целом вводится достаточно позитивно и является в политическом дискурсе после Второй мировой войны чрезвычайно важным. Если иметь в виду «немецко-французское примирение» после Второй мировой войны, то можно даже говорить о конкретной политике осуществления шагов навстречу друг другу и культурного обмена.

«Примирение» не является никоим образом только лишь пустой фразой по случаю памятных дат. Но если мы говорим о Турции и Армении, то мысль о примирении сегодня может оказаться политической ловушкой.

Под «политикой примирения» понимаются политические переговоры и программы, которые должны обеспечить появление конфликтующих сторон, как в нашем примере – немцев и французов, рядом за столом переговоров после совершившегося конфликта. В случае примирения обе конфликтующие стороны должны снова сделать шаги навстречу друг другу, они должны находиться в равноправном, симметричном отношении друг к другу.

В «политике примирения» мы имеем дело, таким образом, с солидарностью государств. «Политика примирения» должна служить тому, чтобы, пытаясь сгладить наиболее острые углы конфликта, обеспечить возможность сотрудничества на международном уровне, чтобы разряжать конфликты в мировом сообществе.

Однако сложно, если не сказать проблематично, говорить о примирении после геноцида. Так как геноцид не является результатом конфликта между двумя сторонами, находящимися на более или менее равных позициях. Политика геноцида характеризуется принципиально односторонним применением насилия и направленной волей преступника, то есть однозначной интенцией на насилие. В случае геноцида, таким образом, никогда не идет речь о противостоящих конфликтных сторонах, но о «преступниках» и «жертвах». На этом фоне следует спросить себя о том, при каких условиях может быть возможным «примирение» после случившегося геноцида. Является ли требованием такого примирения сознание преступника в содеянном и признание своей вины? Возможна ли надежда на прощение и тем самым на примирение без признания своей вины и гарантии ответственности?

Наверняка возможно, что начавшийся с предустановленными понятиями «диалог» и «примирение» процесс, который весьма способствовал осторожному открытию темы в Турции, примет другое направление и приведет к другим результатам, а не к тем, которые закладывались архитекторами этой стратегии. Этого, однако, следует ожидать только в том случае, если армянская сторона сама направит внимательный и критичный взгляд на понятия и стратегии.

Таким образом, вначале важно констатировать: если сегодня речь заходит о примирении между Арменией и Турцией относительно геноцида, изначальная мысль о политическом примирении должна стратегически отступить на второй план. Если в отношении Германии мы говорим о всестороннем расследовании Холокоста, то мы имеем дело с работой по *переосмыслению истории*¹. Такое переосмысление и воспоминание означают, что нужно привыкнуть к тому, что граница между жертвами и преступниками останется навсегда. Примирение означает в Германии также искать примирения

¹ Используется принятое после Второй мировой войны понятие «*Aufarbeitung*» (переработка), собирающее на себе весь комплекс работы с опытом насилия и агрессии Германии во Второй мировой войне, включающей в себя как теоретическую, интеллектуальную работу, так и действия в сфере культуры и образования. – *Прим. перев.*

с собственным прошлым преступника, то есть принятие в качестве преступника своего прошлого. Однако если появляются требования диалога между Арменией и Турцией, то имеются в виду переговоры по поводу истории с тем, чтобы на место признания и работы по переосмыслению поставить примирение.

Что остается делать перед лицом разворачивания таких процессов и мощных, комплексных стратегий?

Для начала важно не позволить лишиться себя мужества и последовательно продолжать придерживаться своей настойчивости, а также осознанно и четко формулировать собственную позицию. Мы должны делать то, чего опасаются сильные государства глобального мирового порядка, озабоченные спокойствием в собственном доме: не прекращать предъявлять свои претензии на пространство деятельности в политике. При этом должна быть осознана описанная выше смена парадигм в стратегии международной политики, и с учетом этого должны быть скорректированы наши собственные стратегии. Здесь диаспоре отводится особая роль. Потому что в контексте новой политики мирового порядка от Республики Армения, как от маленького государства в геостратегически важном регионе, требуется подчиняться логике действий национальных государств. Диаспора же, которая по причине своих децентрализованных и связанных между собой структур представлена в различных точках мира, может нарушить эту логику действия в ее гегемонистском принуждении и стать политически значимой. Диаспора может влиять на политику соответствующих правительств, она может отстаивать свое право на собственную историю и память, может, в отличие от национального государства, по-другому возражать против аргумента, что тем самым она встает на пути союзно-политического расчета или на пути развития мировых финансовых рынков.

Это различие в пространствах деятельности национального государства, с одной стороны, и диаспоры, с другой, приводит к описанной выше активной дискредитации диаспоры с целью ее исключения из процессов. Не напрасно диалог постоянно предлагает

ся исключительно Республике Армения, подчиненной логике поведения властей, решающих политику мира сего.

Однако чтобы разобраться в мировой политике и оказывать на нее влияние, необходимо знать ее концепты и понятия, а также жить в ее центрах. Только благодаря нашим собственным голосам в мировых центрах нам может сегодня удастся отвоевать место для армянской памяти, армянских интересов и армянского будущего. Тогда – и только тогда – появится возможность объяснить следующим поколениям, почему важно сопротивляться мировой политике. Именно по той причине, что децентрализованная структура диаспоры является неперенным условием для деятельности в различных центрах мира в разных ролях и с разными возможностями, эта децентрализованная структура не должна ослабевать. Напротив: она должна усиливаться, а ее связи – оптимизироваться.

При этом мы должны осознавать, что вопрос, который мы сегодня ставим: что необходимо сделать, чтобы обеспечить армянам свое место в мире и присутствие как и участие в политике? – не является новым вопросом, а тем, который нас постоянно сопровождал. В действительности, столетиями каждое поколение заново ставило этот вопрос. И относительно будущего армян всегда было два ответа: один – для родины, другой – для многочисленных сообществ на чужбине. Обе эти опоры мы должны равнозначно усиливать. Мы должны образовывать сети знания и через эти сети активно оказывать влияние на политику. И это не только на пользу нашим «собственным» или «эгоистическим» интересам. Но сегодня также преследуется цель противопоставлять себя новым государственным гегемониям и национализмам.

В то время как национальные государства собирают на своей стороне все права и провозглашают себя хранителями знания, заступниками и гарантами безопасности, здоровья и права, сообщества-диаспоры имеют не только древнюю историю, но и самокритичное прошлое. Поэтому именно диаспора может заявлять о своем праве на соавторство во введении к истории мира, которая будет

заново написана в эпоху глобализации. Время просьб о признании истекает, потому что глобальный мировой порядок будет держаться твердыней «сильных государств» (*strong states*). И наша задача заключается в том, чтобы быть критическим и ангажированным потенциалом в этой твердыне, чтобы добиться из диаспоры утверждения армянской истории во всеобщем знании и тем самым в политике как не подлежащего переговорам достоинства.

Поэтому я считаю, что нам следует, с учетом предложенных здесь размышлений, заново концептуализировать наши действия до 2015г., чтобы суметь развернуть дискурс об армянском опыте, который сегодня могут отобрать из рук его носителей. Это означает, что дискурс о геноциде должен быть изъят из определяющей его сегодня дискуссии по замкнутому кругу «Геноцид – Да-или-Нет», в которой жертва, редуцируясь до статуса стороны в конфликте, подчиняется в итоге власти отрицания и втискивается в логику преступника. Поэтому для армян не в последнюю очередь будет иметь значение интеллектуализация своей истории и опыта. Под этим я понимаю то, что армянский опыт должен подвергнуться рефлексии и должно быть исследовано его значение для основополагающих аспектов мышления, общественных отношений, индивидуума, этики и политики. Таким образом, в общих рамках может быть прояснена актуальность этого опыта для основных проблем индивидуального и коллективного существования, и работа с армянским опытом может быть защищена от упреков в национализме или затаенной обиде. На мой взгляд, было бы, например, важно возобновить и продолжить те полиперспективные литературные, художественные и философские работы по осмыслению армянского опыта, которые были начаты в 20-х гг. XXв. При этом должно быть ясным то, что мы здесь имеем дело с чрезвычайно характерными и обширными рефлексиями типичного современного опыта, выходящего за пределы армянской специфики.

То, как могут быть реализованы эти принципиальные идеи, я бы хотел показать некоторыми, наверняка не исчерпывающими, конкретными предложениями:

- Поддержка исторического исследования, которое не должно больше концентрироваться на поиске доказательств или ограничиваться им, а должно внимательно рассмотреть все до единого аспекты уничтожения армян в Османской империи (предыстория, структуры реализации, идеологические аспекты, розыск преступников). Тем самым может быть создана рамка освобожденной от необходимости поиска свидетельств, многоплановой и обстоятельной научной работы над этим вопросом.
- Поддержка междисциплинарности в работе над вопросом геноцида и его последствий. Следовало бы также подумать о том, чтобы задействовать перспективы среди прочего социальной психологии, социологии, исследования травм, литературоведения и художественной истории.
- Учреждение исследовательских и научных стипендий для ученых, занимающихся подобным образом проблемой геноцида. Для обеспечения целенаправленной исследовательской политики и поддержки следует подумать об образовании специального фонда.
- Переводы и переиздания литературных размышлений по поводу армянского опыта в литературе 20-х гг. XXв.

В конечном счете, память о геноциде и настаивание на его признании можно было бы убрать с переднего плана исходного политического требования и не в последнюю очередь противодействовать политической инструментализации дискурса о геноциде, которая отмечается в требуемом «диалогизме».

Более того, на фоне описанных выше актуальных мировых политических процессов чрезвычайно важно, чтобы в будущем при концептуализации наших стратегий, на конференциях, слушаниях во время различных действий, а также при формулировании наших

требований (компенсаций, репараций и т.д.) мы консультировались с учеными и политиками, хорошо знакомыми с глобальными политическими процессами и интерпретациями понятий.

Настало время, когда место постулата морали, определявшей до сих пор наши усилия, должно занять знание. Это является необходимым условием для того, чтобы иметь возможность определяющим образом вмешиваться в дискурс и вернуть себе власть над определением значения понятий (категорий). Только так мы сможем, на мой взгляд, преодолеть позицию попрошайки и освободиться от зависимости (в которой виноваты мы сами) от третьих сторон, которые так хорошо чувствуют себя в роли «рационального, объективного посредника».

Ара Марджанян

НАШЕ БУДУЩЕЕ – ГЛАЗАМИ *NIS*

Введение

Каждый, кто говорит «Я», адресуется к «Другому».
Эммануэль Левинас. «Гуманизм Другого», 1973г.

Люди всегда хотели предвидеть будущее, по мере сил предотвратить грядущие бедствия или подготовиться к ним. Здесь важно знать, каким Ваше будущее видится «другому», могущественному «Другому» – во всех смыслах этого любимого термина постмодернистского дискурса. Ведь это позволит кристаллизовать Ваши ожидания от Вашего же будущего, раскрыться ему навстречу, приспособиться или противостоять ему. Как говорится, «предупрежден – значит вооружен». Все это верно, когда говорят о личности, о «Я». Но это справедливо и в том случае, когда речь идет о нации, нациигосударстве, о «Нас». Здесь это уже просто необходимо, особенно если этот «другой» – одна из влиятельнейших организаций разведывательного сообщества (РС)¹ самой мощной державы мира: Национальный совет по разведке (НСР, *National Intelligence Council, NIC*) Соединенных Штатов Америки.

¹ В настоящее время разведсообщество США (РС США) включает в себя 16 отдельных разведывательных агентств и организаций: ЦРУ, АНБ, ФБР, Разведывательное управление министерства обороны (РУМО, *DIA*), Национальное агентство геокосмической разведки (НАГР, *NGIA*), Национальное управление рекогносцировки (НУР, *NRO*), Бюро разведки и исследований Государственного департамента США (БРИ ГД, *SD BIR*), соответствующие разведслужбы военно-воздушных (*Air Force*), сухопутных (*Army*), военно-морских (*Navy*) сил, морского десанта (*Marine Corps*) и береговой охраны (*Coast Guard*), Департамента защиты отечества при Белом доме (*DHS*), Управления по борьбе с наркотиками (*DEA*), Министерства энергетики (*DoE*) и Федерального казначейства США.

Основной задачей и главной целью деятельности НСР является подготовка для президента, высшего политического и военного руководства США так называемых *Оценок Национальной разведки* (ОНР, *National Intelligence Estimates, NIEs*) по интересующим их вопросам. Эти ОНР являются не столько оперативными документами, основанными на текущей разведывательной информации, полученной в шестнадцати агентствах и организациях РС США, но скорее аналитическими материалами по оценке вероятности того или иного сценарного развития данной ситуации, события или изучаемого явления. Обычно ОНР содержат также среднесрочный и/или долгосрочный анализ основных тенденций развития. При этом используется самый широкий спектр исходных данных – совсем не обязательно разведывательной природы¹. Таким образом, ОНР являются центральными документами, «наиболее авторитетными официальными письменными источниками»², на которых строится международная политика США в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Проекты НСР 2010, 2015 и т.д. и их итоговые документы – отчеты «Глобальные тенденции 2010, 2015» и т.д., которые и рассматриваются в нашей статье [1], являются, по сути, обобщенными наследниками этих ОНР. Как и всем наследникам, им присущи определенные достоинства и недостатки. Поэтому для их адекватного понимания следует иметь в виду следующие обстоятельства.

Во-первых, ни ОНР, ни «Глобальные тенденции» не являются ни пророчествами, ни истиной в последней инстанции, хотя в истории их создания можно найти и примеры довольно точных предсказаний, даже настоящих «пророчеств», однако в ней имеется

¹Так, при масштабных работах по анализу политической нестабильности всех государств мира, проводимых в 1960-70гг. РС США, для каждой из стран изучались более 600 различных исходных переменных/параметров (см. [2]).

²www.dni.gov/nic/NIC.

и немало примеров очевидных ошибок и грубых упущений¹. С другой стороны, с точки зрения глобального и регионального среднесрочного и долгосрочного анализа тенденций, предсказания основных направлений развития, они являются вполне адекватными источниками. Ну, а если учесть упорядоченный характер этих материалов, их впечатляющий объем, уровень интеллектуального и экспертного потенциала вовлеченного в их подготовку, более полувековой опыт непрерывной работы по их созданию и степень доступности основных и вспомогательных материалов², то их роль трудно переоценить.

Во-вторых, чрезвычайно важно понять, что ни ОНР, ни «Глобальные тенденции» не создавались и не создаются в вакууме. Точно так, как реалии Холодной войны оставили свой неизгладимый отпечаток на содержание многих ранних ОНР, на их выводы, рекомендации и способы их применения, так и «Глобальные тенденции» постсоветской эпохи глобализации и «войны цивилизаций» несут на себе отпечаток политической конъюнктуры, корпоративных интересов, влияния лоббистов и прочих «внешних воздействий» со стороны различных властных и прочих структур США. Естественно, все это не может не отразиться на содержании как некоторых современных ОНР, так и на итоговых отчетах проектов НСР 2010, 2015 и т.д. Вспомним хотя бы недавние скандальные истории, связанные с ОНР, оценивающей ядерные и бактериологические воз-

¹Примеров точных предсказаний предостаточно в самих отчетах «Глобальные тенденции». Из более ранних примеров укажем на ОНР-3 (*NIE-3*) от 15-го ноября 1950г., посвященную оценке политики и способа действий СССР, ОНР-11 того же года «О намерениях СССР» (*NIE-11*), отчет от 1-го июня 1967г. о сотрудничестве между СССР и Ираном в нефтегазовой отрасли (*RR IM 67-29*) или отчет по оценке результатов вторжения СССР в Афганистан (*NI IIM 79-10022*). Наиболее ярким примером неверной оценки, вольной или невольной, являются недавние ОНР о потенциале оружия массового поражения (ОМП) Ирака. Из примеров грубо ошибочных оценок вероятности события (но не тенденций) напомним оценки вероятности военного вторжения сил Варшавского Пакта в Венгрию, оценку вероятности революции в Иране и, особенно, оценку вероятности развала СССР (*NIE 11-18-90*) или Азиатского финансово-экономического кризиса 1997-98гг. (НСР 2010).

²В основном в рамках «Закона о свободе информации» США (ЗоСИ, *FOIA*).

возможности саддамовского режима или его вовлеченности в подготовку и исполнение чудовищных терактов в США в сентябре 2001г.¹ Однако эти, как выяснилось позже, неверные, оценки привели к военному вторжению США в Ирак, смене режима в этой стране и, по сути, положили начало геополитической перекройке всего Ближневосточного региона.

Наконец, следует помнить, что эти проекты – результат деятельности преимущественно разведсообщества США. И то обстоятельство, что итоговые отчеты этих проектов изначально создавались как открытые материалы, а начиная с НСР 2020 они имели и самое широкое международное распространение, заставляет нас

¹ Это тот редкий случай, когда «внешнее воздействие» может быть прослежено с точностью до месяца и круга вовлеченных лиц: апрель 2001г., заседание Комитета директоров (Principals Committee) по контртеррористической деятельности. Приведем цитату: «Я (Ричард Кларк, Национальный координатор по безопасности и контртеррористической деятельности США с 1998 года, только что пониженный в статусе решением К.Райс, советником президента по национальной безопасности. Об этом свидетельствует то, что на этом, историческом теперь уже, заседании присутствовали **заместители** Комитета директоров – А.М.) сразу же начал с того, что мы должны надавить на бен Ладена, аль Канду и на Талибов путем вооружения Северного Альянса и других групп в Афганистане. Пол Волфовиц, заместитель Д.Рамсфельда (министра обороны США – А.М.), перевернул. «Я не понимаю, зачем мы вообще говорим об этом парне, бен Ладене», – заявил он. Я ответил, что мы говорим о сети террористических организаций, называемой *аль Канда*, возглавляемой именно «этим парнем» – бен Ладеном, и единственной силой, способной единолично представлять собой серьезную, прямую и непосредственную угрозу для США. «Да, но есть другая – Иракский терроризм, например» – ответил он, смотря не на меня, а на Хедли (заместитель К.Райс – А.М.). «Пол, я не знаю ни о какой террористической угрозе США, исходящей из Ирака, – возразил я и, указав на Джона (Дж. Маклафлин, заместитель директора ЦРУ – А.М.), продолжил, – думаю, что с этим согласятся и ЦРУ, и ФБР». Джон, очевидно, недовольный тем, что приходится ввязываться в спор между Белым домом и Пентагоном, тем не менее, сказал: «Да, это так, Дик. У нас нет никаких улик, свидетельствующих о какой-либо террористической активности Ирака, направленной на США». Наконец-то Волфовиц повернулся ко мне: «Вы все же уделяете этому бен Ладену слишком большое внимание. Он не мог в одиночку, без поддержки государства, организовать атаку 1993г. (речь идет о взрыве в нью-йоркском Центре мировой торговли в 1993г. – А.М.)». Я не поверил своим ушам. Волфовиц воскрешал давно дискредитировавшие себя бредни Л.Майлро (скандально известная писательница, весьма популярная в среде неоконсерваторов, сотрудница *Американ Энтерпрайз Инститют (АЕИ)*, этой «школы» администрации президента Дж. Буша-младшего. – А.М.) о том, что за взрывом 1993г. стоял Ирак. Вопрос этот досконально изучался годами, его несостоятельность была доказана с полной очевидностью...» (см. [3], pp. 231-232). Подчеркнем, описываемое Диком Кларком событие происходило в апреле 2001г. До 11-го сентября оставалось менее 4-х месяцев. Чуть позднее начались разговоры о «пражских контактах» *аль Канды* с иракскими спецслужбами, об урановом «желтом пироге» из Нигерии, о «бактериологическом фургончике» и прочем. Появились соответствующие ОНР, призванные обосновать необходимость вторжения в Ирак и смены режима в этой стране. «Война, которую мы выбрали» (*The War of Choice*), – так охарактеризовал эту войну в Ираке президент США Б.Обама в своей, вероятно исторической, речи в Каирском университете в июне 2009г. Это выражение президента можно перевести и как «война, которая не была необходима». Но в апреле 2001г. до этого понимания было еще далеко.

предположить, что они отражают лишь «верхушку айсберга». Следовательно, здесь в полной мере приемлем вывод, который мы сформулировали в одной из наших ранних статей [2], где анализировалась деятельность Группы политической нестабильности (*PITF*) в середине 90-х годов прошлого века, тесно связанной с РС США и проводящей оценки «силы», «слабости» и «провальности» (*failed states*) различных государств. А именно: *Самую очевидную особенность фазы открытых публикаций, саму эту открытость, следует трактовать как необходимый элемент стратегии «пропаганды демократии», созвучной формуле «моделирование–предсказание–воздействие»* [2, § 95].

1. Формирование НСР США

Только когда все умрут, но не раньше,
тогда и закончится большая игра.

Редьярд Киплинг. «Ким». Гл. XII. 1897-1900гг.

Официальным годом рождения НСР США считается 1979-й. Однако причины формирования НСР и ее предшественниц находятся в более раннем времени и восходят к 1947г., когда был принят «Закон о Национальной безопасности» США (*National Security Act, 1947*) и указом президента Г.Трумэна был основан пост Директора Центральной разведки¹ (*Director of Central Intelligence, DCI*) с полномочиями по координации, распространению и оценке всей разведывательной информации доступной во всех соответствующих агентствах и структурах РС США. В качестве побудительного мотива всего этого официальный сайт НСР отмечает «болезненные воспоминания о неожиданном нападении Японии на *Перл Харбор*»². Однако, осмелимся утверждать, что не менее важной причиной введения поста ДЦР и всего «Закона о Национальной безопасности» США от 1947г. явилось столь же болезненное осознание факта труднооб-

¹ Не путать с постом директора ЦРУ, хотя все предыдущие ДЦР США совмещали эти посты.

² www.dni.gov/nic/NIC_history.html

разимой степени проникновения коммунистических агентов во властные структуры США, да и всего Запада (Канада, Великобритания, Франция, Германия, Австралия и т.д.). Осознание, которое началось с бегства О.Гузенко – шифровальщика Главного разведывательного управления генштаба СССР в советском посольстве в Канаде в 1945г., продолжилось ошеломляющими признаниями Э.Бентли, У.Чамберса и прочих перед комиссией по Антиамериканской деятельности в сенате США в начале 50-х и, более или менее, закончилось в 1995-97гг. – рассекречиванием и публикацией свыше 3-х тысяч совершенно секретных документов проекта «Венона» АНБ США¹. Подобное осознание с неизбежностью вело к необходимости обеспечения эффективной интеграции контрразведывательной деятельности, традиционно связанной с ФБР, с собственно разведкой (ЦРУ, АНБ и т.д.) и прочими структурами РС и национальной безопасности США. На создание предпосылок подобной интеграции в первую очередь и были нацелены упомянутый закон от 1947-го года и введение поста ДЦР.

В конце 40-ых годов аналитические оценки национальной разведки – прообраз того, что мы теперь называем ОНР, – составлялись в ЦРУ специальным Отделом по исследованиям и оценкам (ОИО, *Office of Research and Estimates, ORE*) и имели рубрикацию «*ORE*» (ОИО). В 1950г. новоназначенный ДЦР (и директор ЦРУ) У.Смит укрепляет эту «интегрирующую» роль созданием в своем непосредственном подчинении Национального совета по оценкам (НСО, *Board of National Estimates*). После этого Совет приступил к оценкам внешних угроз и среднесрочному и долгосрочному прогнозированию международной обстановки на национальном уровне с помощью специального Отдела национальных оценок ЦРУ (ОНО, *Office of National Estimates, ONE*). Вплоть до своего расформирования в ноябре 1973г. ОНО подготовил более 1500 оценок (ОНР), в т.ч. и первый документ, имеющий эту рубрикацию и посвященный

¹ www.nsa.gov/venona/index.cfm.

оценкам вероятных военных действий СССР в Филиппинах (*NIE-1*)¹.

Новый этап в становлении СНР связан с победой Р.Никсона на президентских выборах и приходом к власти Республиканской партии США. Благодаря усилиям нового директора ЦРУ У.Колби существенно изменились методы и сама философия составления ОНР. Колби считал, что НСО переродилась в оторванную от действительности структуру, в некий «Совет мудрецов», следующий в большей степени внутренней политической конъюнктуре, нежели объективным реалиям и сути задач, связанных с подлинными национальными интересами США. Он считал необходимым существенно поднять уровень обмена и анализа разведанных внутри РС, обеспечить более эффективное вовлечение ее структур в подготовку ОНР и, главное, резко повысить степень ответственности подготовки ОНР перед запросами президента и высших властных структур США. Поэтому в ноябре 1973г. он расформировал «Совет мудрецов» и ОНА, заменив их группой «Офицеры национальной разведки» (*National Intelligence Officers, NIOs*) действовавших каждый в своей функциональной или региональной области и ответственных за подготовку ОНР. Разумеется, это начинание, как и многие другие инициативы администрации президента Р.Никсона, не были доведены до конца и были прерваны импичментом. В 1979г. группа «Офицеры национальной разведки» была переименована в Национальный совет по разведке с непосредственным подчинением директору ЦРУ.

Современный статус СНР, да и всего РС США во многом сформирован реалиями, сложившимися в результате развала СССР и террористического нападения на США в сентябре 2001г. С формальной точки зрения этот статус закреплен в настоящее время (январь 2009г.) законом США «О реформе разведки и предотвращением терроризма», принятым в 2004г. В соответствии с этим законом в 2005г.

¹ В течение своей деятельности в НСО работали от 5-и до 12 старших эксперта, которым помогали 25-30 региональных и функциональных специалиста и технический персонал. Подготовка ОНР обычно длилась от 6-и до 8-и недель. Они могли быть заказаны президентом США, некоторыми членами Совета безопасности США (СБ, *NSC*), всеми членами Совета Разведки США (*USIB*) и самим главой НСО. В зависимости от степени секретности и содержания данного ОНР итоговый документ рассылался НСО по 100-300 адресам. После рассылки, на основе полученных комментариев, работа над ОНР могла продолжаться еще какое-то время.

указом президента США был введен пост Директора Национальной разведки (ДНР, *DNI*). Кандидатура на этот пост выдвигается самим президентом и утверждается сенатом США. Отныне ДНР не должен возглавлять какое-либо из 16 агентств РС, но должен формулировать цели и задачи стоящие перед всем разведсообществом, выдвигать приоритеты в их выполнении, обеспечивать координацию сбора, анализа и распространения информации внутри РС. Тем же законом предусмотрено создание Офиса ДНР (ОДНР, *Office of the Director of National Intelligence, ODNI*). Таким образом, ДНР становится главным официальным советником по разведке перед президентом и Советом национальной безопасности США, заменив собой директора ЦРУ [3, Ch. 3, pp. 153-157]¹. НСР непосредственно подчинен ДНР и в своих оценках должен представлять согласованное и обобщенное мнение всего РС США по тому или иному вопросу². С большой долей уверенности можно утверждать, что современный статус НСР, да и сама структура всего РС еще будут подвергаться дальнейшим эволюционным изменениям, т. е. в спектре возможностей от «*ONE*» к «*ODNI*»³, особенно если учесть различие в подходах новой и старой администрации Белого дома по этому кругу вопросов. Но это предмет для отдельного разговора.

Чтобы хорошо представить себе, как НСР видит наше будущее, полезно знать, как он видел наше прошлое. Поэтому добавим, что по состоянию на январь 2009г. в рамках ЗоСИ США на сайте НСР были доступны 544 полностью или частично рассекреченных ОИО и ОНР общим объемом в 13.4 тыс. страниц, посвященных бывшему СССР и

¹ В своей программной статье 2007г. второй ДНР США адмирал М.Макконнел отмечал, что модус действия ОДНР должен быть созвучен принципу «объединенного военного командования» (*joint military command*), предусмотренному военной реформой Голдуотера-Никольса середины 80-ых [4, p. 53-54]. Заметим, кстати, что в свою очередь многие положения этого принципа являются результатом глубоко анализа и развития опыта управления фронтами и группами армий, отработанных в СССР во время Второй мировой войны.

² В июне 2009г. стали известны кандидатуры ДНР и директора ЦРУ нового президента США Б.Обамы. Ими стали 68-летний адмирал в отставке Д.Блейер, бывший (1999-2002гг.) главком ТОФ США, и 70-летний Л.Паннета, бывший (1994-1997гг.) глава аппарата президента Б.Клинтоня соответственно.

³ Да простит мне читатель этот невольный каламбур.

международному коммунизму за период от 1946-го до 1991года¹. Из них 26 документов в той или иной мере относятся к Армении. Их список начинается отчетом «ОИО-15» за 1947г. по проблеме региона Хатай – бывшей республике Хатай, или *санджака* Александретты (территория нынешней Турции, «*The HATAY question*» ORE-15). Помимо этого, в указанном списке документов Армения или армянский фактор затронуты в таких контекстах, как раздел Палестины (ОИО-55 от 1947г.), курдская проблема (ОИО-71 от 1948г. или документ от 1992г.), ситуация в северном Азербайджане (ОИО-19) или коммунистическое влияние в Иране через политическую партию «Туде» (ОИО-23 от 1949г). Здесь можно видеть и известное ОНР-3 от 1950г. «О возможностях и намерениях СССР», и итоговый отчет Проекта НСР-2015 «Глобальные тенденции 2015» от 2000 года. Весьма характерное соседство.

В целом же поисковая система сайта ЦРУ по состоянию на январь 2009г. в рамках ЗоСИ США приводила 231 документ общеразведывательной природы, касающийся Армении и охватывающий период 1944-2004гг. (165 для Азербайджана, 240 для Грузии). Список этот символично возглавляет документ от 1944г. «Дашнаки поворачиваются лицом к Советам» («*The TASHNAGs turn to soviet Russia*»). Среди них – и 26 ОИО и ОНР приводимых в *Приложении 1* нашей статьи. Помимо них, список включает в себя многочисленные отчеты по оценке энергетической, химической и атомной отраслях промышленности республики, материалы об армянских национальных формированиях, воевавших на стороне 3-го Рейха во

¹ Другим источником материалов аналитической природы являются монографии и отчеты, объединенные в серии *CAESAR*, *POLO* и *ESAU*, посвященных партийной иерархии, персоналиям, механизмам власти и принятию решений компартиями СССР (*CAESAR*), Китая (*POLO*), а также взаимоотношениям этих двух стран и их связям со странами третьего мира (*ESAU*). В настоящее время в рамках ЗоСИ доступны 147 совершенно секретных документа этих серий общим объемом в 11 тыс. страниц, подготовленных с 1953-го по 1973 годы в различных подразделениях ЦРУ и рассекреченных в основном весной-летом 2007г. Следует иметь в виду, что в отличие от документов ОИО и ОНР, эти документы не являются официальными оценками вероятности тех или иных событий и не отражают официальную точку зрения ЦРУ или РС США по данному вопросу.

Второй мировой войне, оценки социальной структуры общества и потенциале антикоммунистической деятельности в АрмССР и даже некоторые образчики анекдотов «Армянского радио» и многое другое¹. Материалы эти, к сожалению, до сих пор еще не введены в обиход исследований, проводимых аналитическим сообществом Армении и армянства, и все еще ждут своего исследователя.

2. Выводы Проектов НСР 2010, 2015, 2020, 2025 и выводы для Армении

Простите, что каждый раз, говоря перед широкой аудиторией о нашей внешней политике, я вынужден углубляться в технические подробности. Но мне кажется, чрезвычайно важно, чтобы наш народ достиг общего понимания реальных трудностей, а не действовал под диктовку страстей, предубеждений или момента.

Джордж Маршалл, 5 июня 1947г.

Со стартовавшей в 1996г. первой программы «НСР 2010» прошло уже более 10 лет, что создает для нас комфортную ситуацию, позволяя непосредственно сравнивать сделанные во всех четырех программах НСР 2010, 2015, 2020 и 2025 [6-9] прогнозы и выводы с реальным развитием событий и их тенденциями. Прежде всего, попытаемся выделить тот «сухой остаток», который, думается, характерен для результатов этих проектов. Для этого мы свели основные выводы в одну сводную таблицу, отметив название и год публикаций итоговых отчетов программ НСР, с краткими сведениями об участниках и используемой методологии (см. в конце материала). Выводы сгруппированы по трем уровням общности: глобальные, региональные и непосредственно касающиеся Закавказских стран².

¹ www.foia.cia.gov.

² Заметим, что этот материал выявляет источник многих аналитических работ и статей прошедшего десятилетия на английском, русском, армянском и прочих языках. Естественно, среди них наиболее ценны те немногочисленные работы, которые хронологически или предвосхищали адекватные выводы НСР или осуществлялись независимо от них. Отрадно, что в их числе можно отметить и некоторые публикации НОФ «Нораванк».

Первое, что бросается в глаза и приходит на ум при размышлении над итогами проектов НСР и взгляды в таблицу, это то, что мир становится сложнее и запутанней¹. Победный тон НСР 2010, с его центральным утверждением о «Наступлении нового мирового порядка» и «неизбежной смерти наций-государств», сменяется озабоченностью судьбами мира в НСР 2020, и в своих оценках достигает подлинного драматизма в НСР 2025. Из-за внутренней взаимосвязи основных тенденций развития глобальных процессов (*main drivers*) будущее становится неопределенным, трудно предсказуемым, подверженным неожиданным изменениям благодаря разнообразным «джокерам»² – от синергетического развития технологий (например, между био- и информационными технологиями) до возможного изменения поведения той или иной страны (например, Армении в «НСР 2015» или Ирана в «НСР 2025»). Замедляется ход глобализации, по мнению НСР – основного *драйвера*, формирующего облик будущего. Трансформируется и сам облик глобализации, становясь все более «восточным». Мир переходит от монополярности, с гегемонией США (НСР 2010, 2015), к более сложно устроенному миру с новыми силовыми центрами (например, страны БРИК³, НСР 2020). Наконец, в НСР 2025 речь идет уже о многополярном мире, что с необходимостью означает возврат к концепции «баланса сил» в международных отношениях, характерных для XIX-го, или даже XVIII-го веков. Подобная ситуация в первой же главе «Глобальных тенденций 2025» метко обозначена как «назад – в будущее» («*Back to the Future*», [9, p. 7]). Эксперты «Глобальных тенден-

¹ «Дом – то, откуда выходят в дорогу. Мы старимся, / И мир становится все незнакомее, усложняются ритмы / Жизни и умирания», – сказал бы Т. С. Элиот (*Four Quartets*, East Couker, 1943).

² Термин карточной игры «Покер» *Wild card*, широко используется в проектах НСР начиная с «НСР 2015». В «Глобальных тенденциях» этот термин означает оцененные изначально как маловероятные явления или события, которые, однако, в случае их реализации существенным образом меняют результаты моделирования и/или качественно изменяют оценки будущих развитий. Чтобы сохранить «карточный привкус» этого термина, в настоящей статье мы переводим его как «Джокер». Представляю себе, сколько полезного и отрезвляющего сказал бы об этом «игровом» термине и игровом аспекте современной геополитики покойный автор «*Homo Ludens*».

³ BRIC. Бразилия, Россия, Индия, Китай. Фонетически эта аббревиатура означает «кирпич». Интересно, по чью голову?

ций 2025» подчеркивают, что исторически многополярный мир менее стабилен, чем биполярный или монополярный, «хотя маловероятно, что современная международная система развалится до основания, как это произошло в 1914–18 гг., когда застыл процесс глобализации. Однако, предстоящие 20 лет развития полны опасностей... Мы не можем исключать сценарий XIX века, включающий гонку вооружений, территориальную экспансию, вооруженные конфликты и перевороты». В общем, не трудно заметить, что выводы «Глобальных тенденций 2025» – самые пессимистичные из всех рассматриваемых проектов НСР¹.

Тезис НСР 2010 о «неизбежной смерти наций-государств»² вследствие революционного развития информационных технологий, растущей мощи не- и надгосударственных структур, проблем экологии и глобального изменения климата, гонки ОМП и т.д., подвергается мучительной трансформации до «ослабления наций-государств» в НСР 2015, невнятных раздумий НСР 2020 по этому поводу и полной прагматизма оценки «Мощи государств»³ в НСР 2025. Меняется характер возможных конфликтов – от внутригосударственных (НСР 2010, 2015) к межгосударственным (НСР 2025). Ужесточается борьба за природные ресурсы – энергоносители, воду,

¹ Голливуд – реальное зеркало общества США, вновь четко предугадал эти пессимистические и эсхатологические настроения гораздо раньше, чем это сделали эксперты НСР 2025. Достаточно вспомнить неожиданные концовки таких эпических картин, как «*Terminator 3: Rise of the Machines*» (2003г.) или «*Star Wars Episode III: Revenge of the Sith*» (2005г.). В первом случае предвиденная и, казалось бы, предотвращенная будущая глобальная катастрофа – Судный день, тем не менее, наступает с роковой неизбежностью, столь присущей классической греческой трагедии. А во втором фильме защитник Республики рыцарь-джедай преобразуется в темного владыку Империи зла. Параллели с современными политическими реалиями США и мира тут весьма прозрачны. Примечательно, что обе киноленты, рассказывая, в конечном счете, о предвидении будущего, являются своеобразными путешествиями во времени и возвращают зрителя к истокам первых фильмов серий, завершая цикл истории создания этих фильмов длиной более трех десятилетий.

² Не правда ли, это напоминает тезис «о неизбежности крушения капитализма», памятных моим сверстникам по курсам «Диамата»?

³ *National Power*. В рамках проекта НСР 2025 «национальная мощь» данной страны рассчитывается при помощи модели *International Futures* (<http://www.ifs.du.edu/>). Вариант пятого поколения этой программы использовался еще в ходе НСР 2020. По сути, «национальная мощь» – это средневзвешенный коэффициент от ВВП данной страны, ее военных расходов, показателей абсолютной величины, темпа роста и возрастной структуры населения, а также технологического прогресса. Чрезвычайно примечательно отсутствие в этом списке различных показателей, связанных с «демократичностью» или «легитимностью» властей данного государства, столь излюбленных в недавнем прошлом и широко используемых в исследованиях по оценкам «силы», «слабости» или «провальности» различных стран (см., например, [2]).

продовольствие. Оценка НСР 2020 («Существующие энергоносители, их запасы и производство достаточны для удовлетворения глобального спроса») сменяется на оценку «Энергетика станет геополитикой» в НСР 2025. Здесь возобновляемая энергетика и энергосбережение впервые рассматриваются как факторы, имеющие стратегическое и глобальное значение.

Усложняется и используемая в проектах методология моделирования будущего и оценок тенденций развития. «Наивная», линейная методология НСР 2010, уступает место смешанной методологии НСР 2015, где впервые рассматриваются «джокеры», но пока лишь на эвристическом, сценарном уровне и только в таких областях, как развитие технологий или моделирование политической нестабильности. Начиная с НСР 2020 можно уже говорить о применении «нелинейной» методологии – с моделированием «джокеров» и на эвристическом, и на «машинном» уровнях, широким использованием метода «сценарных игр», многовариантных и художественно разработанных сценарий будущего. При этом множественность описаний, нечеткость и расплывчивость выводов (порой доходящих до полной противоречивости), многовариантность возможных сценариев будущего существенно усложняют рациональное осмысление результатов и, отчасти, подменяют его эмоциональным восприятием¹. Таковы ощущения, в определенном смысле такова и реаль-

¹ Потеря рациональности, находящееся на грани восприятия многообразие моделей возможного будущего, утрата ясности и нечеткость выводов, как нам кажется, чрезвычайно характерны для начала нового, XXI-го века. Действительно, лейтмотивы *раскрытия* подверженного манипуляциям *реальности* и *многовариантность будущего* стали в конце прошлого и начале нового века навязчивыми и, если угодно, болезненными. Это явление можно наблюдать практически повсеместно: от философии (*Multivers versus Univers*) и физики (новый всплеск внимания к концепции Х. Эверетта III-го о «Множественности миров») до кинематографа (*eXistenZ* (1997г.), *The TRUMAN Show* (1998г.), *Matrix* (1999г.), *Dark City* (2000г.)) и современного изобразительного искусства. От моделирования политической нестабильности наций-государств (работы организаций *PITF* или того же НСР) до моделирования влияния на мировую экономику колебаний цен на сырую нефть (сценарные игры *Oil Shockwave*, см. ниже). Истоки этого явления лежат в крушении идеологических империй и образований, сопровождаемых открытием архивов, обнародованием доселе тщательно скрываемых фактов прошлого, публикациями рассекреченных документов и тому подобном. Они лежат и глубоко в психологии человека. В концептуальном плане их можно проследить от «Футурологического конгресса» (1971г.) Лэма, «Конца вечности» (1956г.) Азимова, до антиутопий Оруэлла, Замятина или Хаксли, до квантовой революции 30-ых годов XX века или, при желании, еще дальше. Однако *характерным* явлением начала нового века является именно *геополитическая, прикладная* направленность всего этого.

ность. Но оставим ощущения и эмоции в стороне.

Отметим, что существенной методологической особенностью проектов НСР следует считать то обстоятельство, что начиная с НСР 2015 публикация итоговых отчетов синхронизирована с президентскими выборами в США. Начиная с НСР 2015 «Глобальные тенденции» призваны стать настольной книгой и посланием для новых президентов США, отражающих, лучше сказать – долженствующих отражать, согласованную точку зрения РС США относительно среднесрочного и долгосрочного анализа развития положения дел в мире.

Констатируем богатство фактического материала, накопленного НСР по специфическим проблемам (демография, «молодежный пузырь» и политическая нестабильность, распределение ресурсов, технологический прогресс и т.д.), адекватность аналитических разработок и оценок, важность сформулированных результатов. После длительных поисков кристаллизировалась оценка «Национальной мощи» данной страны. С этой точки зрения для Армении выделим два важнейших вызова – *проблемы демографического давления*¹ и *технологического развития*. В целом, региональные оценки НСР точны и сбалансированы. В этом плане подчеркнем, что в стратегической перспективе *сотрудничество Армения-ЕС в геополитическом и силовом аспекте должно иметь для нас, вероятно, меньшее значение*, чем сотрудничество в области экономики, науки, технологий, культуры и ценностных вопросах. Вместе с тем, оценки НСР относительно отдельных стран менее точны, хотя формирование новых силовых центров обозначено четко. В этом плане подчеркнем, что *в геополитическом аспекте для Армении на первый план должно выступить дальнейшее углубление двусторонних отношений и расширение сотрудничества в первую очередь с Ираном и Китаем, а также с США, РФ, Индией, Сирией и Грецией*.

Судя по открытым материалам НСР, можно прийти к выводу, что в рамках использованных методик глобальные финансово-эко-

¹ Согласно оценкам НСР 2015, в 2015г. население Грузии сократится примерно на 300 тыс., примерно на 1 млн увеличится население Азербайджана (8,67 млн в 2015г., прирост – 9%), а население Армении останется примерно таким же – около 3,4 млн [7, р. 67].

номические кризисы либо плохо, либо вовсе не прогнозируются¹. А это значит, что *экономика Армении должна быть по возможности иммунной по отношению к этим неизбежным и труднопрогнозируемым потрясениям.*

Приведем полные цитаты, относящиеся к Закавказским странам. НСР 2015: «В 2015г. Южный Кавказ будет нестабильным из-за неразрешенных конфликтов и вмешательства (*meddling*) России. Грузия, возможно, достигнет некоторой политической и экономической стабильности, в частности благодаря транзиту энергоносителей. Однако она продолжит оставаться в центре внимания России в регионе. Армения, вероятно, останется в основном изолированной страной, клиентом России или, возможно, Ирана. Она будет «джокером» региона. Маловероятно, что успехи Азербайджана в развитии энергетической сферы приведут к повсеместному благоденствию в этой стране. Азербайджан будет оставаться страной с односторонней экономикой и с повсеместной коррупцией на всех уровнях общества» [7, р. 67]. В [8] не приводятся оценки для регионов и отдельных стран. Однако в одном из материалов проекта НСР 2020 можно найти следующее: «Южный Кавказ (Азербайджан и Грузия) будет желать держаться подальше от России, хотя жизнеспособность Грузии как государства будет хрупка. Армения продолжит оставаться близким и стабильным соседом [России], сохраняя при этом собственную идентичность»².

¹ Так, эксперты проекта «НСР 2010» в 1996-97гг. утверждали, что в течение следующего десятилетия глобальная экономика продолжит стабильно развиваться. Приводилась следующая оценка: до 2010г. реальный рост дохода на душу населения в мире ежегодно будет увеличиваться в среднем на 2%. Причем, этот рост благосостояния приведет к беспрецедентному процветанию, особенно на Западе и в Азии. Пожалуй, именно этот прогноз НСР 2010 подвергался наибольшей критике в последующих публикациях. Напомним, что почти сразу же после выхода в свет «Глобальных тенденций 2010» начался Азиатский финансовый кризис, стремительно ставший явлением глобального масштаба. То же самое (имею в виду прогноз, а не углубляющийся сегодня финансово-экономический кризис) повторилось и после публикации «Глобальных тенденций 2025» в декабре 2008г. Однако нельзя исключать возможности все же адекватного предсказания, более того – инициирования, глобальных финансово-экономических кризисов (см. далее).

² «*The South Caucasus (Azerbaijan and Georgia) will want to remain at a greater distance from Russia, though Georgia's viability as a state may still be fragile. Armenia is more likely to remain a close and stable neighbor, while retaining its own identity.*» NIC 2020 Project: Commonwealth Conference: Scenarios. December 2003.

Помнится, после того как я впервые прочитал эти строки, меня долго мучила их грамматически-графическая конструкция. Зададим банальный, на первый взгляд, вопрос. В каком регионе находится Армения с точки зрения НСР? В регионе «Южнее Южного Кавказа»? В многочисленных открытых материалах проектов НСР 2015 и 2020 обилие используемых терминов для *нашего* региона удручающе. Это и «Южный Кавказ», куда мы, с точки зрения НСР, по видимому, не входим. Это и «Каспийский» регион, куда мы также не входим. Далее начинаются регионы-конгломераты: «Кавказско-каспийский» регион, регион «Центральная Азия и Южный Кавказ» и, даже, «Центральноазиатско-Каспийско-Кавказский» регион. Здесь Армения уже рассматривается, правда – не всегда, как-то странно и вскользь. Характерно, однако, что в этом обилии определений название «Кавказский регион» встречается *только в контексте*, а название «Закавказский регион» не встречается *вовсе*. Можно с уверенностью предположить, что это происходит потому, что она слишком явно отражает «северную» точку зрения на регион. Тревожное чувство может охватить гражданина Армении, который даст себе труд изучить эти материалы НСР. Как будто тебя не знают к какому региону причислить, как будто желают вытеснить с карты мира. «Кавказ без Армении» – ясно, это мечта Османской и Российской империй, мечта младотурок. Но почему мы встречаем это здесь – в аналитических материалах Совета по национальной разведке США, в месте, где мы совершенно не ожидали встретить такое?

Обратимся к ряду материалов ЦРУ США по сценарному моделированию развития событий для *нашего* региона, рассекреченных в апреле-мае 2007г. и тесно связанных с проектами НСР 2015 и 2020. Они заслуживают того, чтобы остановиться на них поподробнее. Речь идет о ряде аналитических исследований серии «Стратегические перспективы», организованной Директором Разведки США (*DI's Strategic Perspectives Series*), по-видимому, в 1997г. и, вероятно, носящей общую рубрику «*Tier*»¹ [10, 11, 15-17]. К ним примыкает и

¹ «Эшелон» или, как сказал бы У.Черчилль, «Подбрюшие».

отчет корпорации *Ренд* [14], активно вовлеченной во все проекты НСР. В этом же контексте следует рассматривать и материалы по «Женевским и Гармишским военным играм» 1999г. (*Game' 99 – Geneva, Game' 99 – Garmisch* [12, 13]), являющимися частью программы «Международные военные игры» колледжа Военно-морских сил США (*US Naval War College International Game Series*).

Наиболее любопытным материалом в этом ряду, отвечающим целям нашей статьи, является исследовательский отчет «Долгосрочные сценарии для Центральноазиатско-Кавказско-Каспийского региона¹ свидетельствуют о пессимистическом будущем» [15]². Благо, «чудовищный» регион-конгломерат³, указанный в его названии, позволял нам надеяться на то, что Армения тут будет рассмотрена уж точно, причем достаточно подробно. Интересная деталь открывается уже во введении [15]. Здесь отмечается, что «этот отчет посвящен исследованию стратегического значения южного подбрюшия (*tier*) бывшего СССР – Каспийского региона – вплоть до 2015г. и отражает результаты работ длительностью около года и выводы двух специальных семинаров» [15, р. ix]. Методологической особенностью данного исследования является выработка 8-и возможных сценариев развития событий в регионе и построение для каждого из них диаграмм «чувствительности» по трем важнейшим, с точки зрения авторов [15], параметрам, имеющим наибольший вес для региона: мировым ценам на нефть и газ, внешнего «вмешательства» в дела региона, эффективности правительств стран региона.

¹ Именно так, в единственном числе.

² Этот отчет был подготовлен в ноябре 1999г. в Офисе наднациональных (или транснациональных) вопросов ЦРУ (ОНВ, *Office of Transnational Issues*, ОТИ 99-10031) с привлечением экспертов Отдела России и Европы ЦРУ (ОРИЕ, *Office of Russian and European Affairs, OREA*) а также ряда экспертов со стороны ([15], *Appendix B*). Он был допущен к публикации в апреле 2007г. в рамках ЗоСИ. Доступная в интернете копия этого отчета имеет N0185. В верхнем правом углу титульного листа от руки зачеркнут гриф «Конфиденциально» и имеется помета «*Tier*». Общий объем документа: х+47 страниц. Купюра цензуры на странице ix не позволяют с уверенностью атрибутировать этот отчет в общем корпусе материалов серии «Стратегические перспективы» ДР США.

³ Забавно читать сетования экспертов [15] о том, что этот регион сложен, мозаичен и имеет разнонаправленную направленность по многим показателям. Чего же они ожидали от *такого* региона, да еще в долгосрочной перспективе?

Название сценария [15, Table 2, p.7]	хорошо для США	плохо или нейтраль- но для США	хорошо для региона	плохо или нейтрально для региона
Натяннутая утопия (<i>A tightrope utopia</i>)		V	V	
Пассивная стабильность (<i>passive stability</i>)		V		V
Жить моментом (<i>living for a moment</i>)	V			V
Провальное государство (<i>failed state</i>)		V		V
Процветание баланса сил (<i>balance of power prosperity</i>)		V	V	
Китай поигрывает мускулами (<i>China flexes its muscles</i>)		V	V	
Большая Игра <i>a la</i> Холодная война (<i>Cold war-like great game</i>)		V		V
Принудительная стабильность (<i>forced stability</i>)		V		V

Практической ценностью [15] является то, что, в отличие от «Глобальных тенденций» НСР с их общими рассуждениями, тут приводится итоговая таблица результатов моделирования с точки зрения «хороши» они, или «плохи, или нейтральны» для США и региона. Ниже мы воспроизводим эту таблицу с нашим переводом красочных названий рассмотренных 8-и сценариев.

Как видим, из 8 сценариев развития событий в регионе 5 являются «плохими или нейтральными» для региона, а 7 являются таковыми для США. Ровно половина сценариев является «плохой» и для региона, и для США. Единственный «хороший» сценарий для США – «Жить моментом» – является одновременно «плохим или нейтральным» для региона. Более того, все 3 «хороших» сценария для региона «плохи или нейтральны» для США. Таким образом, **нет ни одного сценария, результаты моделирования по которому были бы**

хороши и для США и для региона одновременно. По словам авторов [15], «ни один эксперт не смог указать на сценарий стабильного, процветающего региона, где царит сотрудничество, а соседи региона способствуют его экономическому развитию и укреплению политической устойчивости, и где правительства Каспийских стран эффективно используют энергетические ресурсы региона» [15, р. iv]. Наиболее вероятным признан сценарий развития «Большая игра *a la* Холодная война», следующим – «Принудительная стабильность». Приведем их краткое описание. «Большая игра»: «регион испытывает, с одной стороны растущее влияние соперничества стран–потребителей энергоресурсов, Турции, Ирана (?)¹, Китая и Индии, а с другой – вмешательства России в экономические и политические дела региона. В большинстве странах региона демократия крайне слаба или вовсе отсутствует, а правительства неспособны создать работающие политические и экономические институты» [15, р. 7]. «Принудительная стабильность»: «региональная нестабильность привлекает международное внимание. Внешняя сила пытается стабилизировать регион и завоевать преобладающее влияние в нем. Международные нефтяные компании покидают регион из-за комбинации факторов – низкие цены на нефть, разрушение региональной инфраструктуры, социальные столкновения» (см. там же).

Не знаю, как насчет Отдела наднациональных вопросов ЦРУ, но *нас* такие результаты не могут не тревожить. Однако, прежде чем прокомментировать эти результаты, отметим, что Армения в [15] *упомянута только дважды*² и только в рамках сценария «Китай поигрывает мускулами». Первое упоминание связано с оценкой внешних факторов этого сценария (*Intervention*) и имеет следующий вид: «Армения остается зависимой от России. Боясь перебоев в работе нефтепроводов, Запад усиливает давление на Армению по достижению кон-

¹ Так в оригинале – *А.М.* Иран действительно испытывает некоторую импортную потребность в продуктах *переработки сырой нефти* (бензина, например). Но надо обладать большой фантазией, чтобы причислить Иран с его богатейшими запасами нефти и газа к странам «потребителям энергоресурсов региона», наподобие Турции, Индии или Китая.

² Не считая контекстных упоминаний – например, на картах, диаграммах и пр.

сенсуса по Нагорному Карабаху»¹. Второе упоминание связано с моделированием различных «джокеров» в рамках проводимых исследований – в данном случае, возможностью обретения какой-либо страны региона ОМП и, в частности, атомного оружия. Врезка с соответствующими рассуждениями приведена именно тут. А рассуждения эти имеют следующий вид: «[наши эксперты] согласились, что Армения наиболее вероятный кандидат на роль страны, желающей разработать атомное оружие (*nuclear weapons*). Армения может встать на эту дорогу, если поверит, что страна находится на грани потери суверенитета. А это может случиться, если: Россия оставит Армению, установив более тесные отношения с Азербайджаном; Турция разовьется в более националистическое и шовинистическое государство; а Запад полностью повернется спиной к Армении. Наши эксперты верят, что некоторые члены Армянской диаспоры будут готовы (*would be willing*) предоставить для этого технологию и средства» [15, р.26]. Другой страной, рассмотренной в этом контексте является Узбекистан. Следует лишь добавить, что эксперты [15] оценивают вероятность таких событий как крайне малую.

Не хотим показаться нескромными, но все же скажем, что знаем, почему результаты этого исследования ЦРУ оказались столь пессимистичными для *нашего* региона. С нашей точки зрения, все дело тут в том, *каким образом* были сформированы рассмотренные в [15] сценарии, *каковы* их исходные предпосылки, и *каковы* ценностные критерии их «хорошести» или «плохости» для *нашего* региона и для США. Первым фундаментальным пороком, на наш взгляд, является то, что в качестве исходной предпосылки этих исследований, их формообразующим вектором и точкой отсчета является «геостратегическое видение Г.Алиева на регион и на нефтяной фактор». Это отнюдь не наши домыслы, это прямо и недвусмысленно следует из

¹«*Armenia remains dependent on Russia. Fearing disruption of oil pipelines, the West increases pressure on Armenia to make concessions on Nagorno-Karabakh*» ([15], р.26). По-видимому, это надо понимать как «Армения, под давлением или с помощью России, пытается нарушить нормальную эксплуатацию нефтепроводов региона». Надо полагать, с помощью терактов.

указанных выше материалов ЦРУ [10-17]. Так, хронологически первый же материал ЦРУ, имеющий рубрику «*tier*» и доступный в рамках ЗоСИ по состоянию на январь 2009г., ясно указывает на это [10]¹. В отделе этого документа, симптоматично названного «Все взоры на Баку-Джейхан», читаем: «Геостратегическое видение Алиева предполагает объединенную точку зрения на Кавказ и часть Центральной Азии в их необратимой связи с Западом, простирающейся вначале через экономику и, в конце концов, заканчивающейся гарантиями безопасности. Связь с Турцией и НАТО является интегральной частью этого плана, который позволит Баку дистанцироваться от России и Ирана, т.е. стран, которые Алиев рассматривает как угрожающих безопасности Азербайджана... Алиев, вероятно, рассчитывает на то, что нефтепровод Баку-Джейхан консолидирует двусторонние отношения с Турцией ... а ее он рассматривает как естественного партнера Азербайджана из-за их культурной и языковой общности и общей враждебности по отношению к Ирану, России и Армении» [10, р. 2]. Как видим, этот документ не оставляет и тени сомнения в авторстве «Центральноазиатско-Кавказско-Каспийского» региона-конгломерата и его интерпретации как «уязвимого подбрюшья (*tier*) бывшего СССР», столь любезного сердцу серии «Стратегические перспективы», Директора Разведки США образца 1997г. Есть глубокая ирония в том, что ее автор – один из бывших руководителей бывшего КГБ бывшего СССР – основного противника (бывшего?) ЦРУ. Хотим обратить особое внимание наших, «доморощенных», и чужих любителей обвинять Армению в «самоизоляции» в регионе на эти утверждения [10] относительно «геостратегического видения Г.Алиева». На самом деле болезненный, если не сказать – бредовый, изоляционизм присущ именно этому «видению». Как иначе назвать «геостратегию», ставящую двух из трех стран-соседей и одного из трех государств *нашего*

¹ Материал подготовлен в декабре 1998г. в ОНВ ЦРУ с участием ОРИЕ ЦРУ (ОТ/ОРЕА СЕИ-9812), был допущен к публикации в апреле 2007г. в рамках ЗоСИ. В верхнем правом углу титульного листа от руки зачеркнут гриф «Секретно» и имеется помета «*Tier*». Купюра цензуры в оглавлении не позволяет оценить объем этого документа. Его доступная версия в интернете имеет 5 страниц.

региона в состояние враждебности, сделавшую второе государство нашего региона – Грузию – заложником потенциальной нестабильности? На самом деле, именно принятие и практическое претворение ее в жизнь на протяжении всего прошедшего десятилетия и обусловило изоляцию Армении от развития региональных инфраструктур.

Вторым фундаментальным пороком [15], предопределившим пессимистический характер их выводов для региона, является та абсурдность, с которой в указанных сценариях рассмотрен Иран. О том, *как* он рассматривается в *наиболее вероятном* сценарии [15], мы уже говорили выше. Здесь добавим лишь, что из 8 сценариев [15] наиболее выигрышный для Ирана сценарий, имеющий слегка пренебрежительное название «натянутой утопии», признан «хорошим» сценарием для региона, одним из всего трех таких, но «плохим» для США, одним из семи. Более того, в разделе «основные неопределенности» данного исследования в качестве такового рассмотрена возможность нормализации отношений между США и Ираном, которая, по словам экспертов [15], «в свою очередь приведет к нормализации отношений в регионе, *который развивался ненормально (abnormal), вследствие усилий США по изоляции Ирана*» (подчеркнуто мной, [15, Table 1, p. 5]). Честное слово, иногда складывается ощущение, что в деталях своих исследований эксперты [15] намного мудрее и откровенней, чем в своих выводах!

Наконец, третьим фундаментальным пороком [15] и, к сожалению, многих других рассматриваемых материалов ЦРУ и проектов НСР является вопрос о том, *что* считать «хорошим» для США. Вопрос этот настолько фундаментален, что требует отдельного рассмотрения (см. далее).

Обратимся, однако, к другому материалу связанному с проектом НСР, – к отчету конференции «Центральная Азия и Южный Кавказ: переориентация, внутренние процессы и стратегическая динамика», проведенной НСР в апреле 2000г. (опять этот *апрель!*) в

рамках проекта НСР 2015 [17]¹. Работа конференции была организована таким образом, что, например, в рамках ее 4-го пленарного заседания были заслушаны выступления о вопросах «региональной динамики» с точки зрения стран периферии этого региона: Ирана, Израиля (?), Китая, России, Южной Азии и Европы. Точки зрения «изнутри» региона были представлены на третьем пленарном заседании. Грузинскую точку зрения на регион представлял небезызвестный ныне Г.Нодия, а тогда – в апреле 2000г. – представитель организации со звучным названием «Кавказский институт мира, демократии и развития». Приведем цитату из его выступления: «Армения – это особый случай. Тбилиси с подозрением относится к Еревану из-за тесных отношений последнего с Россией, но поддержка хороших отношений с Арменией принципиально важна в силу нескольких обстоятельств. Первое, поддержание хороших отношений со всеми соседями позволит Грузии позиционировать себя в качестве ключевой страны в вопросах регионального сотрудничества. Второе, Грузии необходима стабильность в своих регионах, населенных армянами. И наконец, третье, Грузия желает использовать (*to take advantage*) свое положение морских врат Армении» [17, р. 36]. Сказано на редкость откровенно, хоть и странно, что ни в этой цитате, ни во всем выступлении я не нашел сколько-нибудь существенных ссылок на Мир, Демократию и Развитие, хотя бы в масштабах нашего региона.

Напротив, тон и суть этого выступления не оставляет сомнений в том, что единственным достижением Южнокавказского региона и его надеждой на будущее является строительство трубопровода Баку-Супса, да победный и твердый курс Грузии в сторону За-

¹Итоговый отчет этой конференции (*DCI NIC CR 2000-05*) был утвержден к публикации в рамках ЗоСИ США в апреле 2007г. Доступная версия отчета в интернете имеет пометку от руки «Tier 10/23» в верхнем правом углу титульного листа, что позволяет нам рассматривать ее в рамках указанной выше серии «Стратегические перспективы» ДР США. Общий объем документа iii+85 страниц. Отметим, что [17] не является официальным ОНР и не отражает согласованную точку зрения РС США. Но от этого не становится менее интересным.

пада и *NATO*. «В 2005г. мы постучимся в дверь *NATO*», – победно цитирует Г.Нодиа президента Э.Шеварднадзе [17, р. 36]¹.

Как мы уже говорили, теперь, летом 2009г., нам легко судить о высказываниях, сделанных в апреле 2000г., сравнивать сложившуюся геополитическую ситуацию в *нашем* регионе с разительно отличной от нее картиной, которая виделась «с точки зрения Грузии» девять лет назад. Но странно, что, будучи вовлеченным в процесс НСР 2015, эта точка зрения не учитывала один из основных результатов проекта НСР 2015 – отчет корпорации *Ренд* «*NATO and Caspian Security: A Mission too Far?*» о миссии *NATO* в *нашем* регионе, опубликованный в 1999г. и находящийся в открытом доступе. Стоит, пожалуй, повторить его выводы, и именно в той последовательности, которая соблюдается в самом этом отчете [14]:

- Запад не будет критически зависеть от каспийской нефти;
- Сохранение независимости или территориальной целостности государств Каспийского региона не является критически важной задачей Запада и *NATO*;
- Крайне маловероятно, что *NATO* предоставит гарантии безопасности или перспективу членства в альянсе, даже для стран региона которые будут соответствовать этим требованиям;
- Средства США, Запада и *NATO* в Каспийском регионе ограничены, следовательно их задачи в регионе должны быть скромны;
- Основные угрозы для региона имеют внутренний характер;

¹ Читая это выступление, да и весь материал [17], невозможно не испытать чувство принудительного отчуждения от событий, изолированности в своем собственном регионе, как будто кто-то пытается задвинуть вас за кулисы и все время твердит: «это я тут самый хороший, это я могу разговаривать со всеми, договаривайтесь со мной, а уж я-то договорюсь со всеми и не подведу вас». Истекшие 9 лет внесли в эту «точку зрения» свои поправки. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что «точка зрения Армении» в [17] оставляет не менее тягостное впечатление. Ее, почему-то, озвучивал некий г-н. Ж.Липаритян (*G.Libaridian*), представляющий программу *IREX* (?) и некий институт «Восток-Запад». Наиболее тяжелое впечатление оставляет его утверждения о, якобы, рефлекторном антиамериканизме (*reflexive anti-Americanism*), присущем Армении и армянам [17, р. 38], а также взятом в кавычки утверждении «об «историческом» антагонизме с Турцией». Эти утверждения были бы смехотворными, если бы не были так вредны. Да и вряд ли над ними смеялись на третьем пленарном заседании конференции НСР, где председательствовал Том Замостный из ОРИЕ ЦРУ. О своих впечатлениях от «точки зрения Азербайджана» умолчу [17, р. 37], но отмечу, что ее излагала энергичная выпускница университета Дж.Хопкинса, сотрудница Школы продвинутых международных исследований имени П.Нитце (*Nitze School of Advanced International Studies*) г-жа Л.Алиева.

- Россия останется основной силой в регионе, но не гегемоном;
- НАТО должен быть особенно осторожным, дабы не возбудить в государствах региона беспочвенных надежд [14, pp. xii-xvi].

Как говорится – комментарии излишни.

Когда в очередной раз просматривались эти материалы НСР и ЦРУ, то нас осенило: «Кавказ без Армении» – ведь это же мечта грузинских социал-федералистов (М.Мачабели, М.Церетели) 1914г., грузинского «Комитета независимости» 1914-16гг. (В.Черкизишвили, Л.Кереселидзе, и др.), грузинского Национального совета времен подготовки и подписания Брест-Литовского мира, грузинских меньшевиков (Н.Жордания, М.Г.Церетели и др.), а также «незабвенного» Лаврентия Павловича, подогретая днягами внешнеполитического ведомства Германии, полученных через «офицера связи по Кавказу» Ф. фон дер Шуленбурга в рамках проекта «отделения Закавказья от России и его последующему политическому устройству».

И уже легко было найти соответствующие цитаты¹ и связать ниточку с пактом Риббентропа-Молотова² и приснопамятными статьями в «Правде»³ руководителя Грузии К.Чарквиани, академика АН

¹ «В 1916г. в г.Веймар была издана книга «Кавказ в мировой войне», подготовленная внешнеполитическим ведомством Германии. В ней отмечалось, что «германские политики должны ныне думать над тем, чтобы после поражения России на Кавказе организовать христианскую Грузию в виде южнокавказского буферного государства, в состав которой должны войти бывшие русские армянские территории, и которое должно будет граничить с нейтральным кавказским мусульманским государством вблизи границ России и Турции». Под нейтральным «мусульманским государством» подразумевался Азербайджан». Цитата по: С.Тарасов, Закавказский след «Пакта Риббентропа – Молотова». Регнум, июнь, 2009г.

² В подготовке которого видную роль играл Шуленбург, тогда новоназначенный посол Германии в СССР.

³ Газета «Правда», 25 октября 1945г. и 27 октября 1947г. Для наших горячих поклонников «академической» и «чистой» науки приведем цитату из статьи «выдающихся историков, этнологов и археологов» Джанашия и Бердзенишвили «Что должен каждый знать о Грузии»: «Грузинский народ должен получить обратно свои земли, от которых он никогда не отказывался и отказаться не может. Мы имеем в виду районы Ардагана, Артвина, Олты, Тортума, Испира, Байбурга, Гюмишханэ и Восточный Лазистан, включая районы Трабзона и Гиресуна, т.е. лишь часть территорий, отторгнутых от Грузии». Указанные статьи имели свои геополитические последствия и результаты. Какими сопоставимыми результатами может похвастаться наша академическая наука? Понятно, что делал националист Л.Берия, заказывая эти статьи, но что делал интернационалист А.Микоян? Спасал мир? Да, он его действительно спасал – минимум дважды.

СССР С.Джанашия и членкора АН СССР Н.Бердзенишвили, санкционированными и подготовленными грузинским националистом и агентом «влияния» Л.Берией¹, которые во многом остановили только намечающиеся процессы по возвращению СССР некоторых земель Западной Армении.

Все это мы могли бы со спокойной совестью оставить историкам, если бы не одно обстоятельство. Геополитические конструкты имеют очень большую живучесть. Раз сформулированные «центрами сил» и начавшие претворяться в жизнь на изломе эпох, они не исчезают по окончании данного периода развития событий и проявляют себя через десятилетия, когда наступает такое же время «больших перемен»². Это время наступило с приходом «гласности» и развалом СССР, с возрождением **национального самосознания** на всем постсоветском пространстве, в странах Восточной Европы да и по всему миру. Именно тогда и дали знать о себе некоторые геополитические конструкты, выработанные много ранее. Именно это и показывают материалы НСР 2015, 2020, связанные с ними рассекреченные материалы ЦРУ, рассмотренные выше, и многое другое. Именно это и читается в некоторых аспектах грузино-российского противостояния лета прошлого года. Именно это и означает вымытость Армении из региона «Южного Кавказа» и «Каспийского» региона материалов НСР. Ей (нам!) позволительно появиться лишь в конгломерате «Центральноазиатско-Каспийско-Кавказского» региона, а попросту говоря – в регионе «уязвимого подбрюшия» (*tier*) бывшего СССР, стратегическое значение которого заинтересовала ДР США в 1997г.³

Сохранение и углубление добрососедских отношений с Грузией является, и по праву, одним из краеугольных камней внешней

¹ С.Берия. Мой отец Берия. М. Олма-Пресс, 2004г., пер. с французского, сс. 256-258.

² Разумеется, это объясняется долговременной «институциональной памятью» вовлеченных структур, что, в свою очередь, обусловлено большой длительностью периода *важности* основных геополитических реалий. Собственно, именно это и делает геополитику более или менее прикладной *наукой*.

³ За исключением работ И.Мурадяна по формированию и характерным особенностям «транзитных цивилизаций» нашего региона, весь комплекс этих вопросов, к сожалению, обсуждался аналитическим сообществом Армении совершенно недостаточно.

политики нашего государства. Это достаточно четко сформулировано во всех официальных документах Республики Армения. Об этом ясно и недвусмысленно заявил президент Армении С.Саркисян во время ереванской встречи с президентом Грузии в июне 2009г. Все это абсолютно верно, необходимо и напрямую вытекает из национальных интересов Армении. Здесь не может быть никаких сомнений, как не может их быть и в следующем.

Необходимо всегда помнить нам, и не уставать напоминать другим, что на протяжении прошлого века **минимум трижды** стратегические цели Грузии были противоположны целям Армении, а проводимые действия являлись серьезной, прямой и непосредственной угрозой национальным интересам Армении. И Армения заплатила за это немалую цену – геополитическую, стратегическую, материальную и моральную. На протяжении короткой истории уже нового века **минимум однажды** стратегические цели и действия Грузии были противоположны национальным интересам Армении. И опять Армения заплатила за это цену. И я вовсе не имею в виду экономический урон, который понесла республика вследствие прошлогодней августовской войны, – хотя он и был ощутим для маленькой Армении. Я даже не имею в виду то унижительное ощущение, обострившееся в те дни, когда ты чувствуешь буквально на своей коже, что даже простое, нормальное функционирование твоего государства, его служб и инфраструктур, не говоря уж о благосостоянии и развитии твоего народа, подвешены, как на ниточке, на более или менее нормальном функционировании одного порта и одного перевала, находящихся хоть и в соседнем и дружественном, но все равно – чужом государстве. Но я имею в виду прежде всего то, что летом прошлого года Армения **могла** поставить **вопрос о политических границах районов Ахлцха и Ахлкалака в рамках государства Грузии**. Тем более что тревожные и кровавые события в этих районах в те дни, как, собственно, и многое другое, давали для этого весьма весомый повод. Армения **могла** поставить вопрос **о своем концессионном присутствии в одном из черноморских портов Гру-**

зии. Армения могла поставить эти и другие вопросы и настаивать на них, но *не сделала этого*. Объяснение этому единственное. Национальные интересы государства Армения, его народа и, если угодно, всего армянства *ставят политическую, экономическую и стратегическую стабильность всего нашего региона выше всех этих вопросов*. В ответ мы вправе ожидать, что Грузия не только будет использовать (*to take advantage*) свое нынешнее положение «морских ворот» Армении, но и нести за это государственную, политическую, экономическую и моральную ответственность – *как минимум*.

За истекшие более чем 10 лет многое произошло в нашем регионе. Построен и пущен в эксплуатацию нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан и другие трубопроводы. Рассматриваются новые проекты. Грузия, вероятно надолго, если не навсегда, потеряла Абхазию и Северную Осетию. Армению посетил президент Турции – явление немислимое всего каких-нибудь пару лет назад и заключающее в себе существенный потенциал политического и экономического развития для всего региона. Укрепляется и углубляется наше всестороннее сотрудничество с Ираном. Отношения с Россией имеют и в обозримом будущем будут иметь подлинно стратегический характер. Как и всегда, Армения и армяне относятся с большой симпатией к США. Для многих армян – это вторая, если не первая, родина. Расширяется сотрудничество Армении с Европой и *NATO*, с Арабским миром, с Китаем. Но вот чего *не было* за эти 10 лет.

Армения или «армянские силы» ни разу не взрывали нефтепроводы, как того боялись эксперты [10, 11]. Даже тогда, когда взрывалась единственная железная дорога – «дорога жизни», соединяющая Армению с миром, как это было, например, в августе прошлого года. Армения или «армянские силы» не возобновляли «войну» в Арцахе, «опасаясь, что нефтедоллары позволят Азербайджану окрепнуть настолько, что он будет в состоянии пересмотреть результаты «сухой» победы (*desicive victory*) Армении в конфликте по Нагорному Карабаху», как того боялись авторы [16]. И это несмотря на многочисленные провокации. Напротив, Армения спо-

койно наблюдала за потоком нефтедолларов в Азербайджан, трезво оценив степень их эффективного использования и деформирующего влияния как на экономику Азербайджана, так и на его взаимоотношения с Турцией и США, особенно после того как маршруты трубопроводов будут начертаны и утверждены, и этот рычаг давления будет исчерпан. И все это – задолго до того, как к аналогичным выводам пришли эксперты [11], [15] и [17]. Насколько мне известно, а известно мне о своей родине немало, Армения не собиралась, не собирается и вряд ли соберется строить атомную бомбу, впрочем, в это не верили даже эксперты [15]. И объяснение всему этому, как и многому другому, единственное: для Армении и Арцаха **политическая, экономическая и стратегическая стабильность всего нашего региона** неразрывно связана с национальным интересом Армении, ее народа и всего армянства. Более того, маленькая и зажата в горах Армения, перетерпевшая неисчислимыя беды и потери на памяти всего одного-двух поколений ее граждан, является, вероятно, **единственной такой страной нашего региона**. А в ответ **мы вправе ожидать, что нам вернут наш регион, перестанут рассматривать его всего лишь как транзитный коридор чего-либо или как «уязвимое подбрюшие» кого-либо**. Такой подход концептуально порочен и безнадежно устарел.

Период времени с декабря года выборов 44-го президента США по январь следующего года, известен в США как «переход к власти» (*Transition to the Power*). Думается, что этот весьма характерный период времени необходимо рассматривать как своего рода финал или завершение того периода, который определяется т.н. «законом Фарлея»¹. Своего рода приложением к этому «закону», когда на мировой сцене начинают проявляться его преимущественно геополитические последствия. Мы хотим сказать, что начиная с конца лета года

¹ Термин этот хорошо известен специалистам по выборам. Классический «закон» Дж.Фарлея (многолетнего соратника президента Ф.Д.Рузвельта, а впоследствии его противника, опытного организатора выборных кампаний и известнейшего почтмейстера США) гласит, что результаты президентских выборов в США можно в основном точно предсказать уже в конце сентября – начале октября года президентских выборов. Для «знающих» людей и сил это возможно и гораздо ранее, например – с конца лета года президентских выборов.

президентских выборов в США и вплоть до начала следующего года особенно ярко – зачастую с трагическими последствиями – выявляются болевые точки и проблемы современности, обостряются основные противоречия и обнажаются доселе смутные и туманные тенденции. И это особенно верно, когда ожидается «смена курса» США на международной арене, обычно ассоциируемая с приходом президента от партии, до того не имеющей президентского поста. Читателя, не поленившегося изучить, что, скажем, с конца 40-ых годов прошлого века, происходило в мире (и особенно на Ближнем Востоке) в указанные периоды времени, ждет множество интереснейших открытий.

Конечно, не стоит уж очень серьезно относиться к различным «законам», не имеющим естественнонаучной природы. Но факт остается фактом – на фоне впечатляющих иннаугурационных мероприятий новоизбранного президента США Б.Обамы наш «обобщенный закон» Фарлея проявил себя особенно ярко. Разумеется, мы прежде всего имеем в виду грузино-осетинскую войну августа 2008г. с ее геополитическими последствиями для нашего региона и мира и вторжение вооруженных сил Израиля в сектор Газа в декабре того же года – по меткому замечанию одного иранского и одного греческого журналистов, этих последних двух «подарков» уходящей администрации США России и Израилю соответственно¹. Мы имеем в виду также газовое противостояние РФ – Украина – Европа, развернувшееся в то же время и продолжающееся по сей день, и «необычную» динамику цен на сырую нефть в течение всего второго полугодия 2008г. Совершенно не желая впадать в болото «конспирологии», тем не менее, мы совершенно уверены, что именно в этом ключе следует рассматривать и собственно мировой финансово-экономический кризис, разворачивающийся с конца 2008г. Поэтому не удивительно, что размышляя над центральными выводами «Глобальных тенденций» НСР, мы невольно преломляли их в свете происходящего, тем более что все они имели самое непосредственное отношение к нашему региону и к нам. Эти размышления удивительно ладно ложились на новостной поток

¹ Пресс-конференция президента РФ Д.Медведева в Кремле от 17 января 2009г. по итогам Международной конференции по гарантированному снабжению российского газа потребителям в Европе.

тех дней (декабрь 2008г. – январь 2009г.), оттеняли и углубляли его. Они не потеряли своей гармоничности и теперь, когда президент США Б.Обама посетил Египет и выступил в Каирском университете, когда ему, чуть позже, ответил премьер министр Израиля Б.Нетаньяху, когда отгремели политические баталии президентских выборов в Иране, а страсти по поводу их результатов еще не улеглись и не улягутся еще долгое время.

С этой точки зрения, мы хотели бы выделить два важнейших утверждения проектов НСР. Во-первых, центральное утверждение о «Наступлении нового мирового порядка» и неизбежной смерти (НСР 2010) или ослабления (НСР 2015, 2020, 2025) наций-государств, с параллельным утверждением о пошатнувшейся гегемонии США в мире (НСР 2020 и 2025). Во-вторых, утверждение НСР 2025 о том, что «энергетика станет геополитикой». Как мы увидим ниже, эти утверждения, на первый взгляд независимые, имеют под собой один и тот же источник.

3. Размышление первое: «Новый мировой порядок»

Как и всегда, исходным пунктом для нас должна быть наша ясная и сильная приверженность¹ задачам безопасности Израиля – нашего самого сильного союзника и единственной состоявшейся демократии в этом регионе.

Приверженность, которая тем более важна сейчас, когда мы продолжаем нашу борьбу с растущими угрозами в регионе – усиливающийся Иран, хаотический Ирак, возрождение аль-Каиды, возросшая активность Хамаса и Хизболлы... Я покажу миру, что Америка верна своим основополагающим принципам.

Б. Х. Обама, июль-август 2007г. [22, сс. 15-17].

О «наступлении нового мирового порядка» было выпукло заявлено еще в 1997г. в рамках проекта НСР 2010. Это утверждение проходит красной нитью во всех последующих проектах НСР и с завидным упорством, похожим на заклинание, сопровождается утверждения-

¹ «Commit – поручать, верить, компрометировать, верить огню, предавать земле, совершать преступление» (Цитата из АБВУ Lingvo, <http://lingvo.yandex.ru>). Мы перевели слово *commitment* как *приверженность* – Прим. ред. Не исключается, что словарь прав в большей степени – А.М.

ми об ослаблении или даже скорой смерти наций-государств. На наш взгляд, они, однако, находятся в очевидном, прямо вопиющем, противоречии с реалиями постсоветской эры, когда возрождение национального самосознания стало основным политическим и социальным фактором во многих развитых и развивающихся странах практически на всех континентах мира. Ведь мы наблюдаем страстное желание претворения в жизнь права наций на самоопределения во многих уголках мира и, в первую очередь, на месте развалившихся империй и наднациональных образований. Мы наблюдаем, почему бы наконец и не сказать этого, именно усиление наций-государств, вопреки тому, что бы там ни говорили по этому поводу «Глобальные тенденции» НСР. Последовательное замалчивание этих явлений, игнорирование этих фактов, подобная слепота проектов НСР к ним столь из ряда вон выходяща, что требует к себе пристального внимания.

Выясним источник этого «заклинания». Это совершенно не трудно сделать. Они отнюдь не являются откровениями «Глобальных тенденции» – вспомним хотя бы многочисленные и поверхностные статьи господ Ф.Фукуяма, четы Тоффлеров и прочих конца 80-х. Более уравновешенно и глубоко эти утверждения и связанный с ними круг вопросов обсуждается в фундаментальной монографии Г.Киссинджера, изданной в 1994г., первая глава которой так и называлась «Новый мировой порядок» [18]. Напомним тут вкратце ход его рассуждений. Политическая и интеллектуальная мысль США, сформированная между полюсами изоляционизма и мессианства, с падением советской коммунистической системы отпраздновала свою победу. Но, по иронии судьбы, тем самым она оказалась лицом к лицу с таким миром, появления которого США, с точки зрения Киссинджера, стремились избежать на протяжении всей своей истории. В этом новом мире **национализм** обрел свое новое дыхание. И в этом новом мире **США более не могут ни отгородиться от него, ни господствовать в нем.** В этих условиях международные отношения будут с необходимостью носить характер баланса сил, напоминаю-

щих «Европейский концерт» XVIII-XIX веков. Вещи, по мнению г-на Киссинджера, «*глубоко чуждой и неудобной для США*»¹. Очевидно, что в этих немногих строках сконденсирована вся суть пространных рассуждений материалов всех «Глобальных тенденций» НСР о наступлении «Нового мирового порядка». Добавим лишь, что в номере «*Foreign Affairs*» за июль/август 2007г. младший сенатор от штата Иллинойс Б.Обама, тогда еще кандидат от Демократической партии США на президентских выборах, в своей программной статье, посвященной внешней политике, писал: «Америка больше не может в одиночку противостоять вызовам нового века, но и мир не может противостоять им без Америки. Мы не можем ни убежать от мира, ни поставить его на колени» [22, pp. 15-17].

Удивительно, но факт, что указанная фундаментальная монография ветерана Государственного департамента и Белого дома, по сути, является его запоздалой попыткой диалога и своеобразным обращением к раздумьям великого Дж.Кеннана 1950-70гг., одного из истинных пророков XX века и «белой вороной» дипломатического мейнстрима США. Но обращением, однако, с одной существенной оговоркой. В отличие от г-на Киссинджера, Дж.Кеннан никогда не думал, что США не могут проводить **национальную политику**, основанную на **собственных национальных интересах** и **созвучную политике формирования баланса сил**. Кеннан никогда не думал, что подобная политика «**чужда США и неудобна ей**». Напротив, он полагал, что именно такая политика избавит США и мир от многих бед. Но, может быть, именно поэтому Дж.Кеннан, в отличие от Г.Киссинджера, так ни разу и не возглавил Государственный департамент США, не стал советником американских президентов по **национальной безопасности**. Может быть именно поэтому, в кулуарах определенных академических кругов США вы очень скоро услышите следующие слова, приписываемые то ли А.Гарриману, то ли «попрыгунчику» Гари Гопкинсу: «Кеннан прекрасно знает, как работает Москва, но понятия не имеет, как работает Вашингтон».

¹ Выделено нами. – А.М.

Так чем же объяснить эту слепоту рассматриваемых материалов НСР к возрождению национального самосознания в мире, усилению национализма и наций-государств. В чем тут дело? Мы думаем – в односторонней и глубокой вовлеченности США на стороне Израиля в арабо-израильском противостоянии на Ближнем Востоке. Еще 2 сентября 1956г. в адресованном премьер-министру Великобритании Э.Идену письме президент США Д.Эйзенхауэр, объясняя необходимость нейтралитета США в грядущей арабо-израильской войне, отмечал: «Народы Ближнего Востока и Северной Африки, а в определенной степени и всей Азии, и всей Африки консолидируются против Запада в такой степени, что, как я опасаюсь, этого нельзя будет преодолеть не только в течение жизни одного поколения, но и даже в продолжение целого столетия, особенно если не забывать об умении русских вносить смуту» [19, р. 667]. Увы, эти пророческие слова не были осмыслены по достоинству, и история всей второй половины XX века прошла под знаком чрезвычайно односторонней вовлеченности США в арабо-израильский конфликт. Обстоятельство, которое, по терминологии НСР, можно определить как «формирующий фактор», *драйвер* для всей истории второй половины XX века. Неудивительно, что ни эта вовлеченность, ни антиамериканская консолидация «народов всей Азии и Африки» не были преодолены ни в конце прошлого века, ни в начале века нового, когда после развала СССР «умение русских вносить смуту» на Ближнем Востоке уже более двух десятилетий не носило ни скоординированного, ни масштабного характера. Более того, именно после развала СССР мы наблюдаем новый и драматичный этап «антиамериканского бунта» с его крайними и бесчеловечными проявлениями.

Обратим внимание на хронологию программ НСР. Их начало, 1996-97гг., примечательное время для США – время окончания политического «тектонического сдвига» вправо. Распад СССР, победное наследие президента Р.Рейгана, возрождение правого, консервативного и национального мышления в США начала 90-ых, публикация уже упоминавшихся материалов проекта «Венона» и многие другие факторы существенно пошатнули обобщенный *имидж* аме-

риканско-еврейского «либерально-демократического» *истеблишмента* прежде всего в глазах народа именно США. Началось «бегство» наиболее мобильной и гибкой ее части в Республиканскую партию и консервативное политическое поле¹. Вторжение Ирака в Кувейт, сентябрьская трагедия 2001г. еще более укрепили это движение. Началось то, что кандидат от Республиканской партии на президентских выборах США 1996г. П.Бьюкенен несколько позже (2004г.) охарактеризовал как «захват власти в США американско-еврейскими *неоконсерваторами*» [20, Ch. 2]. В течение всего этого времени «определяющей фактор» гегемонии США, столь любимый и часто обсуждаемый в первых трех проектах НСР, с точки зрения прагматичной политики означал не что иное, как вторжение в Ирак, усиливающееся давление на Иран и Сирию и вообще – почти безоговорочную² поддержку со стороны США *национальных целей и геополитических программ Израиля*. Причем эта *приверженность* США Израилю достигла столь явной формы, что прозвучавшее еще в 1998г. меткое замечание одного из ведущих деятелей консервативной политической мысли США Р.Кирка – «господа неоконсерваторы зачастую просто путают столицу США с Тель-Авивом» – стало широко цитироваться во многих известных газетах, журналах и во время публичных выступлений [21]³. При президенте Буше-

¹ Это явление не чуждо и новейшей армянской политической истории. Вообще, этот характерный для рубежа веков «тектонический сдвиг» к национальному и республиканскому политическому полю имеет глубокую взаимосвязь в разных странах, будь то Франция, Великобритания, Россия или страны Балтии, Грузия или Армения. Не случайно, что известная «шахматная» книга З.Бжезинского была опубликована именно в 1997г.

² Насколько помнится, единственным исключением, пожалуй, стал отказ США в вопросе предоставлении Израилю некоторых типов высокоточного наступательного вооружения, кодов «свой-чужой» и возможности пользоваться информационным потоком с разведспутников США в режиме *on-line*. Нетрудно понять военно-политический смысл этого – «мы не санкционируем удар по атомным объектам Ирана».

³ В своей четвертой лекции прочитанной в «*Heritage Foundation*» в 1988г. Р.Кирк, помимо процитированных выше слов, отмечал, что «неоконы» часто умны, но мудры редко [21, p. 5]. Будучи давнишним другом одного из величайших поэтов XX века Т.С.Элиота и знатоком его поэзии, Кирк адресовал им знаменитый вопрос Элиота: «Где мудрость, утраченная нами ради знания? Где знание, утраченное нами ради сведений?» Вопрос, который можно адресовать и некоторым экспертам НСР, обожающим развитие информационных технологий (читай глобализацию). Его можно адресовать и некоторым нашим государственным мужам, которые, неизвестно почему, отождествляют «высокие технологии» с компьютерными навыками, а рост производительности труда – со скоростью *интернета* – вещи, разумеется, необходимой, но совершенно недостаточной.

младшем национальная политика еврейского государства стала в США настолько «семейным, внутренним делом», что в ходе президентских выборов 2004г. «Биби» Нетаньяху появлялся на американских телеэкранах столь же часто, сколь и политические комментаторы телекомпаний *CNN, CBS, NBC* или *FOX*. Дошло до того, что в американских газетах общенационального значения господ Фейт, Перл, Вулфенсон, Вурмсер и др. открыто именовались «американскими ликудниками». Эту ситуацию начали пародировать даже в известных телевизионных политических шоу США – вещь невообразимая за всю историю Америки последних 60 лет.

Таким образом, интонационные изменения в «Глобальных тенденциях» проекта НСР 2025, отмеченные нами выше, являются всего лишь слабым отражением политического «тектонического сдвига вправо» общества США, его возмущения против неконсервативного «американо-еврейского» захвата власти и – шире – результатом пробуждения национального самосознания в США. Если отбросить в сторону риторику НСР, то это и составляет стержень «элегии» о «наступлении нового миропорядка», «ослаблении наций-государств» и угрозе гегемонии США в «Глобальных тенденциях». В действительности, «формообразующим» фактором современности является не гегемония США или ее ослабление, не «смерть наций-государств» и уж точно не «наступление нового мирового порядка», а болезненный, долгий и извилистый путь США к *нации-государству*, разработке и осуществлению национальной внешней политики, основанной на национальных интересах США и соответствующей формируемому в мире балансу сил. Именно это является важнейшим вызовом, стоящим перед этой замечательной страной и ее новоизбранным президентом. Вызов этот и связанные с ним задачи более важны и жизненны для США, чем, например, преодоление финансового кризиса или даже гонка ОМП. Удастся ли президенту Обаме ответить на него – отдельный

вопрос¹. Несомненно, что для новой администрации и для США как государства это вопрос номер один. Воспользовавшись оценкой, данной экспертами НСР 2020 Грузии, перефразируем ее и отметим, что «США, вероятно, попытаются держаться подальше от Израиля и воплотить в жизнь решение «двух государств». Хотя жизнеспособность США как нации-государства и республики все еще будет хрупка». О накале страстей тут, пожалуй, лучше всего свидетельствуют события, развернувшиеся в США после того как президент Б.Обама начал формировать руководство РС США. Так, выдвижение им на пост ДНР РС США и директора ЦРУ соответственно адмирала Д.Блейера и Л.Паннетты вызвало реакцию отторжения определенных кругов, лучшим представителем которых и стала влиятельнейший сенатор от штата Калифорния Д.Финштейн. Пикантность сложившейся ситуации заключалась в том, что Д.Финштейн возглавляет именно тот сенатский комитет, который должен был рассмотреть и утвердить эти выдвижения. Ситуацию удалось замять и не дать ей разрастись в скандал общенациональ-

¹ В этом вопросе трудно быть оптимистом: смотри эпиграф к данному разделу. И эта цитата о *приверженности* Израилю – самая мягкая из аналогичных заявлений *всех* кандидатов на пост президента США, периодически выступающих в 2007г. на страницах *FA* с программными статьями. Ростки возможного оптимизма, пожалуй, находятся в другом поле. Они заключаются, например, в том, что в этой удивительной стране, США, может сниматься и демонстрироваться веселый и ужасающий фильм «Последняя вечеря» (*The Last Super, 1995г.*) – зеркало внутренних брожений общества, где четко предсказано и показано извращение либерально-демократического *истеблишмента*. В фильме последовательность мотиваций убийств, совершаемых собирательными представителями этого среза общества, почти целиком совпадает со списком специальных отделов отчета НСР «Глобальные тенденции 2025», опубликованных спустя 18 лет после показа этого фильма. Неудивительно, что в основе и этого фильма заложены этические мотивы предвиденья будущего и «машины времени» («новый поворот, / что он нам несет? / пропасть или взлет?» – пели члены группы «Машина времени» в конце 70-х). Вопрос, не раз звучавший в фильме – «убили бы вы Гитлера, повстречай его, скажем, в какой-нибудь пивной, в году, этак 1930-ом?» – болезненно напоминает мучительные раздумья практически всех проектов НСР и многих современных ОНР о том, «по какому поводу, когда и как США будут использовать свою военную мощь в мире». Сложно отделаться от мысли, что НСР, да, пожалуй, и вся современность, бьется в концептуальном капкане, расставленном еще великим фантастом Айзеком Азимовым в далеком 1956-ом – со всеми этими «вычислителями», изучающими «параллельные реальности» и определяющими, как сказали бы мы сегодня, критические «точки бифуркации». С «минимальным воздействием» на «текущую реальность», производимом «техниками» организации «Вечность», обреченных после этого на вечное непонимание, тоску и одиночество.

ного масштаба только после срочного вмешательства вице-президента США Дж.Байдена. Но если Д.Блейер, офицер военно-морских сил США в шестом поколении, в прошлом любящий погонять на водных лыжах за своим атомным крейсером, – фигура сдерживающая пыл, то свистопляске, начавшейся после того как уже ДНР РС США Д.Блейер выдвинул на пост директора НСР одного из «последних могикан» когорты президента США Р.Никсона, посла США Ч.Фримена-младшего, трудно найти параллель в истории формирования разведсообщества США. Объяснялось это, видимо, тем, что Ч.Фримен опубликовал в свое время книгу-исследование «Израильское лобби и внешняя политика США» С.Вальта и Дж.Вершеймера, немедленно ставшую национальным *бестселлером* в США и сделавшую Фримена врагом *АРАС*. Страсти вокруг НСР накалились до такой степени, что в марте 2009г. Ч.Фримен был вынужден отклонить свое выдвижение, сделав поразительное заявление: «Я не верю, что Национальный совет по разведке США может работать сколько-нибудь эффективно, если его руководитель будет находиться под постоянными атаками безответственных людей с самыми сильными связями с одной из политической фракций одного иностранного государства». 21 мая 2009г. на пост директора НСР был выдвинут К.Кожм, в прошлом старший советник Комиссии по Ираку.

Добавим только, что в новейшей истории Обама не первый руководитель мощного государства, столкнувшийся с вызовом под названием «национальный вопрос». Чтобы очертить тут круг возможных развитий, проведем параллели, например, с историей СССР. Вспомним В.Ульянова, И.Джугашвили или же М.Горбачева и Б.Ельцина, предложенные ими ответы на этот вопрос и их последствия. Что ж, история только начинается – в последний раз вспомним и навсегда забудем г-на Фукуяму.

Для нас здесь важно то, что каким бы ни был выбор США, его непосредственные геополитические последствия в ближайшие годы **непосредственно отразятся на нашем регионе – по осям Израиль-Турция-Грузия-Азербайджан и США-Иран-Россия-Азербайджан и напрямую у нас**, в Республике Армения, вероятно, **по оси Армения-диаспора и по линии различных агентств и неправительственных организаций.**

4. Раздумье второе: энергетика и геополитика

«Нефть – это глобальный обменный продукт.

Следовательно, нет такой вещи, как чужая нефть».

*Из выступления адмирала в отставке Д.Блейера
перед комиссией сената США от 15-го октября 2007г.
по итогам сценарного моделирования OilShockWave.*

Другой важный вопрос – одно из основных утверждений НСР 2025: «Энергетика станет геополитикой». Оно тем более необычно, если мы сравним его с основным утверждением НСР 2020: «Существующие энергетические ресурсы, их запасы и производство достаточны для удовлетворения глобального спроса». То, что энергетический компонент – один из важнейших в геополитике, не является ни новостью, ни открытием НСР. Не ново и то, что энергетика, при всей ее важности, еще не геополитика. У нас уже был повод коснуться этого вопроса [23]. Новостью тут является время этого утверждения НСР 2025 – декабрь 2008г. и его место – «Глобальные тенденции 2025», служащие своеобразным посланием РС новоизбранному президенту США Б.Обаме. Это явление, как нам кажется, объясняется тем, что провалилась политика (и геополитика) неоконсерваторов и экс-президента США Буша-младшего по вторжению в Ирак, обеспечению военного присутствия США в Саудовской Аравии и силовому давлению на Иран. Провалилась в первую очередь в глазах американского общества. В этом заключается основная геополитическая причина победы Б.Обамы на президентских выборах.

Следовательно, приверженность указанных кругов к национальной политике Израиля, которая, конечно, вовсе не исчезла с

избранием нового президента США, нуждается в новом обосновании. Тем более что тезис об Израиле как «о единственной состоявшейся демократии региона», часто повторяемый в рамках стратегии «пропаганды демократии» и приводимый США в 2002-2008гг., уже вызывает сардонический смех и гнев даже во многих европейских странах и США. Думается, после вторжения Израиля в сектор Газа в декабре 2009г. и значительных жертв среди гражданского населения этот гнев еще больше усилится. И именно здесь и сейчас нефтяной фактор вновь выступает на первый план, чтобы вновь обосновать и укрепить эту приверженность США. Как известно, новое – это хорошо забытое старое, и точно так же, как в 70-80-ых годах прошлого века, так и теперь акцентирование нефтяного фактора в США позволит Израилю обеспечить активное присутствие США в регионе Ближнего Востока – в интересах его собственных национальных стратегических задач. Тем более что такое переакцентирование позволяет использовать возможности мощного американского и международного нефтяного лобби.

Нефтяной фактор и – шире – проблема критической зависимости США от импорта углеводородных энергоносителей действительно сложна и многогранна. Она лежит в основе энергетической и национальной безопасности страны. Не случайна та значительная роль, которая отводилась ей в предвыборных кампаниях всех претендентов на пост президента США в 2008г. Вопрос этот получил новый импульс еще с 2005г., сразу же после переизбрания Буш-младшего президентом США¹. Отметим принятие последним «Стратегической программы развития энергетики» США, которая, начиная с 70-х годов XX века, явилась первой подобной программой в Соединенных Штатах. Однако в интересующем нас ракурсе в первую очередь отметим факт организации летом 2005г. первых сценарных игр под названием «*Oil Shockwave*». Эти игры продолжают и по сей день. В них, в числе прочих, участвуют бывшие сотруд-

¹ Понятно, что Дж.Буш-младший это не Ф.Д.Рузвельт, и о третьем президентском сроке не могло быть и речи.

ники высших органов власти США, например, экс-директоры ЦРУ, бывшие спикеры Белого дома, или экс-главнокомандующий Тихоокеанским флотом США и др. В отличие от рассмотренных нами ранее исследований ЦРУ и НСР по моделированию энергетических и нефтяных вопросов, носящих закрытый характер и ставших доступными в рамках ЗоСИ только в апреле-мае 2007г., модельные игры «*Oil Shockwave*» изначально носили открытый характер и широко освещались, если не пропагандировались СМИ. Думаем, что еще будет повод поговорить об этих модельных играх более подробно. Здесь же, чтобы подчеркнуть направленность нынешних тенденций, удовлетворимся лишь цитированием одного из основных выводов модельных игр «*Oil Shockwave*», имеющего серьезнейшие геополитические последствия: «Нефть – это глобальный обменный продукт. Следовательно, нет такой вещи как чужая нефть»¹.

Именно этот вывод, да частичное рассекречивание результатов секретных моделирований 1998-2000гг., является, на наш взгляд, сутью «*нового обоснования*» о котором говорилось выше². Именно эти обстоятельства, как мы думаем, стоят за утверждением НСР 2025 о том, что «энергетика станет геополитикой». И именно в этом контексте следует рассматривать неуклонную и «необъяснимую» тенденцию падения цен на сырую нефть всего второго полугодия 2008г., как и происходящие процессы по созданию «Газового ОПЕК», развернувшуюся с января 2009г. газовую конфронтацию Россия-Украина-Европа или последние (январь 2009г.) заявления знакомого практически всем армянам М.Брайзы о программе *Nabucco*.

Для нас тут важно понять, что, ***с одной стороны, новые проявления т.н. «углеводородного империализма», а с другой – политика «энергетического пантажа» в грядущее десятилетие со всей силой***

¹ www.oilshockwave.org

² В этом плане можно утверждать, что президентская кампания 2008г. в действительности стартовала в США в апреле 2007г., аналогично тому, как рассекречивание и публикация материалов «Веноны» в 1998г. ознаменовали скорое завершение 8-летнего президентского «владычества» Демократической партии США.

проявятся у нас и на Южном Кавказе со стороны как США/Израиля и ЕС/Турции, так и России, Ирана, Азербайджана и Грузии.

Заключение

Важно не хорошо играть, важно играть лучше.
Патрик Бьюкенен. Where the Rights Went Wrong. 2004¹.

Мы живем в сложном, полным острых противоречий регионе, пребывающем в центре внимания мировых и региональных центров силы. Нас ждет бурное будущее, полное глобальными, региональными и внутренними вызовами. Ни один из глобальных факторов перемен, о которых говорилось выше, не минует нас. Более того, многие из них (демографическое давление, гонка ОМП и атомная гонка, борьба за энергетические и водные ресурсы, продовольственная обеспеченность) проявят себя особенно остро именно в нашем регионе, вблизи наших границ и прямо у нас.

Экономика нашей Республики, изолированная от портов и от развития региональной инфраструктуры по оси Восток-Запад, вот уже почти 20 лет задыхается в условиях транспортной блокады со стороны Турции, Азербайджана и Грузии. Социально-экономическое развитие сдерживается неблагоприятной демографической динамикой, ощутимым уровнем эмиграции наиболее трудоспособного сегмента населения, деформацией механизмов образования политической элиты, неравным и слабым применением силы закона, слабостью судебной системы, коррупцией и неудовлетворительным уровнем развития общественных и гражданских институтов.

Такова правда. Но это – не вся правда.

¹ Игру слов в названии этой книги Бьюкенена невозможно адекватно перевести на армянский язык. Русский дает эту возможность – «Где Правые оказались неправы». К сожалению, русское издание книги было названо «Правые и Не-правые» (М. АСТ, 2006). «Политкорректному» искажению подвергся и перевод подзаголовка этой книги. В указанном издании он приводится в следующем виде: «Как неоконсерваторы заставили нас забыть о рейгановской революции и повлияли на президента Буша». Даем адекватный оригиналу перевод: «Как неоконсерваторы разрушили [наследие] революции Рейгана и украли президентство Буша» (*How Neoconservatives Subverted the Reagan Revolution and Hijacked the Bush Presidency*). Хотелось бы посмотреть на человека, который может заставить Пата Бьюкенена забыть о революции Рейгана.

Мы живем в этом сложном и полном противоречий регионе издревле и уже не раз противостояли различным бурям и вызовам. Доказывали наш авторитет лидера регионального развития. На Южном Кавказе наша экономика самая здоровая и устойчивая, армия – самая боеспособная и дисциплинированная, экономическое поле – самое свободное и зрелое, общественная и социальная жизнь – наиболее безопасная и стабильная. Моноэтническая Армения не подвержена угрозе раскола в той же степени и с той же легкостью, что и все наши соседи, а сила национальной самоидентификации и потенциал объединяющих нацию сверхзадач превосходят аналогичные показатели многих народов региона и мира. И это отнюдь не наши оценки Третьей Республики Армения. Это даже не оценки наших друзей¹.

Кроме того, насильственной региональной изоляции от развития по оси Восток-Запад, Армения может и уже отвечает развитием инфраструктуры по оси Север-Юг. Процесс деблокады Армении, все еще медленный и трудный, уже начат во многих областях – будь то военное или энергетическое сотрудничество, наука, культура или спорт.

И самое главное: Армения, этот «джокер» региона (используем тут определение НСР 2015), может и должна повернуть чашу весов обстоятельств и тенденций в свою пользу. Ведь Армения и Арцах – это сильные страны, а армяне – народ, вполне осознающий свою историческую миссию, полный жажды справедливости, наделенный энергией развития, сетевой жизнестойкостью и влиянием.

В числе прочего, об этом свидетельствуют упоминаемые и/или обсуждаемые в настоящей статье материалы НСР и «Глобальных тенденций» начиная еще с середины прошлого века.

Итак, будем готовиться к возвращению будущего.

¹ См. публикации рубрики «Армения – Регион – Мир: цифры и факты» НОФ «Нораванк».

Источники и литература

1. *Марджанян А.*, Наше будущее – глазами НИС. Журнал «21-й Век» НОФ «Нораванк», N2 (24), 2009г., сс. 26-63 (на армянском языке).
2. *Марджанян А.*, Сильная ли страна Третья Республика Армения? Журнал «21-й Век» НОФ «Нораванк», N3 (21), 2008г., сс. 74-98 (на армянском языке).
3. *Clarke R.* Against all enemies: Inside America's war on terror. Free Press, 2004.
4. *Alan G. Whittaker, Frederick C. Smith, Elizabeth McKune.* The National Security Policy Process: The National Security Council and Interagency System // Affairs of State: The Interagency and National Security. Ed. By Gabriel Marcella. Strategic Studies Institute (SSI), US Army War College, December 2008.
5. *Mike McConnell.* Overhauling Intelligence. *Foreign Affairs*, vol 86, # 4. July/August 2007.
6. Global Trends 2010. Revised Edition. NIC, November 1997.
7. Global Trends 2015: A Dialogue About the Future With Nongovernment Experts. NIC, December 2000.
8. Mapping the Future: Report of the National Intelligence Council's 2020 Project. Based on consultations with nongovernmental experts around the world. NIC, December 2004.
9. Global Trends 2025: A Transformed World. NIC, November 2008.
10. Caspian Energy Issues. Directorate of Intelligence. CIA OTI / OREA CEI-9812. December, 1998.
11. The Caspian States and Energy Wealth: New Threats to Growth and Stability. Directorate of Intelligence' Strategic Perspective Series. CIA OREA IR 99-40096, DI SP 99-1001. April, 1999.
12. International Game' 99 – Geneva. Tremors in the Transcaucasus. Cap. J. T. Harrington. U.S. Navy Strategic Research Dpt. RR 12-99. US Naval War College. 1999.
13. International Game' 99 – Garmisch. Tremors in the Transcaucasus. Cap. J. T. Harrington. U.S. Navy Strategic Research Dpt. RR 13-99. US Naval War College. 1999.
14. NATO and Caspian Security: A Mission Too Far? RAND Corporation, Project Air Force. RAND, 1999.

15. Long-Term Scenarios for the Central Asian, Caucasus and Caspian Region Suggest a Pessimistic Future. A Research Paper. Intelligence Report of the Office of Transnational Issues, CIA. OTI 99-10031. November 1999.
16. Caspian Eenergy: The Great Game Redux. CIA PASS Senior Executive Intelligence Brief, PASS SEIB 99-264CX. 15 November 1999.
17. Central Asia and the South Caucasus: Reorientations, Internal Transitions and Strategic Dynamics. DCI NIC Conference Report, CR 2000-05. October, 2000.
18. *Kissinger H.*, Diplomacy. Simon & Shuster, N.Y. 1994.
19. *Eisenhower D.*, Waging Peace: The White House Years 1956-61. Garden City, N.-Y.: Doubleday, 1965.
20. *Buchanan P.*, Where the Right Went Wrong. Thomas Dunne Books. N.Y. 2004.
21. *Russell K.*, The Neoconservatives: An endangered species. The Heritage Foundation. 4th *Heritage Lecture*, October 6, 1988.
22. *Barak H. Obama*. Renewing American Leadership. *Foreign Affairs*, vol 86, # 4. July/August 2007.
23. *Марджанян А.*, Энергетика и геополитика. Журнал «21-й Век» НОФ «Нораванк», N1 (1), 2003г. сс. 13-55 (на армянском языке).
24. *Марджанян А.*, Балистическое ракетное оружие в нашем регионе: современное состояние и динамика распространения. «Дрошак», Афины. No.11, июнь 1998г.; *Марджанян А.*, Балистическое ракетное оружие в нашем регионе. Часть 2. Источники явления и тенденции развития. Материалы «Круглого стола ЗЕ». Ереван, декабрь 2000г. (на арм. языке).

	НПС 2010 (1997г.)	НПС 2015 (2000г.)	НПС 2020 (2004г.)	НПС 2025 (2008г.)
Общие вопросы	Участники проекта - эксперты РС США, граждане США. Методология: линейный подход, «эволюционное» моделирование будущего.	Эксперты РС США, специалисты из академических кругов США и Великобритании, нынешние и бывшие граждане США. Программа синхронизируется с президентскими выборами в США. Смешанная методология: линейное моделирование с оценкой отдельных «джокеров».	Привлечение экспертов РС США и ОК, академических кругов США, международного экспертного сообщества. Широкий спектр оценок различных «джокеров», сценарный анализ и компьютерное моделирование. Разработка воображаемых художественных сценариев будущего.	Привлечение экспертов РС США и ОК, академических кругов США, международного экспертного сообщества. Оценка «диких карт» широкого спектра, сценарный анализ и компьютерное моделирование. Разработка воображаемых художественных сценариев будущего.
Глобальные	Глобализация как основной формообразующий фактор			
	Гегемония США		Многополярный мир	
	6 основных движущих сил глобальных изменений. Седьмой фактор – «гегемония США и применение силы». Конфликты будут носить в основном внутрисударственный характер. Конец наций-государств.	Гегемония США рассматривается в списке основных движущих сил глобальных изменений в качестве их седьмого, важнейшего компонента. Конвергенция технологических сфер. Конфликты будут носить в основном внутрисударственный характер. Ослабление наций-государств.	Художественные сценарии возможных вариантов будущего с оттенком тревоги. «Овосточивание» лица изначально «западной» глобализации. Пошатнувшаяся гегемония США. Существующие энергоносители достаточны для удовлетворения глобального спроса.	Пессимистические сценарии будущего. «Энергетика станет геополитикой». Возобновляемая энергетика и энергосбережение как стратегические факторы. Возможные межгосударственные конфликты из-за ресурсов. Оценка «Национальной мощи» стран.
Регион	Европа будет занята собой, Россия останется слабой, а Средний Восток – зоной гонки ОМП. В Иране существуют факторы молодежного пузыря и смены поколения лидеров. Вероятное <i>de jure</i> существование государства Палестина.	Мировая роль Европы ограничится экономическим полем. Усилятся Китай и Индия, ослабнут РФ и Япония. Турция будет в поисках своей роли в регионе. Смерть «евразийства» в России, которая будет вне ЕС. Молодежный пузырь на Среднем Востоке. <i>De jure</i> существование государства Палестина.	РФ останется силовым центром в Евразии и СНГ, но будет вне ЕС. «Стрела нестабильности» от Африки до Азии. Пересмотр «социального контракта» в Иране и Саудовской Аравии. Возможный израильско-сирийский конфликт.	Гонка ядерных вооружений и ОМП на Ближнем Востоке: повышается вероятность их использования. Вероятный конфликт Китай-Индия, Пакистан-Индия относительно природных ресурсов. Уникальная «траектория» развития Ирана в регионе.
Мы	-	Южный Кавказ – нестабилен из-за вмешательства России. Грузия – в центре «внимания» РФ. Армения, региональный «джокер», останется в основном изолированной, являясь клиентом РФ и, возможно, Ирана. Для нее ощутимо демографическое давление. Азербайджан – страна с односторонней экономикой.	Южный Кавказ (Азербайджан и Грузия) будут дистанцироваться от РФ. Жизнеспособность Грузии как государства останется хрупкой. Армения продолжит оставаться близким и стабильным соседом РФ, сохраняя при этом свою идентичность.	-

Давид Бабаян

**ГЛОБАЛЬНАЯ ГИДРОПОЛИТИКА
И ПРОБЛЕМА ВОДЫ В АЗЕРБАЙДЖАНО-
КАРАБАХСКИХ ОТНОШЕНИЯХ**

ГЛОБАЛЬНАЯ ГИДРОПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

То, что водные ресурсы в нынешнем веке будут одной из наиболее важнейших составляющих безопасности, развития стран и народов, а также одним из основных компонентов геополитики, не вызывает никакого сомнения. На сегодня в разных уголках мира идет всевозрастающая борьба за водные ресурсы, доступ к ним, обеспечение безопасного и бесперебойного водоснабжения как для питьевых, так и для социально-экономических нужд. Предельно четко охарактеризовал проблему воды в мире немецкий ученый Х Мозер, согласно которому «она не там, где нужно, и не в том виде, который нас устраивает» [1].

В развивающихся странах около одного миллиарда людей не имеют доступа к питьевой воде, а 2,5 млрд. не имеют доступа к необходимым санитарным услугам¹. По прогнозам демографов, экономистов и футурологов, через полвека большая часть будущего человечества будет вынуждена пить воду плохого качества [1]. Проблема воды усугубляется и тем, что в международном праве все еще не выработаны четкие критерии раздела водных ресурсов². Практически все международные документы по воде ограничиваются лишь общими формулировками, без каких-либо четких положений, что негативно отражается на проблеме распределения водных ресурсов.

¹ *The World's Water: 2002-2003*, Pacific Institute for Studies in Development, Environment and Security, www.pacinst.org.

² См. также *Wolf Aaron T.*, Criteria for Equitable Allocations: The Heart of International Water Conflict, *Natural Resources Forum*, Vol. 23, N1, February 1999, pp. 3-30.

Конфликты из-за водных ресурсов не являются чем-то новым для человечества. Наиболее ранние известные истории войны за воду имели место в Месопотамии между городами-государствами Лагаш и Умма. В 1503г. между итальянскими городами Флоренция и Пиза разгорелся конфликт из-за планов Леонардо да Винчи и Макиавелли изменить русло реки Арно [2]. В 1935г. споры относительно строительства плотины Паркера и сбора воды из реки Колорадо привели к тому, что национальная гвардия и милиция штата Аризона были стянуты к границе со штатом Калифорния [3]. В 1975г. южноафриканские войска вошли в Анголу с целью оккупации гидроэнергетического комплекса Руакана (*Ruacana*) для защиты водных ресурсов юго-западной Африки и Намибии¹. В 1992г. серьезные разногласия возникли между Венгрией и Чехословакией по поводу строительства на Дунае плотины Габчиково. Венгрия аннулировала договор с Чехословакией от 1977г. относительно Габчиково из-за опасений ухудшения экологической обстановки. Несмотря на это, Словакия достроила плотину. Оба государства стянули к границам войска, проводя военные учения [4].

Но особо остро стоит эта проблема в Африке, Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в других регионах. Страны Восточной Африки, к примеру, достаточно упорно добиваются пересмотра квот на использование ресурсов Нила². Усилилась борьба за водные ресурсы и в Дарфуре. Кстати, одной из основных причин конфликта в данном регионе планеты является именно борьба за воду³.

¹ Более подробно см. *Meissner R.*, *Hydropolitical Hotspots in Southern Africa: Will There Be a Water War? The case of the Kunene River*, in H. Solomon and A. Turton (editors). *Water Wars: Enduring Myth or Impending Reality? Africa Dialogue Monograph Series*, N2. Accord, Creda Communications, KwaZulu-Natal, South Africa, 2000, pp. 103-131.

² См., в частности, *Musoni Edwin*, *Africa: Rift Widens as Egypt, Sudan Delay Signing Nile Basin Pact*, *All Africa*, <http://allafrica.com/stories/200902230029.html>, February 23, 2009; *Xan*, *Battle for the Nile as rivals lay claim to Africa's great river*, *The Guardian*, <http://www.guardian.co.uk/environment/2010/jun/25/battle-nile-africa-river-resources>, June 25, 2010; *Lirri Evelyn*, *Claims over Nile water*, *The Monitor Uganda*, <http://desertification.wordpress.com/2010/05/06/claims-over-nile-water-africafiles-the-monitor-uganda/>, June 5, 2010; "East Africa seeks more Nile water from Egypt," *BBC News*, <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/8682387.stm>, May 14, 2010.

³ См., например, *Polgreen Lydia*, *How much is ecology to blame for Darfur crisis?*, *The Seattle Times*, http://seattletimes.nwsourc.com/html/nationworld/2003800514_darfur22.html, July 22, 2007; *Abraham Curtis*, *Africa Insight – Are Sudanese and Somalis killing each other because of climatic change?*, *Daily Nation*, http://www.nationmedia.com/dailynation/nmgcontententry.asp?category_id=39&newsid=126186, June 27, 2008.

Весьма накалена ситуация с использованием водных ресурсов и в Центральной Азии, особенно в свете того, что Таджикистан и Киргизия – основные гидродоноры региона – также недовольны существующей системой распределения водных ресурсов¹. Ситуация с водными ресурсами в данном регионе, по всей видимости, со временем будет все более ухудшаться.

Ближний Восток также является одним из наиболее взрывоопасных регионов с точки зрения водной безопасности. Для армянской государственности особый интерес в данном контексте представляет турецкая гидрополитика. Она достаточно многогранна. В осуществлении этой политики особое значение для всего бассейна рек Тигр и Евфрат имеет турецкий проект по развитию Юго-Восточной Анатолии (*Guneydogu Anadolu Projesi*), или ГАП. Данный проект является одним из крупнейших в мире и предусматривает использование гидроресурсов Тигра и Евфрата для орошения и производства электроэнергии, а также освоения земельных ресурсов Верхней Месопотамии. В результате предполагается, что районы Турции, находящиеся в пределах ГАП, станут житницей не только Турции, но и Ближнего Востока. В общей сложности в рамках проекта предусматривается построить 22 крупные плотины и 19 крупных гидроэлектростанций [5].

Однако Ирак и Сирия серьезно обеспокоены последствиями данного проекта. Эти страны заявляют, что их права на Евфрат и Тигр идут из глубины истории, и что эти реки являются международными. Следовательно, их ресурсы не должны использоваться одной стороной по своему усмотрению. Сирия уже заявляет, что из-за плотины Ататюрка собственная плотина Табка работает на 10% от мощности, и, по некоторым подсчетам, после осуществления Турцией гидропроектов на Тигре и Евфрате к 2025г. Сирия будет получать 16% того объема воды, который она получает сейчас, а Ирак – 27% [6].

¹См., например, *Weinthal Erika, Water Conflict and Cooperation in Central Asia*, Human Development Report, Occasional Paper, Human Development Report Office, UNDP, 2006; «Таджикистан: В Душанбе открылась международная конференция «Вода для жизни», *И.А. Ferghana.ru*, <http://www.ferghana.ru/news.php?id=14890>, 8 июня 2010.

На это Анкара отвечает достаточно своеобразно. Суть этого ответа можно передать словами Сулеймана Демиреля, произнесенными им в пору его президентства в июне 1992г. в ответ на обвинения Дамаска относительно того, что использование Турцией вод Евфрата представляет угрозу водной безопасности Сирии. Демирель сказал буквально следующее: «Мы же не говорим, что должны разделить их нефтяные запасы. И они не могут требовать от нас раздела наших водных ресурсов. Это дело суверенитета. Мы имеем право делать все, что хотим»¹. Весьма поучительный ответ, особенно для Армении и НКР.

Более чем актуальна проблема воды и в арабо-израильских отношениях, где гидрополитика с каждым годом играет все более важную роль.

Проблема обеспечения безопасности водных ресурсов вышла также и на глобальный геополитический уровень, что достаточно наглядно проявляется, скажем, в действиях Соединенных Штатов Америки. Еще президент Билл Клинтон, представляя документ «Стратегия национальной безопасности в новом веке» в октябре 1998г., указал, что хотя на ближайшую перспективу никто не в состоянии бросить вызов США обычными военными средствами, в будущем резко возрастет вероятность асимметричных атак на представляющих критическое значение инфраструктуры, способных нанести существенный урон экономике и военному потенциалу страны. К таким критическим инфраструктурам президент Клинтон отнес и водные ресурсы². Аналогичного подхода придерживалась и администрация Джорджа Буша-младшего. Так, в одной из президентских директив указано, что возможные асимметричные атаки на США будут нацелены на критически важнейшие инфраструктуры, к которым причисляются и водные ресурсы и система [7]. Примеча-

¹ См. "The Euphrates Fracas: Damascus Woos and Warns Ankara," *Mideast Mirror*, July 30, 1992.

² См. President William J. Clinton, *A National Security Strategy for a New Century*, The White House: October 1998, p. 19; National Research Council, Committee on Toxicology, *Guidelines for Chemical Warfare Agents in Military Field Drinking Water*, Washington DC: National Academy Press, 1995, p. 1-2.

тельно, что проблема обеспечения водной безопасности является также одним из часто затрагиваемых аспектов в последней президентской предвыборной гонке в Америке. Барак Обама, например, придавал этому вопросу ключевое значение. В проекте национальной безопасности тогда еще кандидата в президенты США Обамы было указано, что в США имеется около 170 тысяч систем общественного водоснабжения и атаки на эти системы могут привести к серьезным последствиям для страны¹. Обама предлагал существенно увеличить ассигнование бюджетных средств для модернизации систем безопасности водоснабжения.

После прихода к власти администрация Обамы также уделяет первостепенное значение водной безопасности. В данном контексте особого внимания заслуживают программные заявления американского госсекретаря Хилари Клинтон, сделанные ею во время выступления в штаб-квартире Национального географического общества 22 марта 2010г., т.е. в международный День воды. Клинтон заявила следующее: «Нехватка водных ресурсов ощущается не только в развивающихся странах, но и во всем мире. Проблема перешагнула политические границы. Недостаток водных ресурсов может стать потенциальным катализатором конфликта между странами и внутри них»². Клинтон отметила, что доступ к источникам чистой воды является залогом национальной безопасности. «По этой причине президент Обама и я считаем, что водные ресурсы являются важным средством достижения главных целей внешней политики США», – подчеркнула она³. Более того, по словам Клинтон, успешное решение данного вопроса также повысит авторитет США на мировой арене. «Мы уделяем много внимания таким проблемам, как терроризм, контроль над оружием и распространение ядерного оружия. Это действительно важные вопросы. Однако с этими проблемами

¹ См., например, *Michael van der Galien*, So What About National Security?, *PoliGazette*, <http://poligazette.com/2008/06/17/so-what-about-national-security/#more-4798>, June 17, 2008.

² *Hillary Rodham Clinton*, Secretary of State, National Geographic Society, Washington, DC, *US Department of State*, <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/03/138737.htm>, March 22, 2010.

³ Там же.

люди не сталкиваются ежедневно, тогда как проблема водных ресурсов носит иной характер. Данный вопрос представляет интерес для всех, ведь чувство жажды знакомо каждому. Существует ряд бытовых вопросов, касающихся всех без исключения. Наша способность удовлетворить потребность в воде зависит от местоположения и обстоятельств. Однако в качестве вопроса биологической необходимости, доступ к чистым, бесперебойным источникам воды является первоочередной задачей абсолютно для всех», – заявила она¹.

Как видим, проблема безопасности водных ресурсов действительно весьма актуальна даже для самой сильной державы мира. И это при том, что США не имеют сколь-нибудь крупных водных артерий, берущих начало на территории враждебного им государства. Все эти аспекты лишний раз подчеркивают важность обеспечения водной безопасности и для нашего государства. На сегодня степень защищенности нашей водной безопасности весьма высока. И в данном контексте ключевую роль играет, естественно, Карвачар, который является гидродонором Архаца и ключевым компонентом обеспечения водной безопасности Армении. Поэтому со всей уверенностью можно сказать, что от будущего данного района напрямую зависит будущее армянского народа и его независимой государственности.

¹ Там же.

ПРОБЛЕМА ВОДЫ В КОНТЕКСТЕ АЗЕРБАЙДЖАНО-КАРАБАХСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Проблема обеспечения водной безопасности является одним из ключевых аспектов урегулирования азербайджано-карабахского конфликта¹. Для получения более полной картины данного аспекта целесообразно рассмотреть «водную» составляющую нагорно-карабахского конфликта начиная с насильственного включения Нагорного Карабаха в состав Азербайджана. Для этого рассмотрим основные направления водной политики или «гидрополитику» бакинских властей в бывшей Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО), а также влияние этих факторов на урегулирования нагорно-карабахского конфликта.

Цели и направления гидрополитики бакинских властей по отношению к Нагорному Карабаху

Основным императивом азербайджанской политики в водном вопросе было всяческое препятствие экономическому и социальному развитию бывшей НКАО для создания благоприятных условий оттока армянского населения, а также максимальное использование водных ресурсов Карабаха для удовлетворения потребностей сопредельных с Нагорным Карабахом районов Азербайджана. Бакинские власти проводили в этом направлении весьма эффективную и дальновидную политику, чему сопутствовала и климатическая специфика края. Дело в том, что если количество выпадаемых осадков меньше 600 мм в год, то необходимо искусственное орошение. В Нагор-

¹ Для получения детальной информации относительно вопросов, связанных с безопасностью водных ресурсов и азербайджано-карабахским конфликтом, см. *Бабаян Д.*, Проблема воды в контексте урегулирования нагорно-карабахского конфликта, Степанакерт, «Дизак Плюс», 2007.

ном Карабахе количество осадков составляет 581 мм в год. При этом большая часть осадков приходится зимой и ранней весной, т.е. не во время вегетации.

Основным «водным» механизмом, препятствовавшим экономическому и социальному развитию Нагорного Карабаха, было всяческое препятствование расширению орошаемых сельхозугодий на территории бывшей автономной области. На конец 80-х годов из 218 тыс. га сельхозугодий Карабаха только 26,2 тыс. га (12%) были орошаемыми и условно орошаемыми. Между тем существовавшие фонды позволяли довести площадь орошаемых сельхозугодий до 100 тыс. га. Для сравнения: на тот же период орошаемые земли в Азербайджанской ССР составляли 28,2% от общей площади сельхозугодий [8]. И это при том, что водные ресурсы в пределах бывшей автономной области составляют 1,2 млрд. м³ и на одного жителя в Нагорном Карабахе приходится в 6 раз больше водных ресурсов, чем в Азербайджане [9]. По сравнению с 1913г. (тогда площадь орошаемых земель достигала 12,4 тыс. га) [10] к началу 90-х годов XXв. площадь орошаемых земель в Нагорном Карабахе увеличилась в 2,1 раза, тогда как в целом по Азербайджану более чем в 4,6 раза. Причем с середины 60-х годов до начала конфликта площадь орошаемых сельхозугодий увеличилась в Нагорном Карабахе лишь на 15%, тогда как в Азербайджане – более чем на 40%.

В данном контексте было бы целесообразно рассмотреть площадь орошаемых площадей в основных сельскохозяйственных районах бывшей НКАО. На долю орошаемых сельхозугодий в Аскеранском районе приходилось 7,9%, Мартакертском районе – 25%, Мартунинского – 6,6%, Гадрутского – 2,4% [11]. Имея богатые водные источники, эти районы испытывали хронический недостаток в оросительной воде. На фоне всего этого приграничные с Нагорным Карабахом районы Азербайджанской ССР с каждым годом увеличивали площади орошаемых сельхозугодий. Например, в Агдамском районе площадь орошаемых земель уже к началу 60-х годов прошлого века достигала до 51-70% от общей площади сельхозугодий района [12, с. 133]. В приграничном с Гадрутским и Мартунинскими районами Карабаха Физулинском районе в середине 1980-х годов

площадь орошаемых земель составляла 28,2% от площадей пригодных для использования в сельском хозяйстве земель [13, с. 17]. В Джебраильском районе площадь орошаемых земель составила 20,3% от площади пригодных для сельского хозяйства земель [13, с. 407], а в Мир-Баширском районе – 75,8% от площади всех пригодных для сельского хозяйства земель [13, с. 63].

Между тем, орошение сельхозугодий на территории сопредельных с НКАО районов бывшей Азербайджанской ССР осуществлялось за счет использования водных ресурсов Нагорного Карабаха. Крупнейшее в Нагорном Карабахе Сарсангское водохранилище орошало 128 тыс. га сельхозугодий, из коих 110 тыс. га – за пределами границ бывшей НКАО, в Мирбаширском, Агдамском, Бардинском, Касумисмаиловском и других районах Азербайджанской ССР. Всякие попытки НКАО добиться орошения собственных сельхозугодий водами Сарсанга наталкивались на яростное сопротивление бакинских властей. В частности, предлагалось построить канал и довести воду Сарсанга в низменные области Мартунинского района в окрестностях села Куропаткино. Но этого так не было сделано, хотя водами Сарсанга орошались сельхозугодия Агдамского района вплоть до границ Мартунинского района.

Аналогичным образом дело обстояло и с Хаченским водохранилищем, построенным на реке Хачен в пределах Агдамского района, которое в советское время орошало почти четверть всех пахотных земель в данном районе. Кстати, еще до строительства Хаченского водохранилища в министерстве мелиорации и водного хозяйства Азербайджанской ССР было два проекта строительства водохранилищ на карабахских реках. Вместе с проектом Хаченского водохранилища был представлен и проект строительства водохранилища на реке Каркар в районе пгт. Аскеран в пределах бывшей НКАО. По своим технико-экономическим показателям Каркарский проект был намного предпочтительнее Хаченского. В частности, фильтрация в районе места строительства Каркарского водохранилища была намного меньше, чем в Хаченском, где фильтрация на

порядок превышала допустимые нормы¹. Но выбор бакинских властей был остановлен на Хаченском варианте. Подобное решение полностью вписывалось в политику «гидродавления», так как, построив водохранилище на реке Хачен за пределами бывшей НКАО, бакинские власти не только удовлетворяли потребности Агдамского района, но и автоматически лишали возможности интенсивной эксплуатации реки Хачен в пределах Нагорного Карабаха со всеми вытекающими отсюда последствиями.

То же самое произошло и в граничащем на юге с бывшей НКАО Физулинском районе на реках Варанда и Ишханагет. Там были построены три водохранилища, на долю которых приходилось более 41% от площади орошаемых земель в Физулинском районе. Когда же Нагорный Карабах предложил построить водохранилище на реке Варанда для орошения нескольких тысяч гектаров плодородных земель в окрестностях пгт. Красный Базар в Мартунинском районе бывшей НКАО, то последовал отказ из Баку, который мотивировал тем, что в нижнем течении реки Варанда в Физулинском районе уже построены водохранилища, и постройка нового резервуара в верховьях приведет к обмелению этих водохранилищ и экономическим убыткам.

Политика «гидродавления» была сильным тормозом социально-экономического развития Нагорно-Карабахской автономной области. Область не могла обеспечить себя хлебом, картофелем, фруктами и овощами. Урожайность сельхозкультур была очень низкой в первую очередь ввиду отсутствия орошения. Даже базовое направление сельского хозяйства области, виноградарство, несмотря на высокий валовой сбор винограда, также страдало от недостаточного орошения. Например, в 1982г. было собрано 154483 тонны винограда. Из этого объема на долю орошаемых угодий приходилось 114460 тонн (74%). И это при том, что в середине 80-х годов XXв. орошаемые виноградники составляли лишь 39% от всех виноградников

¹Из частной беседы с директором государственного предприятия «Арцахводхоз» А.Авакьяном, май 1999г.

области¹. Естественно, что подобное «гидродавление» сильно тормозило темпы социально-экономического развития Нагорного Карабаха. В результате НКАО, особенно ее столица Степанакерт, полностью зависели от поставок овощей, фруктов и других продуктов растениеводства из соседних азербайджанских районов.

«Гидродавление» в вопросе орошения проявлялось не только во всяческом препятствовании строительству оросительных каналов. Даже в тех местах, где они были построены, их эффективность была весьма низкой. Так, в советское время протяженность оросительной сети на территории бывшей НКАО достигала 1203 км, из коих было облицовано лишь 40 км (3,6%) оросительной сети и то преимущественно в Мартакертском районе, которые в основном предназначались для поставки воды в прилегающие к Нагорному Карабаху районы Азербайджана². В пределах бывшей НКАО коэффициент полезного действия оросительных систем не превышал 0,70.

Гидротерроризм

Политика «гидродавления» по отношению к бывшей НКАО со стороны Азербайджана проявлялась не только во всемерном сдерживании социально-экономического развития области. Бакинские власти проводили политику «гидротерроризма» по отношению к армянскому населению края, в результате чего в Нагорном Карабахе в 70-80-е годы произошел всплеск раковых заболеваний. Ниже приводится статистика (на 100 тыс. населения) заболеваемости раком населения бывшей НКАО (число больных с впервые в жизни установленным диагнозом злокачественного новообразования, учтенных онкологическими учреждениями) в сравнении с некоторыми другими союзными республиками за 1975-1978гг.³

¹ См. *Сведения о площадях сельскохозяйственных угодий по колхозам, совхозам, межхозам и другим категориям хозяйств на 1 ноября 1985 года*, приложение к решению Исполкома Совета народных депутатов НКАО №9/400 от 2 декабря 1985г.

² Там же.

³ Более подробно см. *Напалков Н., Церковный Г., Мерабишвили В., Преображенская М.*, Заболеваемость населения СССР злокачественными новообразованиями в 1976 году, *Вопросы онкологии*, №4, 1980, с. 18, 30; *Напалков Н., Церковный Г., Мерабишвили В., Преображенская М.*, Злокачественные новообразования в СССР в 1978 году, *Вопросы онкологии*, №9, 1981, с. 10.

	1975	1976	1977	1978
Грузия	108,8	110,2	112,1	108,0
Азербайджан	107,8	110,2	102,0	104,7
Нагорный Карабах	90,7	137,2		
Армения	116,3	120,9	122,4	122,3
Украина	213,5	215,9	220,3	227,8
Белоруссия	178	177,1	177,4	180,4

По данным республиканского онкологического диспансера НКР, накануне начала Карабахского движения, в 1987г., число больных с впервые в жизни установленным диагнозом злокачественного новообразования, учтенных онкологическими учреждениями на 100 тыс. населения в Нагорном Карабахе составило 142 человека¹. В 1988г. число больных со впервые в жизни установленным диагнозом злокачественного новообразования, учтенных онкологическими учреждениями на 100 тыс. населения в Грузии, составило 109,1 человек, в Азербайджане – 105,7, в Армении – 122,2.

Как видно из приведенных данных, Нагорный Карабах был среди лидеров по заболеваемости раком на Южном Кавказе. Между тем в Нагорном Карабахе никогда не было крупных промышленных загрязнителей окружающей среды, которые также влияют на возникновение злокачественных новообразований, и здесь действительно курортная природа. К тому же карабахцы всегда славились своим крепким здоровьем и долголетием. На территории бывшего СССР больше всего лиц в возрасте 100 лет и старше проживало именно в бывшей НКАО: 144 человека на 100 тыс. жителей. В целом по Азербайджанской ССР этот показатель составлял 84 человека, по Грузинской ССР – 51 человек, по Армянской ССР – 33. Для сравнения: в конце 50-х, начале 60-х годов XXв. в СССР в возрасте 100 лет и старше на 100 тысяч населения приходится 10 человек, из коих в Украинской ССР – 6 человек, в Белоруссии – 13². Высокий показа-

¹ Данные предоставлены главврачом республиканского онкологического диспансера НКР Ф.М.Адамяном 8 октября 2003г.

² Более подробно о количестве долгожителей на 100 тыс. населения по бывшему СССР см., в частности, *Атлас Азербайджанской ССР*, с. 5; Известия, 1 апреля 1961, с. 2; *Статистический сборник «Здравоохранение СССР»*, Москва 1960, с. 25.

тель заболеваемости злокачественными образованиями в таких республиках, как Украина и Белоруссия вполне соотносится с низким числом долгожителей в этих республиках.

Принимая во внимание большой процент долгожителей, хорошие природно-климатические условия Нагорного Карабаха, нервная составляющая в причинах возникновения рака у населения НКАО не была определяющей. На 100 тыс. населения количество больных психическими и нервными заболеваниями на территории бывшей НКАО более чем в два раза уступало аналогичному показателю Армянской ССР. Для сравнения: если в 1990г. на 100 тыс. населения в Армянской ССР приходилось 6210 больных нервными и психическими заболеваниями, то в бывшей НКАО этот показатель составлял 2646 человек¹. Степанакерт имел образцово низкие показатели по числу больных психическими и нервными заболеваниями на территории бывшей Азербайджанской ССР². Диета карабахцев также не была причиной возникновения раковых заболеваний. Особенности национальной кухни карабахцев признавалась одной из важнейших предпосылок долголетия жителей этого края³. Кстати, по сравнению с переписью населения 1926г. в 60-е годы XXв. число жителей в возрасте 100 лет и более увеличилось в крае более чем в три раза. К началу 1968г. их стало 239 человек при населении 152600 человек⁴.

Поэтому среди факторов окружающей среды, способствующих развитию рака, остается лишь вероятность «вмешательств извне». И в данном контексте наиболее подходящей представлялась именно питьевая вода. В одном из опубликованных учеными института Общей генетики Российской академии наук материалов, указано, что

¹ Более подробно см. *Общий свод формы N14 по НКАО за 1990 год*, Таблица 6, Число заболеваний, зарегистрированных у больных, проживающих в районе обслуживания, Областное управление здравоохранения НКАО, Степанакерт, 1990; *Здравоохранение в Республике Армения – 2001*, Официальный статистический сборник, Министерство здравоохранения РА, Ереван, Мединформстатцентр, 2002, с.31, 35.

² Архив Из частной беседы с бывшим главврачом городской поликлиники г.Степанакерта Осиповой Д.М., Степанакерт, 27 января 2004г.

³ Более подробно о диете карабахцев см., в частности, *Бозиян Х.*, Человеку – долго жить, Азербайджанское государственное издательство, Баку, 1971, с. 17-21, 56-59.

⁴ Там же, с. 7.

сверхмалые дозы отравляющих веществ, попадающие в воду, оказывают разрушительное воздействие на наследственность человека¹. По данным Международной организации здоровья (*World Health Organization*) и Национального института рака США (*National Cancer Institute*), до 90% случаев заболевания раком являются следствием воздействия различных канцерогенных веществ². По данным *Американского журнала здравоохранения*, хлор является причиной многих типов рака и до 2/3 опасной дозы попадает через кожу и ингаляцию во время принятия душа. По некоторым подсчетам, во время принятия ванны поглощение хлора и других синтетических химикатов увеличивается в 20 раз по сравнению с водой из-под крана ввиду того, что эти химикаты испаряются при более низкой температуре и быстрее, чем вода³.

Кстати, проблема заболевания злокачественными новообразованиями из-за воды весьма актуальна во многих регионах мира, в частности, в Российской Федерации. Например, по данным специалиста отдела медицинской экологии Центра профилактики и охраны здоровья рабочих промышленных предприятий Свердловской области РФ Клары Селянкиной, хлор, который используется как дезинфектант для питьевой воды, забираемой из поверхностных водных источников, вызывает риск развития раковых заболеваний⁴. Исследования показали, что заболеваемость онкологическими болезнями у людей, пьющих хлорированную воду, в два раза выше, чем у тех, кто пьет нехлорированную. Особенность хлора в том, что он легко впитывается через кожу при мытье полов, посещении бассейна и даже попадает в продукты питания. Кроме этого, уже выявлены хлороустойчивые штаммы болезнетворных бактерий, которые рекультивируют после обработки. Также невосприимчивы к хлору вирусы гепатита А и ротавирусы.

¹ Документальный фильм «Раковый корпус», режиссер Вадим Артеменко, руководитель проекта и автор Игорь Прокопенко, производство телекомпании *REN TV*, 2002.

² Там же.

³ «Water Contamination and it's Effect On Our Health», *Healthy New Age*, <http://www.healthynewage.com/water-contamination.htm>, September 1, 2003.

⁴ «Свердловская область: Хлорированная вода может вызвать рак», *ИА Regnum*, 19 апреля 2003г.

Между тем в Нагорном Карабахе широко использовали хлор в качестве дезинфектанта питьевой воды. Жители села Балуджа до сих пор помнят, что долго стоять у одноименной реки было попросту невозможно из-за сильнейшего запаха хлора, который чувствовался за несколько сотен метров от реки. Но все же дело, по всей видимости, хлором не заканчивалось. И вполне вероятно, что в питьевую воду подбрасывали и другие химические вещества. Особо уязвимой в этом вопросе была столица Нагорного Карабаха – Степанакерт, где было наибольший удельный вес больных раком. Но здесь возникает естественный вопрос: а были ли у бакинских властей реальные возможности регулярно применять гидротерроризм, ведь чтобы подрывать здоровье населения Нагорного Карабаха, одноразовым подбрасыванием каких-то химикатов не обойтись? Здесь необходимо длительное воздействие на воду, особенно если отравляющие вещества используются в сверхмалых дозах.

Ответ на вышеуказанный вопрос утвердительный. Отравляющие вещества могли попадать в снабжавшие город водные источники или непосредственно на протяжении их течения или же на фильтрационных станциях. В обоих случаях у бакинских властей были все возможности проводить данную политику. Из реки Гайбалу, берущей начало в пределах административных границ Шушинского района Карабаха, поступает до 50% воды города Степанакерта. До 1993г. вода из реки Гайбалу в Степанакерт доставлялась посредством канавы с земляным руслом. Лишь в 1993г. были проложены трубы. В советское время охраной водных артерий на территории бывшей НКАО занимался отдел охраны при областном управлении внутренних дел. Охрану водных ресурсов реки Гайбалу осуществляли исключительно милиционеры-азербайджанцы, не проживающие в Степанакерте. Охраной ресурсов другого источника поступающей в город воды – реки Тракет также занимались исключительно милиционеры-азербайджанцы, которые были жителями Агдамского района и азербайджанских сел Шушинского района НКАО¹.

¹ Данные о национальном составе отдела охраны областного УВД получены из *архива республиканского отдела охраны МВД НКР*, Степанакерт, 19 декабря 2003г.

В советское время отдел охраны на 70-80% был укомплектован милиционерами-азербайджанцами, большинство из которых были из соседнего Агдамского района, которые ежедневно приезжали на работу в Степанакерт. А с конца 60-х до 1990г. должность начальника областного отдела охраны непрерывно занимали азербайджанцы. В системе горводоканала Степанакерта также работало много азербайджанцев¹. Большинство работников (около 80%) фильтровальной станции N1 г.Степанакерта вплоть до 1989/90гг. были азербайджанцы², подавляющая часть которых не были жителями Степанакерта. Начальниками 2-й фильтровальной станции карабахской столицы с конца 60-х до 1989г. также были азербайджанцами. На станции в Гайбалу работали исключительно азербайджанцы. В советское время за качеством воды в бывшей Азербайджанской ССР следил Комитет охраны природы при минэкологии республики, который располагался в Баку. Кроме того, водное хозяйство Азербайджанской ССР находилось в ведении министерств и ведомств, в отличие, например, от внешних сношений и обороны, которые находились в ведении союзных органов [14]. К тому же в СССР решение экологических проблем никогда не было приоритетным, и имела место явная недооценка опасности экологических последствий хозяйственной деятельности [15]. По мнению ряда ученых, можно констатировать, что концепция экологической безопасности и теория экологического риска в Советском Союзе фактически отсутствовала³. Именно поэтому от подобная политика бакинских властей и осталась незамеченной центральными властями советского государства. Естественно, что от политики «гидротеррора» бакинских властей страдали и проживавшие на территории бывшей НКАО азербайджанцы, пусть даже и в меньшей степени.

¹ Данные относительно работы Степанакертского горводоканала и его этническом составе были получены во время частной беседы с исполнительным директором ГЗАО «Водхоз» В.Арзумамяном, Степанакерт, 18 декабря 2003г.

² Из частной беседы с начальником фильтровальной станции N1 г.Степанакерта Ю.Григоряном, Степанакерт, 2 февраля 2004г.

³ См., например, *Яблоков А.*, Экономика, предпринимательство, окружающая среда, N1, 1994, с. 19–23.

Но они, если так можно выразиться, были «издержками производства», судьба которых не волновала азербайджанское руководство. В этом ни в коем случае нельзя обвинять и всех азербайджанских милиционеров и работников системы водоканала в Степанакерте. Большинство этих людей были мирными тружениками и добросовестно выполняли свою работу.

Гидродемография

За все время нахождения Нагорного Карабаха в составе Азербайджанской ССР бакинские власти проводили в бывшей Нагорно-Карабахской автономной области политику «гидродемографии», основной целью которой было установление демографического контроля над основными водными артериями Карабаха. Вообще азербайджанские власти уделяли большое внимание изменению демографической ситуации в Нагорном Карабахе. Так, если в 1921г. азербайджанцы составляли лишь 3% населения НК, то в 1988г. – уже 24% [16, с. 11]. И это несмотря на то, что естественный прирост населения в НКАО был одним из высоких в СССР. Так, в 1955г. он составлял 25,1 на 1000 жителей, в 1956 – 28,8, в 1961 – 32 [17]. Более того, в конце 30-х НК по плотности населения занимал второе (после района Баку) место в Азербайджане [18]. Но вот уже в 60-х годах он не входил даже в десятку [12, с. 14-15]. В НКАО за период 1926-1976гг. стало на 85 армянских населенных пунктов меньше [16, с. 11]. За период 1921-1988гг. на территории бывшей Нагорно-Карабахской автономной области появилось 36 новых азербайджанских сел, из коих 15 сел были основаны между 1923-1926гг., 6 сел – между 1926-1961гг., 12 сел между 1961-1977гг. и 3 села между 1977-1989гг.¹

¹ Данные обобщены на основе сопоставления данных из следующих источников: *Список населенных мест Азербайджана по данным переписи 1926 года*. А.О. Нагорного Карабаха, Азербайджанское Центральное Статистическое Управление, Баку, 1927, Архив Национальной службы статистики НКР; *Всесоюзная перепись населения СССР 1989 года*, Нагорно-Карабахская Автономная Область, Госкомстат СССР, Москва 1990, Архив Национальной службы статистики НКР; *Азербайджанская ССР, Административно-территориальное деление на 1 января 1961 г.*, Баку, 1961, с. 102-173; *Азербайджанская ССР, Административно-территориальное деление на 1 января 1977 г.*, Баку, 1979, с. 111-117.

Но в некоторых случаях азербайджанская политика вообще принимала открытые формы, и бакинские власти просто обманным путем выселяли армян из их домов и заселяли эти дома азербайджанцами. Так произошло, например, с селом Джамилли Аскеранского района, расположенного на одном из основных притоков Каркара – реке Тракет. По данным переписи населения 1926г., население этого села было полностью армянским и составляло 106 человек [19]. В начале 1960-х годов население села составляло около 150 человек, и оно было полностью армянским¹. В 1963/1964гг. под предлогом строительства водопровода из реки Тракет в Степанакерт прямо у села Джамилли и нецелесообразности нахождения в непосредственной близости от водопровода населенного пункта, населению села были спешно предоставлены паспорта (хотя в то время жителям деревень паспорта не выдавались) и земельные участки в размере 600 м² в городе Степанакерт, после чего появилась улица Зорге, где до сих пор живут выходцы из Джамиллу². Однако нецелесообразность существования населенного пункта в непосредственной близости от представляющего стратегическую важность водопровода относилась лишь к представителям армянской национальности. Поэтому сразу после ухода армян в Джамиллу переселили азербайджанцев. По данным переписи населения 1989г. население села составило 549 человек [20].

В результате политики гидродемографии азербайджанцы установили полный демографический контроль над истоками рек Тертер, Хачен, Каркар, а также их притоков. В данном процессе первоочередное значение имело основание новых сел в Кельбаджарском районе, так как истоки рек Тертер и Хачен располагаются именно в данном районе. Между тем среднегодовой сток этих трех водных артерий составляет 828 млн. м³ кубометров, что равно 88% среднегодового стока всех рек в пределах бывшей НКАО, который составляет 942 млн. м³. Гидродемографическая политика Азербайджана привела к тому, что в бывшей НКАО на 1989г. из 19300 чело-

¹ Из частной беседы с джамиллуинцами, проживающими ныне на улице Зорге и близлежащих кварталах карабахской столицы, Степанакерт, 14 февраля 2005г.

² Там же.

век сельского азербайджанского населения 14317 (74,1%) проживало в селах, имеющих гидрополитическое значение. Из основанных между 1923-1989 гг. новых азербайджанских сел, 30 имели гидрополитическое значение. Это составляет 83,3% от всего количества образованных за данный промежуток времени азербайджанских сел и 61,2% от общего количества всех азербайджанских сел, существовавших в пределах бывшей НКАО. Время от времени бакинские власти использовали это свое преимущество и действительно оказывали ущербное воздействие на армянское население. Политика гидродемографии осуществлялась не только посредством основания новых сел, но и путем демографического проникновения этнических азербайджанцев в армянонаселенные села и достижения впоследствии там численного превосходства и постепенно выживание оттуда армянского элемента. Так произошло в частности с селом Ходжалу Аскеранского района Нагорного Карабаха. По переписи населения 1926г. Ходжалу было армянским селом с населением в 888 человек [19]. В конце 50-х годов XXв. в Ходжалу начали селиться азербайджанцы, и уже в начале 60-х годов прошлого века возле армянского Ходжалу появилось и азербайджанское Ходжалу [21, с. 172]. В 1977г. армянское Ходжалу уже не упоминается [22]. В 1989г., как уже отмечалось выше, Ходжалу было уже чисто азербайджанским населенным пунктом с населением 1661 человек [20]. У Ходжалу очень хорошее географическое и гидрополитическое положение: возле этого села река Бадара впадает в реку Каркар.

Активную гидродемографическую политику азербайджанские власти проводили и в Лачинском районе. До Октябрьской революции там оставалось лишь несколько армянонаселенных сел, причем все они располагались у истоков крупных рек. Особо хотелось бы здесь отметить три села – Хак, Алгули и Харар. В 1918г. в селе Хак (Минкенд) армянское население составляло 811 человек [23]. В 1918г. армяне были изгнаны из села и даже с установлением Советской власти армяне обратно, можно сказать, не возвратились. По переписи населения 1926г. население Минкенда составляло 751 человек, из

коих армян было всего 5 человек, а остальное население было курдским [24]. Но и курды вскоре «исчезли», и по данным на начало 1980-х годов население Минкенда составляло 2306 человек азербайджанской национальности [25]. Практически та же самая судьба постигла и армянское село Алгули. Село расположено на одном из правых притоков реки Акера. Согласно уже упоминаемой книге архиепископа Макара Бархударяна «Арцах», в 1885г. в селе проживало 758 человек, и все они были армяне [26]. В 1905г. после армяно-тюркских столкновений село было опусташено, но по прошествии определенного времени армяни возвратились, и в 1918г. население села также оставалось армянским и составляло 1012 человек [27]. Но в том же году село снова было разорено и алгулинцы вынуждены были покинуть свои дома и обосноваться в различных местах Нагорного Карабаха и Зангезура, главным образом в пределах территории нынешнего Мартунинского, Мартакерстского, Аскеранского районов Нагорного Карабаха и бывшего Горисского района Армении. В столице НКР имеется целый район, который основали алгулинцы. Примечательно, но по переписи населения 1926г. село Алгули не упоминается, оно все еще оставалось незаселенным. Но вот уже в 1961г. оно упоминается как одно из сел Пирджыханского сельсовета Лачинского района [21, с. 94]. Кстати, алгулинцы никогда не забывали о своем селе и даже в 1960-е годы не раз организовывали поездки в свое село, но поселиться там им никто так и не разрешил¹. Важное гидрополитическое значение имело и село Харар (Ашагы Фараджан), которое расположено на одном из левых притоков реки Акера. По данным на 1918г. армянское село Харар имело население в 1078 человек [27], а в 1921г. – 55 человек [28]. По переписи населения 1926г. данное село вообще не упоминается. Причиной тому может быть только то, что там не осталось населения. Во второй половине 1979-х годов население уже азербайджанского села Ашаги Фараджан составляло 268 человек [29]. Суммируя уже приведенные данные, на 1918г., население этих трех сел (Хак, Алгули, Харар) составляло 2901 человек. Население же Ла-

¹Из частной беседы с советником Президента НКР Галстян Ж., родители которой были алгулинцами, Степанакерт, 16 февраля 2005 года.

чинского района, где располагались эти села, по переписи населения 1926г. составляло 6060 человек, из коих 341 человек были переселенцы из других мест [30]. Таким образом, если бы не межнациональные столкновения и учитывая естественный прирост населения за период 1918-1926гг., население трех армянских сел на территории Лачинского района составило бы более половины населения этого района.

Проблема водных ресурсов в контексте урегулирования нагорно-карабахского конфликта

Из всего вышеприведенного становится понятно, что при урегулировании нагорно-карабахского конфликта для карабахской стороны одним из ключевых компонентов становится обеспечение экологической и водной безопасности своей страны. В данном контексте жизненно важное значение для обеспечения водной безопасности Нагорно-Карабахской Республики (НКР) приобретают Карвачарский (Кельбаджарский) и Кашатагские (Лачинский) районы. Среднегодовой сток основных рек бывшей НКАО составляет 942,3 млн. м³. Аналогичный показатель основных рек Карвачарского и Кашатагского районов составляет 2588,5 млн. м³. По среднегодовому стоку основных рек Кашатагский и Карвачарский районы превышают аналогичный показатель рек бывшей НКАО в 2,7 раза. Но дело не заканчивается лишь физическим объемом поверхностных гидроресурсов этих двух районов. В данном контексте необходимо учитывать и роль водных ресурсов в обеспечении продовольственной безопасности НКР. Учитывая нормы потребления воды, для обеспечения собственной продовольственной безопасности и питьевых нужд населения НКР в 200 тыс. человек нужно максимум 355 млн. м³ воды в год (330 млн. м³ для обеспечения продовольственной безопасности и 21,9 млн. м³ – для удовлетворения питьевых нужд населения). Это составляет всего лишь немногим больше 59% от объема крупнейшего в Нагорном Карабахе Сарсангского водохранилища, расположенного на реке Тертер, и 37,6% от среднегодового стока основных рек бывшей НКАО.

Однако и водные ресурсы в пределах бывшей НКАО весьма уязвимы. Дело в том, что львиная доля гидроресурсов в бывшей НКАО берет свое начало за ее административными пределами. Так, из 942,3 млн. м³ среднегодового стока основных рек бывшей НКАО 785,9 млн. м³ (83,4%) приходится на Тертер и Хачен, которые берут начало в пределах Карвачарского района. При этом в Карвачарском районе образуется 81% среднегодового стока Тертера. Это очень серьезный рычаг воздействия на НКР, который делает республику уязвимой извне. Поэтому в случае потери этого района водная безопасность НКР будет под реальной угрозой. Оставшиеся 16,6% (156,4 млн. м³) не в состоянии обеспечить даже половину необходимого объема воды для удовлетворения нужд населения страны и обеспечения ее продовольственной безопасности. К тому же, нельзя не учитывать и то, что практически все реки, берущие начало непосредственно в пределах территории бывшей НКАО, высыхают в летнее время.

В данном контексте вопрос о статусе территории Карвачарского и Кашатагского районов становится вопросом самого существования Нагорно-Карабахской Республики. Если Азербайджан снова получит возможность применять гидротеррор по отношению к Нагорному Карабаху, то было бы просто наивным полагать, что это не будет сделано, тем более для этого в Азербайджане имеются как объективные, так и субъективные факторы. К объективным можно причислить проигрыш в войне и жажду реванша, незавершенность процесса формирования азербайджанской нации и т.д. Последнее обстоятельство имеет очень существенный аспект. Если Азербайджан признает независимость НКР, то примеру Карабаха могут последовать и другие народы этой республики, в частности лезгины и талышы, которых с 30-х годов прошлого века усиленно пытаются сделать азербайджанцами, но безуспешно. А это может привести к распаду Азербайджана как государства. Поэтому Баку будет самым жестоким образом реагировать на такие действия и именно поэтому независимая НКР в пределах границ бывшей НКАО всегда будет под азербайджанским давлением. Что касается субъективных факто-

ров, то они разные – от националистических и криминальных элементов до случайностей. Тем не менее, в обоих случаях последствия будут катастрофическими не только потому, что могут быть отравлены основные реки Карабаха – Тертер и Хачен, но под угрозой окажется и водная безопасность Армении, так как в Карвачарском районе берут начало реки Арпа и Воротан, которые среди прочего играют ключевую роль в спасении основного источника воды Армении – озера Севан.

Кстати, за период времени с 1988 по 1994гг. Азербайджан неоднократно использовал фактор водных ресурсов в качестве рычага давления на Карабах. В одном из репортажей *BBC* отмечалось, что «сорваны поставки воды в столицу Карабаха Степанакерт, в результате чего 60% населения города оказалось без воды»¹. Азербайджан также загрязнил водные ресурсы армянских поселений Карабаха. В 1991г. азербайджанцы слили химикаты в воду, снабжающую Степанакерт. В результате жители ряда районов карабахской столицы не могли пользоваться водой из крана. Это привело также и к массовой гибели домашних животных, в частности, кур, гусей, уток и нутрий.

История также знает целый ряд случаев отравления водных ресурсов какой-либо страны соседним государством, и это не является чем-то новым. К примеру, во время Второй мировой войны японские войска провели налеты на 11 китайских городов с целью отравления водных ресурсов разного рода бактериями и вирусами, в частности сибирской язвой, холерой и др., гитлеровские войска специально отравили канализационными отходами Богемский резервуар для нанесения ущерба населению [31]. А югославские войска отравили колодцы в Косово в октябре и ноябре 1998г. [32]. На данном этапе уязвимость водных ресурсов перед возможными террористическими актами на порядок увеличилась. Даже такие страны, как Соединенные Штаты Америки, как уже отмечалось выше, не только очень серьезно относятся к возможному отравлению водных ресурсов со стороны террористов, но и относят атаки на водные ресурсы к основным вызовам своей безопасности.

¹ *Новости BBC*, 8 декабря 1990г.

Произошедшая несколько лет назад в Китае авария на химзаводе в провинции Цзылинь и попадание ядовитых веществ в правый приток Амура – реку Сунгари, лишней раз актуализировали проблему обеспечения водной безопасности Нагорного Карабаха и Армении при урегулировании нагорно-карабахского конфликта. Ситуация на Дальнем Востоке настолько серьезная, что ряд специалистов даже считают, что вода в Амуре будет непригодна для питья еще несколько лет. Между тем и Сунгари и Амур являются достаточно крупными реками. Среднегодовой сток Сунгари превышает 77 млрд. м³, а Амур занимает 4-е место среди рек России и 10-е место среди рек мира. Среднегодовой сток данной реки превышает 343 млрд. м³. При этом попадание всего 100 тонн бензольных веществ в эти гигантские реки уже чревато серьезными последствиями. Для создания такой же ситуации, что и в районе Амура и Сунгари, в реки Тертер, Арпа и Воротан достаточно будет подбросить всего 200 литров бензольных веществ. Это в случае, если туда попадут бензольные соединения. А что если в эти реки будут подброшены радиоактивные вещества? Тем более что вот уже много лет бакинские власти усиленно дезинформируют международное сообщество относительно того, что армяне, якобы, проводят захоронение ядерных отходов на территории Кельбаджарского района. Завтра в наши реки могут быть подброшены реки разного рода химикаты, а вина будет возложена на армян, и наши противники будут прикрываться тем, что это те отходы, которые мы сами там захоронили и о которых азербайджанцы твердили в течение многих лет.

Следует особо отметить, что у Азербайджана имеется достаточно большое количество биологического и химического оружия. Например, в сентябре 2005г. Азербайджан передал США более 60 образцов смертельно опасного бактериологического оружия на проверку. Эти вещества американский военно-транспортный самолет доставил на военную базу Довер в штате Делавэр [33]. При этом азербайджанские власти точно даже не знают, где находятся радиоактивные вещества на территории собственного государства. Так,

директор Института радиационных проблем Национальной академии наук Азербайджанской Республики Адиль Гарибов заявил следующее: «Сейчас, по прошествии 15 лет, можно говорить, что многие источники радиации утеряны, и это вызывает большое беспокойство в разных странах. Например, в соседней Грузии в прошлом году был найден целый радиоизотопный генератор, который вызвал большое беспокойство в международных организациях. Потому что это мощный источник. Есть большая вероятность, что такие же генераторы, опасные для здоровья населения, можно обнаружить и на территории Азербайджана... У нас в стране находились воинские части, которые располагали разного рода радиоизотопными источниками, может быть, и они сегодня лежат где-нибудь... Попади они в руки террористов, и на их основе могут быть изготовлены «грязные» бомбы и другие предметы для совершения терактов» [34]. Думается, комментарии здесь излишни.

Вышеуказанные факты показывают стратегическую важность обеспечения водных ресурсов Республики Арцах, что является одним из ключевых аспектов безопасности независимой армянской государственности, ее жизнестойкости и жизнеспособности.

Источники и литература

1. *Аксенов Д.*, Войны за воду, Огонек, N11-12, <http://www.ropnet.ru/ogonyok/win/200211/11-13-13.html>, Март 2002.
2. *Нопан W.*, Scholar Sees Leonardo's Influence on Machiavelli. The New York Times, December 8, 1996, p.18.
3. *Reisner M.*, Cadillac, Desert: The American West and its Disappearing Water, Penguin Books, New York, 1986, 1993 ed
4. *Gleick P.*, Water and Conflict: Fresh Water Resources and International Security. International Security, Vol. 1, N18, 1993, pp. 79-112.
5. *Kinzer Stephen*, Water at Heart of Turkey's Policies on Kurds and Mideast Neighbours, The New York Times, February 28, 1999.

6. *Kolars F. and Mitchell William*, The Euphrates River and the Southeast Anatolia Project, Carbondale, Illinois, Southern Illinois University Press, 1991, pp. 193, 230.
7. US Presidential Decision Directive /NSC-63, The White House, Washington, May 22, 1998.
8. Атлас Азербайджанской ССР, Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР, Москва, 1979, 28.
9. *Мкртчян Ш.*, Проблема водоснабжения Степанакерта и предпосылки ее разрешения, республиканская газета Азат Арцах (на армянском языке), 31 октября 2002.
10. *Барсе С.*, Нагорный Карабах, краткое пособие по краеведению (на армянском языке), Азербайджанское государственное учебно-педагогическое издательство, Баку, 1963, с. 39.
11. Нагорно-Карабахская Автономная Область Азербайджанской ССР за 60 лет, юбилейный статистический сборник, Статуправление Нагорно-Карабахской Автономной Области ЦСУ Азербайджанской ССР, Азербайджанское государственное издательство, Баку, 1983, с. 76, 91, 108, 124.
12. Атлас Азербайджанской ССР, Главное управление геодезии и картографии Государственного геологического комитета ССР, Баку-Москва, 1963.
13. Азербайджанская советская энциклопедия, (на азербайджанском языке), Главная редакция Азербайджанской советской энциклопедии, Баку, 1987, том X.
14. Конституция Азербайджанской ССР, статья.55, Азербайджанское государственное издательство, Баку, 1961.
15. *Гичев Ю.*, Экологическая обусловленность основных заболеваний и сокращения продолжительности жизни, Новосибирск, 2000, с.55.
16. Достижения Нагорного Карабаха в девятой пятилетке, Степанакерт, 1976.
17. Достижение Советского НК за 40 лет в цифрах, Статистический сборник, Степанакерт, 1963, с. 39.
18. Большая Советская Энциклопедия, раздел "Нагорно-Карабахская область," Государственный институт Советская Энциклопедия, Москва, ОГИЗ РСФСР, 1929, том 41, с. 19.
19. Список населенных мест Азербайджана по данным переписи 1926 года. А.О. Нагорного Карабаха.

20. Всесоюзная перепись населения СССР 1989 года, Нагорно-Карабахская Автономная Область, Госкомстат СССР, Москва 1990, Архив Национальной службы статистики НКР.
21. Азербайджанская ССР, Административно-территориальное деление на 1 января 1961г.
22. Азербайджанская ССР, Административно-территориальное деление на 1 января 1977 г., с. 116.
23. *А-До*, Армяно-турецкие столкновения на Кавказе 1905-1906 гг., Ереван, 1907г., с. 255.
24. Список населенных мест Азербайджана по данным переписи 1926 года, Курдистанский уезд.
25. Азербайджанская Советская Энциклопедия, том VI, с. 578.
26. *Епископ Макар Бархударян*, Арцах (на арм. языке), Баку, 1895, с. 258.
27. ЦГИАРА, ф. 150, сп.1, д. 59, л. 5.
28. Карапетян М., Этническая структура населения Нагорного Карабаха в 1921 году, Ереван, 1991, с. 17.
29. Азербайджанская Советская Энциклопедия, том I, с. 509.
30. Список населенных мест Азербайджана по данным переписи 1926 года, Курдистанский уезд, Азербайджанское Центральное Статистическое Управление, Баку, 1927, Архив Национальной службы статистики НКР.
31. *George W. Christopher et al.*, Biological Warfare: A Historical Perspective, Journal of the American Medical Association, N 5, August 6, 1997, p. 413.
32. *Jeffrey R. Smith*, Poisoned Wells Plague Towns all over Kosovo, The Washington Post, December 9, 1998г.
33. *Zeleny J.*, U.S. Gets Pathogens From ex-Soviet Republic, Chicago Tribune, September 3, 2005г.
34. *Оруджев Р.*, МАГАТЭ и американцы ищут радиационные захоронения, Эхо, 11 октября 2005г.

Севак Саруханян

**ПЕРСПЕКТИВЫ АТОМНОЙ
ЭНЕРГЕТИКИ В АРМЕНИИ**

Общее состояние энергетической сферы

После распада СССР энергетическая безопасность стала занимать одно из ключевых мест в системе национальной безопасности Армении. Обусловлено это было тем, что начавшийся конфликт вокруг Нагорного Карабаха привел к прекращению поставок энергоносителей по территории Азербайджана, а единственным путем поставок оказалась с начала 90-х переживающая политический кризис Грузия¹.

Но сама энергетическая система Армении уже в конце 1980-х – еще в составе СССР – пережила глобальное изменение: в 1989г., в основном под давлением радикальной части общественности², власти Советской Армении приняли решение о закрытии двух действующих энергоблоков Мецаморской Армянской АЭС. Построенная во второй половине 1970-х станция, состоящая из двух реакторов ВВЭР-440, на тот момент обеспечивала производство порядка 80% электричества, потребляемого экономикой и населением Армении. Закрытие такого важного предприятия привело к структурному изменению энергетической отрасли, а основная тяжесть по производству электроэнергии легла на тепловые энерговырабатывающие мощности. В условиях стабильных поставок природного газа и мазута из разных частей СССР две крупные армянские ТЭС – Разданская и Ереванская – смогли обеспечить устойчивость энергетической системы Армении. Однако

¹ В советское время в Армению заходило 5 газопроводов, два – из Грузии, 3 – из Азербайджана. Через последние АрмССР получала около 80 % необходимого ей природного газа. После 93-его и до 2008-ого грузинский маршрут импорта газа оставался единственным для Армении.

² После спитакского землетрясения 1988г. некоторые представители интеллигенции и лидеры зарождающегося движения за независимость начали активно внедрять в общественное сознание уверенность в том, что Мецаморская АЭС представляет огромную экологическую угрозу для страны и дальнейшее ее функционирование поставит Армению перед угрозой исчезновения. При этом никаких экспертных и профессиональных оценок перед закрытием АЭС не было сделано, а решение о прекращении деятельности двух энергоблоков было, скорее всего, политическим.

с прекращением поставок природного газа через территорию Азербайджана, нарушением стабильности функционирования газопровода, проходящего по территории Грузии, и приостановкой деятельности ж/д, связывающей Россию с Грузией и Арменией и проходящей по территории Абхазии, армянская энергетическая система претерпела коллапс. Его результатом стал энергетический кризис 1992-1994гг., когда энергетические мощности производили 10-15% электроэнергии, необходимой армянской экономике и населению.

В условиях энергетического кризиса рационализм и прагматизм, которые с ростом движения за независимость перестали играть какую-либо существенную роль в политических процессах в Армении (результатом чего и стало закрытие АЭС и представленных экологически опасными химических заводов), вновь стали фактором в процессе принятия политических решений независимой Арменией. Фундаментальные изменения в структуре армянской экономики начались с энергетической отрасли во многом именно по причине кризиса первых двух лет независимости.

Важнейшими составляющими таких изменений стали:

1. Решение правительства Республики Армения от 7 апреля 1993г. «О начале восстановительных работ и возобновлении эксплуатации второго энергоблока Армянской АЭС»¹.
2. Решение правительства Республики Армения от 9 сентября 1997г. о создании российско-армянского ЗАО «АрмРосгазпром». Компания была создана с целью увеличения объемов газоснабжения, строительства местных газопроводов, производства электроэнергии и транзита российского газа. Но самыми важными задачами компании стали восстановление энергетической инфраструктуры Армении и импорт природного газа по единственно функционирующему газопроводу, проходящему по территории Грузии.

¹Первый энергоблок восстановлению не подлежал во многом по причине того, что за 4 года после закрытия АЭС большая часть оборудования с данного энергоблока была демонтирована с самыми разными целями.

Решение правительства Армении о создании совместного армяно-российского ЗАО «АрмРосгазпром», в котором доля российского «Газпрома» в течение лет была увеличена с 45% до 80%, стало важнейшим событием для армянской энергетики. За прошедшие годы компания сумела добиться субсидируемого «Газпромом» низкого ценового режима, что дало армянской экономике возможность быстро восстановиться во внерыночном режиме. Сама компания инвестировала около \$1 млрд. в восстановление армянской газотранспортной системы, в строительство новых местных газопроводов, а также армянского участка газопровода Иран-Армения, который создал альтернативный грузинскому маршрут импорта природного газа в Армению.

Вопрос устойчивости энергетической системы после кризиса начала 90-х занимает важнейшее место в политике по обеспечению национальной безопасности страны, проявлением чего является его особое место в «Стратегии национальной безопасности Республики Армения»¹. В ней, в качестве фактора, обеспечивающего энергетическую независимость Армении, названы армяно-российские отношения, что по сути и отражает стратегический и долгосрочный характер армяно-российского энергетического сотрудничества.

Сегодня для Армении, которая является единственной экспортирующей электроэнергию региональной страной, стратегическое значение имеет строительство новых энерговырабатывающих мощностей, которые должны обеспечить стабильность системы после закрытия Армянской АЭС в 2016г. и нарастить объемы экспорта электроэнергии. Среди них [1]:

1. строительство нового энергоблока на Армянской АЭС с мощностью более 1000 МВт;
2. возведение 5-го энергоблока Разданской ТЭС с мощностью 440 МВт²;

¹«Стратегия национальной безопасности Республики Армения» утверждена Советом безопасности при Президенте Республики Армения 26-го января 2007г. и подписана Президентом РА <http://www.panarmenian.net/rus/politics/news/20950/>

²Работы завершатся в середине 2010г.

3. инсталляция новой газотурбинной установки с мощностью более 200 МВт на Ереванской ТЭС¹;
4. строительство новых ГЭС с мощностью 1100 МВт;
5. возведение ветряных станций с общей мощностью более 200 МВт.

Важнейшим событием для Армении стало строительство газопровода Иран-Армения, который может обеспечивать РА поставками природного газа объемами до 2,3 млрд. кубометров в год, что примерно равняется годовому потреблению страны. Несмотря на то, что сегодня Армения, в условиях стабильной работы проходящего по территории Грузии газопровода, в иранском газе не нуждается, а газ, получаемый из данного газопровода, будет использован для производства электричества с целью его дальнейшего экспорта в Иран, в случае форс-мажора с поставками российского газа в Армению данный трубопровод может обеспечить стабильное функционирование армянской экономики. Газопровод Иран-Армения, тем самым, не является альтернативой российскому газу до тех пор, пока его поступление в Армению осуществляется в стабильном режиме.

Несмотря на то, что энергетическая отрасль Армении за прошедшие годы окрепла и в стране созданы механизмы, обеспечивающие ее устойчивость, она в течение ближайших лет вынуждена будет решать важнейшую стратегическую задачу: строительство нового энергоблока на Армянской АЭС.

Важность атомной энергетики и проект нового энергоблока

Перезапуск второго энергоблока Армянской АЭС в 1995г. решил вопрос обеспечения населения и экономики электроэнергией. В дальнейшем ЗАО «АрмРосгазпром» смог достичь стабильности поставок природного газа в Армению, что повысило уровень энергетической безопасности страны. Однако, несмотря на стабильность ра-

¹ Работы завершатся к концу 2010г.

боты армянских ТЭС и крупнейшей Воротанской ГЭС¹, атомная энергетика до сегодняшнего дня остается основой армянской электроэнергетики, производя около 40% всего электричества Армении.

С самого начала перезапуска Армянской АЭС многие европейские страны, а потом и ЕС выразили обеспокоенность по поводу ее безопасности, так как ядерный реактор станции в Мецаморе фактически является единственным, перезапущенным после его полной конверсации. С конца 1990-х годов вопрос повторного закрытия Армянской АЭС занимал важное место в отношениях Еревана с европейскими столицами. В 2003г. армянское правительство, стремясь обеспечить стабильность поставок ядерного топлива для АЭС, а также постоянный профессиональный уход за оборудованием и безопасностью станции, передало ее в доверительное управление «Интер РАО ЕЭС». Несмотря на то, что уже около 7 лет за безопасность Армянской АЭС отвечает крупнейшая российская компания, постоянные требования со стороны ЕС закрыть станцию по соображениям безопасности не прекращаются.

В 2007г. «Евроатом» начал официальные переговоры с Министерством энергетики Армении по поводу нахождения механизмов закрытия станции, однако технический формат переговоров не смог решить самую главную проблему: что получит Армения взамен закрытия. Речь идет об альтернативных тепловых, гидро- и ядерных энерговырабатывающих мощностях. Ни со стороны «Евроатома», ни со стороны ЕС армянской стороне реальных предложений по финансированию строительства альтернативных мощностей не поступало. Европейская сторона Армении предложила свой максимум содействия, который озвучил начальник главного управления Еврокомиссии по внешним связям со странами Восточной Европы, Южного Кавказа и Центральной Азии Хьюг Мингарелли в Ереване во время 6-ого заседания комиссии сотрудничества «Армения-ЕС»: «Если правительство Армении предпримет шаги по закрытию в кратчайшие сроки Армянской АЭС, то Евросоюз проведет междуна-

¹ Обеспечивает около 8% производства электроэнергии в стране.

родную конференцию стран-доноров с целью изыскания необходимых для этого средств» [2]. Речь фактически идет исключительно о финансировании работ по безопасному закрытию станции.

Между тем армянская сторона уже в 2005г. на уровне президента и премьера объявила, что единственной альтернативой закрытия действующего реактора будет строительство нового. Такая позиция Армении заслужила критику со стороны ЕС, однако неготовность европейских структур предложить другие проекты и финансировать их реализацию привела к изменению европейской позиции по новому реактору. В конце 2006г. посол Еврокомиссии в Грузии и Армении Торбен Хольце признал оправданным желание строительства нового реактора вместо действующего¹.

Не исключено, что европейская политика по новому энергоблоку была обусловлена тем, что Армения имеет возможность создать теплоэнергетические мощности, аналогичные ядерным. В 2010г. будет сдан в эксплуатацию пятый энергоблок Разданской ТЭС мощностью 440 МВт., то есть практически с такими же параметрами, которые имеет подлежащий закрытию энергоблок с реактором ВВЭР-440. Кроме этого, в Армении реализуется ряд других проектов, которые могут компенсировать закрытие АЭС, среди которых – строительство малых и больших ГЭС, крупнейшая из которых будет возведена Арменией и Ираном на реке Аракс с запланированной мощностью 400 МВт.

Однако проблема наличия атомного энергетического реактора для Армении не является сугубо технической. Она связана с двумя важными факторами:

1. **Региональное положение.** Разразившийся после распада СССР энергетический кризис в Армении показал, что коллапс энергетической системы может наступить не из-за отсутствия энерговырабатывающих мощностей, а из-за невозможности импорта энергоносителей. Природный газ, который после ядерного топлива является вторым по значимости энергетиче-

¹См. [2].

ским сырьем для Армении, в страну поступает по территории нестабильной Грузии, в которой риск начала новой волны дестабилизации очень высок, и из Ирана, который завтра или днем позже имеет шансы стать новым центром региональных конфликтов. При закрытых границах с Турцией и Азербайджаном Армения фактически находится в подвешенном от состояния дел в Грузии и Иране положении. При нормализации же отношений с Азербайджаном и Турцией нельзя ожидать, что после затяжного конфликта с Ереваном эти две страны в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе могут стать его надежными энергетическими партнерами. Если завтра природный газ невозможно будет получать ни с юга, ни с севера, Армения, при отсутствии АЭС, может пережить точно такой же кризис, который она пережила в 1993-1995гг. Поэтому строительство нового реактора, получение топлива для которого не зависит от транзитной политики Грузии или Ирана, для Армении представляет особую важность.

2. **Энергетический бизнес.** Уже сегодня Армения производит электроэнергию в объемах, превышающих ее потребности. Экспорт электроэнергии в Грузию на протяжении 10 лет приносит армянской стороне пусть небольшой, но все-таки доход и создает заинтересованность грузинской стороны в поддержке с Арменией хороших отношений. С открытием армяно-турецкой границы у Еревана появится возможность выйти на рынок электроэнергии Турции, восточные провинции которой испытывают большую нехватку в электричестве, а некоторые их части только начинают электрифицировать. Очевидно, что когда вместо ВВЭР-440 в Армении появится новый реактор, более чем вдвое мощнее старого, возможности для экспорта электроэнергии у Армении резко возрастут. С этой точки зрения новый реактор может стать для страны и ее партнеров, которые будут инвестировать в строительство новой станции, хорошим бизнес-проектом. То есть сугубо с экономиче-

ской точки зрения новый реактор будет ориентирован на открытие армяно-турецкой границы¹.

Юридически армянская сторона вопрос строительства новой АЭС вынесла на рассмотрение парламента, который 27 октября 2009г. в третьем окончательном чтении принял законопроект «О строительстве в Армении нового атомного энергоблока», позволяющий строительство нового энергоблока с мощностью до 1200 МВт.

Самой большой проблемой для армянской стороны до последнего времени можно было бы считать нахождение инвесторов для строительства нового энергоблока. С самого начала обсуждения возможных источников финансирования назывались самые разные страны и организации: США, Россия, Франция, Азиатский банк реконструкции и развития и т.д. Премьер-министр Армении по этому поводу сказал: «Есть очень серьезная заинтересованность этим проектом. Вообще, в мире строительство атомных станций ограничено, реакторы на 10 лет уже зарезервированы, в том числе и в России. Известно, где и кто строит, а желающих участвовать в инвестициях – очень много, особенно сегодня, когда у многих инвесторов есть деньги и они не знают, в какие проекты вкладывать»².

Однако в реальной плоскости никакого заметного интереса к атомному проекту Армении ни одна страна, кроме России, не выказала. Связано это, скорее всего, с тем, что сегодня видимого бизнес-интереса вокруг нового энергоблока не возникло: вопрос открытия армяно-турецкой границы еще не решен, неизвестна реальная доля финансирования проекта с армянской стороны, а также источники, из которых Армения будет финансировать эту долю, до конца не уточнены другие риски. Немаловажную роль в скудном интересе к проекту сыграло и то, что армянская сторона ищет как инвестора

¹ Скорее всего, этим можно объяснить адресованное приглашение турецкой стороне принять участие в строительстве станции, которое сделал премьер-министр Армении Тигран Саркисян весной 2009г.

² ИА «Арка», 19 октября, 2009.

строительства, так и компанию, которая будет строить станцию, фактически стремясь предоставить только площадку под строительство. В этих условиях завлечь инвестора можно только двумя путями:

- показывая, что его инвестиции сравнительно быстро окупятся и в сравнительно не очень далекой перспективе будет возможно получить доход;
- используя не экономическое, а политическое значение проекта, оставляя в стороне такие категории, как очевидная окупаемость и большие доходы.

С полной уверенностью можно сказать, что армянская сторона преуспела именно во второй части, так как по первой очевидных инструментов и аргументов у нее не было. Решению вопроса финансирования строительства нового энергоблока явным образом поспособствовали российско-армянские отношения и стратегический интерес России в укреплении собственных позиций на региональном энергетическом рынке. Речь тут не только об Армении, но и о Турции и Иране, куда в дальнейшем может быть экспортирована электроэнергия, вырабатываемая на новом энергоблоке Армянской АЭС. Сегодня Армения – единственная региональная страна, имеющая потенциал для такого экспорта. Со строительством нового энергоблока этот потенциал может только возрасти.

Практически на всех армяно-российских переговорах на высшем уровне обсуждался вопрос строительства нового энергоблока армянской АЭС. В итоге 3 декабря 2009г. правительство Армении одобрило проект решения о создании ЗАО для строительства нового блока Армянской (Мецаморской) АЭС. В ЗАО в равных долях вошли российская компания «Атомстройэкспорт» и армянская сторона в лице министерства энергетики и природных ресурсов. Реактор нового блока Армянской АЭС, мощностью 1060 МВт, со сроком эксплуатации 60 лет, как было объявлено во время заседания правительства, будет российского производства. Как заявил премьер-министр Армении Т.Саркисян, «принимается политическое реше-

ние – даем согласие на создание совместного с нашими российскими партнерами предприятия с равными долями участия»¹.

Проект нового энергоблока, строительство которого планируется начать уже в следующем году, по предварительным данным может обойтись до \$5 млрд. Предположительно половина работ будет финансироваться компанией «Атомстройэкспорт», а другая часть – армянской стороной, которая, скорее всего, получит отдельный кредит от РФ для финансирования своей части затрат. На станции, по всей видимости, будет установлен реактор ВВЭР-1000.

Другим, не менее важным аспектом в ядерной сфере можно назвать армяно-российский проект по поиску урановых руд в РА. В 2008-м году было создано совместное предприятие по геологоразведке, добыче и переработке урана на территории Армении – ЗАО «Армяно-российская горнорудная компания», которая в 2009 году начала полевые работы в Сюникской области РА, где, как предполагается, есть залежи урана. По самым разным прогнозам, запасы урана в Армении колеблются от 10 до 60 тыс. тонн. Армения в 2008г. официально присоединилась к международному центру по обогащению урана в Ангарске, где планируется перерабатывать добытый в Армении уран. Российская сторона выделила ЗАО «Армяно-российская горнорудная компания» на геологоразведку урана \$3 млн. Уставной капитал СП состоит из 300 простых именных акций по 150 акций у каждой стороны с номинальным уставным капиталом около \$300 тыс. [3].

По этому вопросу одной из самых чувствительных проблем является вывоз урана из Армении в Ангарск для дальнейшей переработки. Отсутствие железнодорожной связи у Армении с внешним миром (кроме Грузии) затрудняет экспорт в крупных объемах. Теоретически, для вывоза могут быть использованы грузинские порты, однако российско-грузинские отношения в данном случае могут сыграть свою отрицательную роль. В будущем возможность для экспорта урана может появиться благодаря строительству железной

¹ <http://www.regnum.ru/news/1231523.html>

дороги из Армении в Иран, но стороны пока еще никаких конкретных соглашений о нем не подписали. С другой стороны, неизвестно, когда экспорт радиоактивных материалов по территории Ирана, могущих быть использованными в военных целях, станет допустимым для международного сообщества.

Хотя работы «Армяно-российской горнорудной компании» проходят в интенсивном режиме, говорить о скорой добыче урана в Армении еще рано.

Заключение

1. Для Армении вопрос обеспечения энергетической безопасности занимает центральное место в системе национальной безопасности. Благодаря этому за прошедшие годы страна продвинулась в стабилизации и обеспечении развития энергетического сектора страны, создав новые мощности и диверсифицировав маршруты доставки энергетического сырья.
2. Однако, несмотря на достигнутые результаты, Армения продолжает быть зависима – энергетически и политически – от атомной энергетики, которая на сегодняшний день является «хребтом» национальной энергетической системы. Поэтому вопрос закрытия действующего энергоблока Армянской АЭС представляет угрозу энергетической безопасности Армении, если не будет создана альтернативная мощность.
3. Исходя из этого, решение о строительстве нового атомного энергоблока отвечает интересам Армении, а в дальнейшем обеспечит энергетическую безопасность страны и создаст возможности для экспорта электроэнергии. Важно отметить, что окупаемость строительства станции напрямую связана с армяно-турецким диалогом, который может привести к началу экспорта вырабатываемой новым энергоблоком электроэнергии в Турецкую Республику.

Источники и литература

1. *Карапетян К.*, Роль Армении в обеспечении энергетической безопасности южно-кавказского региона // 21-й Век, # 4(22), 2008, с. 23 (на армянском языке).
2. Деловой Экспресс – Экономический еженедельник Армении // №24 (632), 30 июня – 6 июля 2005г.
3. *Мовсесян Г.*, Будущее Армении – в развитии ядерной энергетики // Республика Армения, № 093 (479), 22 декабря 2006г.
4. *Аванесов А.*, Кто будет строить новую АЭС в Армении // Мировая энергетика. № 1 (60), январь 2009г.

Артур Атанесян

**УГРОЗЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РА:
ТРЕХУРОВНЕВЫЙ АНАЛИЗ**

Обсуждение и разработка возможного решения проблем информационной безопасности РА чрезвычайно актуальны, однако, к сожалению, по целому ряду существенных вопросов осуществляется с запозданием, на непрофессиональном уровне, зачастую – лишь формально. Кроме того, заметна своеобразная «мода» на вопросы информационной безопасности: многим кажется, что это – некое легкое «занятие», не предполагающее специальных знаний, логики и опыта. Вследствие этого, при наличии целой когорты «занимающихся» информационной безопасностью РА, в этой сфере есть множество проблем, жертвой последствий которых является каждый армянин, а также в целом государственность РА и НКР. Более того, выделение нами трех уровней информационной безопасности РА и анализ угроз на каждом из этих уровней показывает, что внутригосударственных угроз нашей информационной безопасности РА ничуть не меньше, чем внешних, что свидетельствует, как минимум, о нашем беспечном отношении к информационной безопасности.

Кроме того, представляемая ниже классификация и анализ угроз на внутригосударственном, региональном и глобальном уровнях с точки зрения информационной безопасности РА и НКР выявляет невеселую реальность: в системе нашего государства и общества есть множество явлений, которые как минимум не способствуют обеспечению нашей информационной безопасности, однако, к сожалению, давно стали постоянными компонентами управления государства, общественной психологии и повседневности. Учитывая особенности Армении и армянского народа, эти реалии означают только одно – если так пойдет и дальше, то мы потеряем нашу государственность и национальный облик.

1. Угрозы информационной безопасности Армении и армянского общества на внутригосударственном

1.1 Угрозы информационного характера в отношении национальной идентичности и единства армян, в том числе: анациональные государственные политические решения, партийная деятельность, вредящие национальному единству разнообразные общественные дискуссии, приводящие к расколу общества, разочарованию людей с национальным мышлением, спекуляции национальными ценностями во имя мелких партийных и узколичных интересов. То, что государственная политика и ресурсы ставятся на службу отдельным лицам и узким группам вызвало глубокое разочарование общества как в государственной власти, так и отношении будущего этого государства, вследствие чего очевидна деморализация общества.

1.2 Отсутствие адекватной, динамичной и функциональной связи между государством и обществом, властью и избирателями, разными слоями общества. Постоянный диалог между избирателями и представителями всех ветвей власти, сотрудничество и функциональные взаимоотношения являются необходимыми средствами легитимизации власти, поддержки населения. Между тем в РА население в основном не доверяет своим политическим представителям, поскольку оно удерживается на расстоянии от политических процессов в государстве и не участвует в принимаемых политических решениях, а также не получает объективной информации о реальных причинно-следственных взаимосвязях деятельности государственных органов. Вследствие этого необходимая консолидация при решении важных для государства и общества вопросов будет затруднена, политические решения не получают поддержки населения, что может привести к невозможности решения важных для государства и нации вопросов, отсутствию легитимности государственной власти.

1.3 Угрозы конституционным правам граждан РА и НКР. Многочисленные исследования и даже простое наблюдение показывают, что население Армении в основном чувствует себя незащи-

ценным в правовом аспекте. В армянском обществе существует резкая поляризация между наделенным всеми правами элитарным меньшинством и бесправным большинством, что проявляется и в повседневной коммуникации, носящей оттенки разочарованности или конфликтности. Правовая незащищенность большинства граждан РА проявляется не только внутри государства, но и вне него, поскольку большинство посольств и консульств РА не обеспечивает правовую и даже физическую защиту граждан РА. Именно поэтому для многих, к сожалению, гражданство РА обесценивается. Между тем усилия Конституционного суда РА, Правительства и особенно МИДа должны быть направлены на активную защиту прав граждан РА внутри и вне государства.

1.4 Отсутствие профессионального обоснования качества контента образовательных процессов, особенно в сфере среднего образования. Множественность и противоречивость параметров обеспечения качества в современном образовательном пространстве РА, неопределенность понятия «национальное образование», высокий уровень коррупции и ее попустительство со стороны властей, отсутствие государственной поддержки развитию образования и другие явления такого рода представляют серьезную угрозу национальной информационной безопасности РА. Многообразие и низкий уровень учебников для средних школ обусловлены тем, что в основе их издания лежат коммерческие интересы, а не национальные идеи и педагогические навыки. Неутешительное состояние школьных учителей и их коррупционное поведение, политизация школы приводят к тому, что значительная часть выпускников демонстрирует антисоциальное поведение, не владеет элементарными знаниями и умениями, правилами и культурой поведения в обществе. Характерный особенно для выпускников средней школы постоянный спад интеллектуального, физического и ценностного уровня свидетельствует о том, обесценивается будущее армянского общества.

1.5 Отсутствие государственной политики в морально-психологическом и эстетическом воспитании, насаждении культуры по-

ведения. Именно вследствие этого в современном армянском обществе налицо многочисленные проявления маргинальности, доминирует желание противопоставляться и сталкиваться с остальными, между тем прочность и стабильность общества обусловлены наличием культуры сотрудничества. А в современном армянском обществе превалируют поведенческие нормы, предполагающие решение спорных вопросов путем конфронтации, конфликта и ориентированность на эгоистические идеи. Роль государства заключается в том, чтобы привести представителей всех слоев общества к гармоничному сосуществованию и сотрудничеству во имя эффективного решения общенациональных вопросов, обеспечению и развитию безопасности и консолидации общества и государства. В нашем государстве для этого ничего не делается, вследствие чего разные представители армянского общества воспринимают друг друга как противников, врагов, что постоянно проявляется в быту, а также в сложных политических процессах. Отсутствие в РА политики и соответствующих мер по национальному морально-психологическому воспитанию представляет собой прежде всего угрозу информационной и национальной безопасности нашего государства.

1.6 Отсутствие национального единства по ряду вопросов, имеющих стратегическое значение для безопасности Армении и армянского народа. С точки зрения национальной информационной безопасности РА чрезвычайно опасно, что действующие в Армении многочисленные партии ради прихода к власти готовы спекулировать такими фундаментальными для национальной идентичности и безопасности вопросами, как урегулирование карабахского конфликта, признание Геноцида, государственная политика в отношении Турции, эмиграция населения и т.д. Это те вопросы, для решения которых требуется национальная консолидация, совместная работа всех субъектов политики, между тем, к сожалению, узкопартийная выгода зачастую ставится выше национальных интересов.

1.7 Угрозы информационному обеспечению государственной политики РА и НКР. Эффективность принятия решений в любой

области существенно зависит от качества и количества необходимой для принятия этих решений информации, следовательно скудость и низкое качество информации, необходимой для принятия государственных решений в РА и НКР, угрожает национальной информационной безопасности.

1.8 Подчиненность сознания и поведения граждан РА разнообразным информационно-пропагандистским спекуляциям, свободно осуществляемым в СМИ и распространяющим угрожающие национальным ценностям антиценности, недопустимые, искаженные и уголовно наказуемые нормы. Широко пропагандируемые по армянским телеканалам насилие, криминальная субкультура, примитивное бытовое общение и еще более примитивное мышление являются угрожающими национальной информационной безопасности РА внутригосударственными проблемами, последствия которых не заставят себя ждать. Не стоит повторять тот негативный опыт, через который примерно 40 лет назад прошли все европейские страны и США и вследствие которого в те годы у них резко возросла преступность – количество убийств, изнасилований, самоубийств, масштабы наркомании и т.д., и усилия по преодолению которого начались именно с ограничений телеэфира. Наша малочисленная нация просто не выдержит этой угрозы, следовательно необходима жесткая и однозначно государственная медийная политика для введения морально-психологической цензуры в телеэфире и оздоровления национального сознания.

1.9 Отсутствие государственной политики и собственности в сфере телефонной связи. С одной стороны, в РА опыт деятельности государственных предприятий в области телефонии имел тенденцию монополизации и был связан с низким качеством связи и искусственно завышаемыми ценами. С другой стороны, нынешнее управление армянского рынка телефонии иностранными компаниями и отсутствие государственной защиты интересов граждан в сфере пользования услугами телефонной связи и Интернета означают, что защищенность права граждан РА на конфиденциальность

коммуникации находится в руках частных зарубежных фирм. Это, естественно, одна из гипотетических угроз нашей информационной безопасности, которая может перманентно проявляться невидимым для нас образом.

1.10 Использование нелицензионной, некачественной компьютерной техники и программ, которые нарушают нормальное функционирование информационных и коммуникационных систем.

2. Угрозы информационной безопасности Армении и армянского общества на региональном уровне

2.1 Осуществляемая со стороны Азербайджанской Республики скоординированная и перманентная информационная война, направленная на расшатывание безопасности РА и НКР, в цели которой входит искажение международного имиджа Армении и Армянства, формирование и укрепление в регионе и мире антиармянских настроений и соответствующей политики, стимулирование проазербайджанского решения карабахского конфликта и т.д. Согласно нашим исследованиям, азербайджанская антиармянская информационная война осуществляется постоянно и непрерывно, разными способами и по разным информационным каналам. Азербайджанская антиармянская информационная война – важная составляющая информационной политики Азербайджанской Республики, она подпитывается финансовыми и иными средствами органов государственной власти, частных фондов, физических лиц и, к сожалению, более активна и всеобъемлюща, чем армянские попытки ей противостоять.

2.2 Осуществляемое Турцией с применением разнообразных информационно-пропагандистских средств опровержение факта Геноцида армян. Современная Турция на государственном уровне не только не готова признать Геноцид армян и попросить прощения, но и пока не доказала, что не является наследницей Османской империи. Это значит, что на региональном уровне Турция не является союзницей Армении. Следовательно, нужно продолжать рассматривать

ее как возможного противника, а значит – и как источник информационных и иных угроз. С другой стороны, в информационном пространстве общение армянского и турецкого обществ может и должно быть направлено на сотрудничество с носителями здоровой логики в турецком обществе и пропаганду проармянских идей.

2.3 Угрозы историко-культурному наследию армянского народа, уничтожение и искажение армянских культурно-исторических памятников на территории региональных государств. Исторические памятники – носители сознания национальной идентичности и наследия, поэтому их уничтожение наносит серьезный удар по национальной информационной безопасности. Подобные удары получало и продолжает получать богатое армянское историческое наследие на территориях соседних Азербайджана, Турции и Грузии, что вновь свидетельствует о неадекватности деятельности государственных органов РА на внутригосударственном и региональном уровнях.

2.4 Пассивное участие Армении в региональных проектах, предполагающих перспективное развитие коммуникационных путей и средств. Несомненно, это обстоятельство обусловлено неблагоприятным соседством Армении в регионе, однако нужно также отметить недостаточную инициативность РА и отдельных армянских организаций на региональном информационно-коммуникационном рынке.

3. В число факторов, угрожающих информационной безопасности Армении и армянского народа на глобальном уровне, входят:

3.1 Угрозы армянской национальной идентичности в других государствах, которые проявляются в массовой эмиграции из Армении, усилиях по получению гражданства других стран, в неиспользовании и забвении армянского языка, прерыванию связей с Арменией и т.д.

3.2 Угрозы единству армянской Диаспоры и деловым связям с РА и армянским обществом. Армяно-турецкий диалог, начавшийся

в прошлом году и прерванный в этом, имел одно важное негативное последствие – конфронтацию армянской диаспоры и властей РА по поводу «примирения» с турками. Между тем, любой вопрос, который может привести к расколу Армении и Диаспоры, является угрозой с точки зрения национальной безопасности и должен предотвращаться или решаться только посредством сотрудничества РА-Диаспора.

3.3 Угрозы международному рейтингу Армении и ее имиджу в политическом, экономическом, культурном и цивилизационном аспектах. Поскольку РА пассивна в формировании своего внешнего имиджа и должным образом не представляет свою историю, культуру, цивилизацию внешнему миру, не разработала какой-либо стратегии по презентации и защите своего внешнего образа, следовательно эти упущения целенаправленно «восполняет» антиармянская, в частности азербайджанская пропаганда. Например, оспаривается происхождение и сущность армянской музыки, армянское происхождение армянской кухни, этногенез армян и ареал его распространения... Даже мы сами для себя не решили, кто мы – ассирийцы±, европейцы±, или еще кто, каковы наши национальные интересы, куда мы идем, какова наша цель. Все нации не столько изначально обладали решением этих и подобных вопросов, сколько конструировали их, устанавливали в соответствии с собственной национальной безопасностью и интересами развития. Между тем мы этого не сделали и опираемся на абстрактные категории типа «мы древний народ», «мы арийцы», «над нами осуществили геноцид», «мы христиане»... Подобных категорий недостаточно для сохранения национальной идентичности и защиты национальных интересов, самопрезентации нации и государства.

3.4 Угрозы разработке и реализации политических решений, связанные с укреплением и развитием роли Армении в мире. Вообще, начиная с суверенизации РА деятельность ее государственной политической и партийной систем свидетельствует о том, что в основном узко партийные и властные интересы ставились выше на-

циональных интересов, вследствие чего зачастую разрабатывались и принимались такие политические решения, которые не выражают общий интерес армянского народа и РА, не обеспечивают развития Армении и презентационности армянского народа в мире. Позиции РА не представлены должным образом в ООН, в отношении с НАТО, голос представителей РА в международных инстанциях звучит слабее, чем у представителей других государств региона. Отношения Армении с РФ носят характер подчиненности, а не сотрудничества. Мы на уровне государства и общества не стремимся к осуществлению таких признанных в мире идей, как демократия, отсутствие коррупции, высокий уровень жизни и общественное согласие, доминирование закона и защищенность гражданских прав. Поэтому и не пользуемся большой славой или высоким рейтингом в мире, что абсолютно не способствует информационной и – шире – национальной безопасности РА.

Большинство отмеченных угроз предполагает необходимость противостояния в первую очередь со стороны органов государственного управления – посредством создания общенациональной системы информационной безопасности, охватывающей государство, общество, Диаспора с ее организациями. Координация и управление информационной безопасности РА, НКР, армянского общества и армянского народа прежде всего должны опираться на эффективную, пронациональную и профессиональную работу государственных институтов, исходящую из национальных интересов, стратегических программах и инициативах государственных и общественных органов.

Лианна Айвазян

**ИМИДЖ СТРАНЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ: АТМОСФЕРА XXI ВЕКА**

Работа написана преимущественно на анализе имиджа страны, создаваемого другими акторами, в основном опираясь в качестве примера на имидж Армении, представленный в американской «качественной» прессе (все газетные материалы 1991-2009гг.), поскольку влияние этих СМИ на принятие важнейших политических решений давно известно. Это газеты «Вашингтон Пост», «Нью-Йорк Таймс» и «Уолл Стрит Джорнал» [1].

К сожалению, говорить об обратном процессе (об имидже, построенном нами) сегодня пока трудно. С другой стороны, этот анализ и приведенные примеры могут быть более полезными при создании собственного имиджа, нежели изложение известных *PR* методов. Наконец, хотя примеры приведены из печатной прессы, но анализ произведен на основе сравнения обширного материала, в том числе официальной информации, академических и экспертных исследований, публикаций о других странах региона, о глобальных, региональных и внутренних развитиях, а также серии интервью в Вашингтоне и Ереване с дипломатами, экспертами, журналистами.

Пропаганда, формирование имиджа как искусства целенаправленного управления впечатлениями или, как теперь принято говорить, публичная дипломатия сопровождала человечество с первых шагов его развития [2].

Но понятие «имидж» стало предметом исследований в первой половине двадцатого века, когда две мировые войны показали, какую страшную цену можно заплатить за пропаганду и создание имиджа «врага». Дипломатия перестала быть «спортом для королей», как это было в XIXв. [3, с. 59].

Начиная с 1945г. развитие средств массовой информации, особенно телевидения, а затем и других новых технологий, изменило картину международных отношений и дипломатии, оказав воздействие на пути принятия важнейших решений и их представление в СМИ. Филипп Тейлор в своей книге «Глобальная коммуникация,

международные отношения и СМИ после 1945 года», в духе Элвина Тоффлера подчеркивая роль коммуникации в современном мире, наряду с дипломатическим, экономическим и военным направлениями в межгосударственных отношениях выделяет четвертое, называя его психологическим или информационным направлением: «Это направление включает накопление и передачу информации, идей, восприятий и посланий. В действительности оно присутствует также в других направлениях, однако стало самостоятельной стороной межгосударственных отношений. <...> любая коммуникация предполагает передачу и прием чего-либо. Это что-либо является информацией, всегда содержащей некий сигнал или послание и способной осведомить, убедить, воспитать, агитировать, воодушевить или развлечь. Информация может быть в виде голоса, слова, образа или их слиянием, а сегодня она приняла иные формы, например, цифровые» [3, с. 21].

Появились такие понятия, как *медиа дипломатия* (*media diplomacy*), *CNN дипломатия* (*CNN diplomacy*), *телевизионная дипломатия* (*TV diplomacy*). Казалось, лишь недавно появилось понятие *публичная дипломатия* или «мягкая сила» (*soft power*), и многие страны включили ее в сферу своей внешней политики, но уже с фантастической скоростью появляются новые понятия – *сетевая дипломатия* (*net diplomacy*), *нишевая дипломатия*¹ (*niche diplomacy*), *общедоступная публичная дипломатия* (*open-source public diplomacy*) (о последнем см. *Fisher Ali, Music for the Jilted Generation: Open-Source Public Diplomacy*) и т.д. Сегодня имидж дипломатии лишь как межгосударственных отношений устарел насколько, настолько пергамент и перо для научной работы. Ни у кого нет монополии на информацию. Информационная революция изменила и глобальное общество, которое меняет также парадигму дипломатии государство-государство на формат *общество-общество* (*people-to-people*) [4]. Уже появляются прогнозы об огромной возможности последнего для трансформации обществ других стран.

¹ Дипломатия, направленная на то, чтобы страна заняла определенную позицию, место, исходя из тех или иных благоприятных для этого условий.

Меняется и вся международная система, появляются новые теории, авторы которых стараются не только объяснить новые реалии, но и предугадать тектонические изменения международных отношений, предупреждать об опасностях и показывать их новые возможности. А в эпоху постмодерна, когда происходит деконструкция государства и оно становится все менее определяющей силой во внешней политике, медиа, эмоции масс, интересы отдельных групп (включая транснациональные группы) или регионов выходят на арену. Контекст, настроение и личность – все это играет больше роли, чем могут представить учебники. Внешняя политика становится продолжением внутренней политики [5].

В этих условиях информационного взрыва, глобализации, развития международных коммуникаций и интенсификации роли общественного мнения в международных отношениях значимость имиджа государства становится неоспоримой. При этом в данный процесс вовлекаются не только традиционные субъекты-государства, но и бизнес, международные, неправительственные организации, персональные коммуникации и т.д. А по словам многих авторов, информационная революция изменила сущность и характеристики такого основополагающего атрибута международной системы, как *Мощь* (государства). Согласно М.Кунчику («Имиджи народов и международные публик рилейшнс»), сегодня половина мощи государства – это построение имиджа, а в эпоху медиа дипломатии, предупреждает он, *искусство управления (statecraft)* может стать заложником *искусства режиссирования (stagecraft)* [6].

Учитывая же кардинальные изменения в международной политике, геополитический процесс в регионе теперь можно говорить о геополитике имиджей в регионе.

Все указывает на то, что здесь начался процесс целенаправленного *управления впечатлениями (perception management)*, *повестки дня (agenda setting)*, *фабрикации доверия и создания новых имиджей*, в который вовлечено множество акторов, поставлены цели (долгосрочные и краткосрочные), используются разные способы

(открытые и закрытые). Очевидно, мы имеем дело с тем, что американцы называют *стратегической коммуникацией* (*Strategic Communication*). Например, американцы считают стратегическую коммуникацию и публичную дипломатию успешной, если они адресованы и массовой аудитории, и специальным группам, которые в силу своего опыта, положения, лидерских способностей влияют на решения и мнения других (духовенство, известные журналисты, представители сферы образования и науки, женских организаций, политические, бизнес лидеры, военный персонал и пр.).

Для долгосрочных целей и открытых способов в первую очередь развернута публичная дипломатия (в том числе культурная, спортивная, музейная, медиа-дипломатия). Причем для усиления воздействия к вербальной информации подключается визуальная, а самое главное – событийная плоскость. Другая характеристика касается аудитории: она расширяется и из локальной превращается в глобальную (становится важно не только кто, что, где, когда и как говорит, но и *кому* говорит). *Легитимность, доверие, репутация, лидеры, отдельные личности, популярные эмоции, страхи и ожидания, символы, идентичность* и даже сама *история* становятся востребованным ресурсом в этом процессе.

Новые тенденции в армяно-турецких отношениях показали, что «мы не готовы защищать наше общество» и что заявления иностранных деятелей влияют на нас больше (Виген Саргсян, воскресная программа «АЙЛУР»).

В регионе сталкиваются разные имиджи, причем

1. они создаются не только в регионе, вернее, не столько здесь,
2. в этот процесс вовлечены разные акторы, у которых разные цели,
3. внешняя политика и внешний имидж нередко является продолжением внутренней политики,
4. идет борьба за утверждение или отрицание идентичности,
5. имидж, симуляция часто выдаются за политику.

При этом неверный анализ может ввести в заблуждение, помешать краткосрочным целям, но самое опасное – быть инструментом в чужих долгосрочных программах. Непонимание сути и всей сложности управления впечатлениями (причем разными игроками) может привести к нежелательным изменениям убеждений, и не только на уровне простых людей, но лидеров, а это значит, что судьбоносные решения могут стать неотвратимы.

Управление впечатлениями (*perception management*) – это передача или отказ передачи информации и индикаторов *иностранным аудиториям* с целью влияния на их эмоции, мотивы и объективное суждение, а также *разведывательным системам и лидерам* на всех уровнях с целью оказания воздействия на принимаемые решения и официальные оценки, в результате чего они демонстрируют поведение и совершают официальные действия, благоприятные для намерений того, кто управляет этим процессом. В разных формах он включает проекцию правды, обман и ложь, психологические операции. Более того, не исключено, что мы имеем или будем иметь дело еще и с *когнитивными вирусами*. Некоторые специалисты, в том числе и автор теории современной информационной войны Томас Рона, расширили идею о *мемах (mems)*, включив ее в систему информационной войны (хотя есть мнение, что идея научно недостаточно обоснована). Т.Рона сформулировал идею «вируса социального иммунодефицита» (*societal immunodeficiency virus (SIV)*), против которого массы людей не будут иметь эффективной защиты. Мем – это единица культурной информации, как, скажем, идея или практика, которая передается от одного человека к другому (*from one mind to another*) вербально или через повторяющиеся действия. Г.Стейн и Р.Зафрански описывают их как базовые единицы культурной имитации, как конструирующие блоки культуры, мышления и поведения, с помощью которых социум воспроизводит себя [7].

В этих условиях расшифровка информации, отделение ценных сигналов от шума, имиджа от реальности становятся актуальными. Происходит то, что один из ведущих профессоров Гарварда,

автор идеи «мягкой силы» Джозеф Най назвал «парадоксом избытка». Сегодня, скорее всего *внимание*, нежели информация, становится дефицитным ресурсом, и тот, кто сможет отличить ценные сигналы от шума, пишет он, станет сильнее. Джозеф Най пишет, что в условиях растущего информационного потока политические баталии происходят за создание и крушение *правдоподобности (credibility)*. Правительства конкурируют за правдоподобность не только с другими правительствами, но и с медиа, корпорациями, НПО, международными организациями, сообществами ученых. Политика становится более театральной и нацеленной на глобальную аудиторию, а в информационную эру побеждает та сторона, у которой *лучшие истории (In an information age, it is often the side which has the better story that wins)*, – отмечает он [8].

С нашей стороны добавим, что не только *доверие*, а также наличие собственной *повестки дня*, создание собственных *смыслов*, а не их разрушение, уважительное отношение к *символам*, а не игры с ними, и есть тот минимум, который мог бы защитить общественное сознание. Потому что «Международный имидж – это, прежде всего, система связей и обеспечивающих их существование рамок и правил. Собственно, одна из причин поражения СССР в холодной войне заключалось именно в потере Советским Союзом имиджа и, соответственно, системы связей». [9, с. 414]

На этом фоне имидж, как важный нематериальный фактор мощи государства, наряду с другими факторами становится все более востребованным ресурсом, а в более широком контексте управления впечатлениями – стратегическим ресурсом. Кроме того, если политика государства не легитимируется значимыми международными акторами, то они будут противодействовать курсу государства, используя имеющиеся в наличии рычаги влияния.

В этой связи примечательно выступление Президента РА Сержа Саргсяна на съезде Республиканской партии Армении, где он подчеркнул следующее: «Мы нашу деятельность сегодня строим в качестве партии XXI века. Сегодня почти нет вопросов, которые ин-

тересуют только нас. Все волнующие нас серьезные вопросы находятся в контексте глобальных интересов. Нужно быть хорошо осведомленным о сути контекста. Мазок кисти художника может быть верен только в контексте всей картины».

Вот почему в условиях XXIв. для анализа международных отношений учет имиджа стран необходим. Формирование позитивного внешнеполитического имиджа Армении должно осуществляться с учетом новых реалий XXI века, геополитических изменений в мире и регионе и принимая во внимание, прежде всего, национальные интересы. Стратегия и тактика формирования, управления, корректировки имиджа должны соответствовать краткосрочным, среднесрочным и долгосрочным целям государства – артикулированным и неартикулированным.

Но что такое имидж страны? Можно ли управлять им и корректировать его?

Вопрос имиджа страны разработан достаточно основательно, в частности, в зарубежной литературе. Но эта литература весьма разнообразна. Имидж рассматривается в разных контекстах – международных публик рилейшнс, стратегической коммуникации и публичной дипломатии, психологии, общественного мнения, масс-медиа, брендинга, маркетинга и т.д. Ставятся вопросы, на которые нет однозначных ответов. Однако многие страны вкладывают в имиджевые и репутационные проекты огромные деньги. Формирование имиджа, равно как и PR-технологии основаны на изучении и результатах социальной и политической психологии, в том числе социальной познаваемости, психологии воздействия, рекламе, политической и управленческой психологии.

В 60-70-е годы XXв. проблемой имиджа в международной политике начинают интересоваться политологи и исследователи в области международных отношений. Первой монографией, в которой был дан анализ влиянию имиджа на межгосударственные отношения, стала книга К.Болдинга «Имидж» (1962). Болдинг, представляя взаимоотношения «национальный имидж – международная система»,

формулирует понятие «имидж» как *познавательную (cognitive), эмоциональную (affective) и оценочную (evaluative)* систему [10, с. 423].

Когда говорим о существующих на международной арене имиджах, необходимо сделать два наблюдения. Во-первых, нужно конкретизировать понятия «имидж» и «образ» и, во-вторых, дифференцировать понятия «имидж страны», «этнический имидж», «самоимидж», «медиа-имидж», «внешнеполитический имидж» и пр.

И в быденной речи, и в публицистике, и в научной литературе понятие «имидж» используется исключительно в контексте формирования, планируемого воздействия целенаправленного создания. Так, Е.Б.Перелыгина показывает, что «...имидж есть создаваемый образ, т.е. образ, возникающий в результате определенной деятельности, работы». Еще четче это формулируют Е.Н.Богданова и В.Г.Зазыкин: «...имидж – это не что иное, как *специально сконструированный психический образ, создаваемый со вполне определенными целями*». В том же месте авторы, продолжая, пишут: «Иными словами, образ объекта может существовать «естественно», а понятие «имидж» возникает тогда, когда возникает задача коррекции этого образа в групповом или индивидуальном сознании» [11, с. 36-37].

Таковую же активную, функциональную сущность имиджа подчеркивает другой исследователь, Эраст Галумов, и делает некоторые важные заключения [12].

Первое: имидж – управляемая категория, которую можно откорректировать, построить и преобразовать, исходя из наших желаний.

Второе: имидж государства имеет свою цену и является инструментом решения конкурентных задач.

Третье: имидж – не только информационный, но и сражающийся информационный аспект.

В своей книге «Имидж наций и международные общественные связи» М.Кунчик пишет: «Имидж – это нечто, создающееся и разрабатывающееся теми, кто его имеет, т.е. нечто, на которое могут действовать *PR*-действия. В отличие от него, предрассудки и стереотипы создаются средой и приписываются ей. В этом смысле ...

имидж всегда включает в себя активную составляющую» [6, с. 39]. В то же время, социальные психологи пришли к заключению, что, независимо от прилагаемых усилий, «образ мышления и представления людей крайне устойчивы к неожиданному давлению окружения», так что «почти ничто не может изменить у 40 процентов населения имидж той или иной страны даже за 20-30 лет».

Считаем должным подчеркнуть важность наблюдений Роберта Джервиса [13, с. 6]:

- страны могут воздействовать на другие государства с помощью изменения лишь своего имиджа, при этом не меняя свою политику;
- имидж может быть основным фактором в деле легкого достижения целей государством в международных отношениях;
- цена нежелательного имиджа может быть для государства непомерно высокой.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно резюмировать:

- понятие «имидж» должно использоваться исключительно в значении запланированного воздействия и целенаправленного формирования,
- восприятия и представления людей о «других» крайне устойчивы к внезапному давлению окружения,
- имидж состоит из познавательных (*cognitive*), эмоциональных (*affective*) и оценочных (*evaluative*) компонентов,
- имидж страны нужно отличить от национального/этнического имиджа.

В связи с последним пунктом следует отметить, что при изучении роли имиджа в международных отношениях разные авторы подчеркивают важность понятий «самоимидж», «медиа-имидж», «внешнеполитический имидж», «геополитический имидж», «имидж лидеров», «территориальный имидж», которые я назвала бы *субимиджами* для имиджа страны. Западная научная литература по данной проблематике в основном включает исследования по трем направлениям:

- образы стран как часть «сигналов», посылаемых друг другу международными акторами, кодированная информация о намерениях, интересах и т.д. (О.Холсти, Р.Джервис),
- образы стран как «фильтры» в сознании тех, кто принимает внешнеполитические решения (К.Шимко, М.Коттам),
- как фактор национальной идентичности, в частности, формирование национальных образов внутри политических дискурсов (Х.Ларсен).

Отметим, что нужно учесть также то обстоятельство, что в последнее время кроме имиджевого подхода появились и другие направления работы с имиджем страны: маркетинговый (*Place Marketing*) и брендинговый (*Competitive Identity*)¹. Но их обсуждение не входит в нашу задачу.

В научной литературе в основном выделяются следующие функции имиджа: подтверждение идентичности или идентификация, идеализация, противопоставление.

Надо понимать, что сегодня имидж страны это:

- фактор/инструмент межгосударственных отношений,
- часть стратегической мощи,
- подтверждение, отклонение, формирование идентичности,
- альтернативный путь взаимовлияния,
- ресурс, который работает на другой ресурс – общественное мнение,
- дешевый ресурс (средство) для достижения цели,
- идеологическая конструкция,
- применение мягкой/разумной силы (*Soft/Smart Power*) [14],
- продолжение внутренней политики,
- привлекательность страны (*attraction*) и решение конкурентных задач
- инвестиции и помощь (*Aid Diplomacy, Diplomacy of Deeds*).

¹См. *Peter van Ham*, *The Rise of the Brand State: The Postmodern Politics of Image and Reputation*, а также *Simon Anholt*, *Countries Must Earn Better Images through Smart Policy*.

Добавим, что, изучая имидж стран СНГ в международных СМИ, можно заметить, что он *охватывает параметры желаемого имиджа* (демократия, стабильность прав человека и пр.), *представляет причинно-следственные связи* (комментируя события), *приписывает ответственность* и *дает определенную оценку*. Средства формирования имиджа в этих СМИ различны. Отметим некоторые из них:

- управление новостями (*news management*)
- формирование повестки (*agenda setting*)
- оформление (*framing*)
- называние (*naming*)
- упаковка (*packaging*)
- дискурс
- управление событиями
- псевдо-события (*pseudo-events*)
- манипуляция
- видимость (*visibility, low or high profile*)
- яркость/выпуклость (*saliency*)
- распространение идей

Знаменательно, что в интервью об имидже Армении (Вашингтон, 1998г.) Поль Гобл на вопрос о цели *идеи Мегринского коридора* ответил, что она должна была приучить нас идее *компромисса*, а Карабах, по его мнению, – армянская земля. Примечательно, как он назвал этот процесс. По его словам, эта должна быть Большая Сделка (*Great Deal, Great Bargain*).

Последний пример весьма поучителен в плане анализа вышеупомянутых средств, формирующих имидж. Думается, мы имеем дело, в первую очередь, с уже упомянутым в этой статье меметическим или когнитивным вирусом (в виде идеи взаимной уступки). Кроме того, то, какое название мы даем предполагаемому процессу (*naming*) (*Great Deal, Great Bargain*), в каком виде мы преподносим, пакетируем его (*packaging*), а после пытаемся управлять процессом новостей

(*news management*), стать инициатором повестки (*agenda setting*) и дискурса, управлять впечатлениями (*perception management*) и пр., может сильно сказаться на формулировке, преследовании и, наконец, принятии важнейших решений. Одним словом, можно сказать, что управляемые имиджи моделируют также реальность.

В той же американской прессе (1991-2009гг.) на примере имиджа Армении можно обобщить, что медиа-имидж является важным фактором в международных и, в частности, в межгосударственных отношениях и может быть, стать или означать следующее:

- сигнал
- угроза
- предупреждение
- зондаж
- оценка
- поощрение
- управление повесткой дня
- предание молчанию
- дискредитация
- управление процессами внутренней жизни

Имидж страны могут сформировать различные акторы – государства, международные организации, корпорации, заинтересованные группы, мозговые центры, частные посредники (*brokers*), СМИ, академические круги, деятели культуры, Диаспора (партии, организации, община), спецслужбы и пр. Причем для анализа существующего медиа имиджа, корректировки или построения нового имиджа в какой-нибудь стране очень важно знать цикл принятия решений в этой стране.

Кроме того, нужно учесть, что медиа-имидж таких стран, как Армения, это не только и не столько продукт чистой журналистики. Он может быть частью или составляющей пропаганды, лоббинга, пиара (в том числе международного); публичной дипломатии (культурной, медиа, спортивной, музейной и т.д.); брендинга; пси-

хологической, информационной войны/действий; вмешательства спецслужб¹ и пр.

Структуру медиа-имиджа можно представить следующим образом:

- ядро (сущность),
- пласты или субимиджи (*sub-images*),
- оболочка (нынешняя ситуация, темы, события).

Наши исследования имиджа Армении в той же американской, так называемой качественной прессе показывает, что оценивая имидж и делая политические прогнозы, важно заметить наличие следующих изменений. Во-первых, к примеру, един ли имидж или раздвоен (пример раздвоенности – в уже упомянутом интервью с Полем Гоблом в Вашингтоне об имидже Армении: *Noble past, troubled present*). Во-вторых, какие черты или составляющие имиджа неизменны, а какие переменчивы. Например, упоминания о Геноциде армян всегда присутствовало в публикациях, независимо от освещаемой темы (хотя это слово до последнего времени в американской качественной прессе не использовали). А это означает, что оно по-прежнему когда-нибудь «сработает» как фактор в международной политике, что и показали последние события. Следующее, нужно быть внимательным к тому, на самом ли деле делаются попытки изменить ядро (идентичность) имиджа, или они относятся только к субимиджам (напр., лидеру) или ситуативны. Наконец, наш анализ показывает, что для политического прогноза при анализе имиджа страны в международных отношениях очень важно увидеть следующее: есть ли кроме публикаций по теме и изменения видимости страны (*visibility*, т.е., увеличения числа публикаций о стране, объема материалов и визуального элемента и пр.) одновременное наличие того, что я назвала бы параллельным содействием:

- материалы о стране и народе на спортивных, культурных и других подобных страницах той же газеты,

¹ См., в частности, Boyd-Barret, Miller, The New York Times, and the Propaganda Model.

- публикации различных докладов международных и других организаций, заявления, телефонные разговоры лидеров стран и т.д.,
- опубликование результатов различных социологических опросов,
- публичная дипломатия (культурные, спортивные, музейные и другие мероприятия и события, участие известных людей (*Celebrity diplomacy*)).

При оценке имиджа в СМИ важно учесть *журналистские стандарты (Journalism standards)* и *новостные ценности (News values)*, а также специфику *международной журналистики* (здесь *национальные интересы* превыше всего), принадлежность данного СМИ, класс СМИ (*Elite, Prestige, Quality Press* и пр.), страницу, время (*TV*), жанр, объем, заголовок, ссылки, источники, языковые средства, авторов, фотографии, графики, карты и пр.

Как уже было отмечено выше, имидж страны имеет свою *цену* или последствия – негативные или позитивные. Обобщая, отметим некоторые из них:

- доверие, репутация, престиж
- вынесение неверных/ошибочных решений,
- изоляция, снижение инвестиционной активности,
- принимаемые решения в ущерб Армении и Армянства в различных международных организациях,
- воздействие на внутренние процессы страны,
- изменение самооценки, самоимиджа в сторону негатива,
- «дефицит иммунной системы» общества,
- построение, изменение идентичности, ценностей (в долгосрочной перспективе) и пр.

Опираясь на вышеизложенное, скажем, что, поскольку для малых государств создание постоянного положительного имиджа (в том числе из-за финансов), равно как и защита нашего общества от

создаваемого тем или иным международным актором отрицательного имиджа (в условиях открытости информационных потоков), зачастую затруднено, крайне важным становится наличие того, что можно назвать «барьером», который позволил бы защитить «иммунную систему» нации и общества. Ресурсы для построения такого барьера, можно сказать, «у нас под рукой»:

- идентичность,
- собственная повестка, смыслы, символы,
- разработка плана *стратегической коммуникации* по линии важнейших национальных задач и т.д.,
- управление, а не контроль информации,
- образованное общество,
- развитие и защита историографии, арменоведения,

Важно также иметь сформулированные национальные интересы, общественное доверие, сильную легитимность власти, наличие справедливости, одним словом, необходимо быть, а не казаться.

***Ситуационное исследование (Case Study):
Турция-Армения (футбольная дипломатия)¹***

Опираясь на представленные в статье материалы и основные идеи, будем иметь следующую приблизительную картину развития процесса:

- часть глобальных геополитических разработок,
- управление восприятиями,
- усилия по изменению идентичностей,
- вербальные, визуальные, событийные компоненты,
- работа с группами (Браун) [9, с. 733].

¹Статья уже была готова к публикации, когда был издан армянский перевод книги Дейвида Л.Филипса «Оглашая прошлое: народная дипломатия и армяно-турецкое примирение», в которой представлены программы, осуществленные в области народной дипломатии между Арменией и Турцией в 2001-2004гг., и уроки, почерпнутые из процесса примирения.

а) Турция, США, ЕС и другие акторы (управление впечатлениями)

- процесс признания Геноцида (США, Конгресс, штаты, другие страны),
- дипломатия второго канала (*second track diplomacy*) [15],
- неофициальные контакты (*TARC* и т.д.),
- возвращение банковских вкладов,
- послы (отзыв Эванса, неутверждение Хогланда),
- прямая трансляция слушаний в Конгрессе,
- подготовка: публичная дипломатия (культурная/образовательная/академическая составляющая и т.д.),
- книги Питера Балакяна и других,
- фильм «Арагат» и другие,
- группа «*System of a Down*»,
- «*The New York Times*» (новая политика *G word*),
- изменения в учебниках,
- Орхан Памук (Нобелевская премия) и другие,
- музей Геноцида в Вашингтоне и пр.,
- дудук и пр.,
- футбольная дипломатия.

б) В самой Турции

(«новая политика», Фабрикация Доверия, усилия по изменению имиджа, а также по созданию разделительных линий между армянами)

- отрицание Геноцида (были выселения, но не Геноцид),
- представление себя в образе жертвы (были жертвы с обеих сторон),
- снятие с себя ответственности за Геноцид («было военное положение»),
- Грант Динк:
- Все мы армяне (сопереживание, *Empathy*), а также попытки размыть границы «мы – другие»,

- Простите нас, армяне (фрагментация, замена целого частью общества, а также «строительство» эмоциональности и показ пути выхода из нее),
- Эргенекон, стороны «за» и «против» процесса,
- якобы противопоставление с Азербайджаном,
- повторяющиеся угрозы Азербайджана,
- криптоармяне,
- слухи (якобы мать Гюля армянка и т.д.),
- вклад армян в Турции,
- восстановление церкви Ахтамар и ряда других памятников,
- «мы слушаем одну и ту же музыку»,
- Евровидение, конкурс песни (голосование Турции),
- «война» флагов и пр.
- попытки связать нормализацию отношений с Карабахским процессом и так далее.

Армения

(отсутствие собственной повестки дня и хаос в информационной составляющей: плывем по течению)

- общественное сознание не защищено
- для поддержки собственной политики ссылки на международное сообщество, СМИ, авторитеты,
- представление Армении как «маленькой страны», упоминания о закрытых дорогах, трудностях развития и так далее,
- перекройка политического поля внутри страны,
- подготовка к президентским выборам 2012г. (дискредитация отдельных политических сил и т.д.),
- попытки изменения системы связей и ценностей общества (атаки на идентичность),
- попытки ревизии некоторых моментов истории, культуры, деятелей,
- критика национализма,

- попытки изменения символов,
- напряжение Армения-Диаспора,
- постоянное указание на «противоречия» Турция-Азербайджан,
- требования Диаспоры (*Recognition, Restitution*),
- дипломатия знаменитостей (*Celebrity Diplomacy*) (Шарль Азнавур) и так далее.

Источники и литература

1. *Մշակույթի Լիանա, Ժողովրդավարություն, մամուլ, արտաքին քաղաքականություն. Հայաստանի իմիջր ամերիկյան մամուլում: Ժողովրդավարության զարգացումը Հայաստանում, Սեմինարի նյութեր. Երևան, 1999.*
2. *Taylor Philip M., Munitons of the Mind. A History of Propaganda from the Ancient World to the Present Day. Manchester University Press, 1995.*
3. *Taylor Philip M., Global Communication, International affairs and the Media since 1945. Routledge, 1997.*
4. *Judith A. McHale (U.S. Under Secretary for Public Diplomacy and Public Affairs), Remarks to Vilnius University, December 11, 2009.*
5. *Cooper Robert, The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-First Century. Grove Press, New York, 2003.*
6. *Kunczik Michael, Images of Nations and International Public Relations. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers. Mahwah, New Jersey, 1997.*
7. *Metaphors and Modern War: Biological, Computer and Cognitive Viruses.*
8. *Nye Jr. Joseph S., The Information Revolution and American Soft Power, Asia-Pacific Review, Vol. 9, No. 1, 2002.*
9. *Почепцев Г. Г., Имиджология. Рефл-бук, 2000.*
10. *Boulding, Kenneth, National Image and International System. In James N. Rosenau (Ed.) International Politics and Foreign Policy (422-431). London: Collier Macmillan Inc., 1969.*
11. *Политическая Имиджология. М. – Аспект Пресс, 2006.*
12. *Галумов Э.А., Имидж России в качестве инструментального подхода.*
13. *Jervis Robert, The Logic of Images in International Relations. Columbia University Press. A Morningside Book, 1970.*

14. *Joseph S. Nye, Jr.*, Get Smart: Combining Hard and Soft Power, *Foreign Affairs*, July/August, p. 160.
15. United States – Armenia Relationship, 1991-2007: A Conversation with Our First Five Ambassadors Webcast (Library of Congress).
16. *Айвазян Л.*, Имидж России в СМИ Армении. Политическая Экспертиза (ПОЛИТЕКС), #3, 2007 (Доклад, Конференция «Политическая наука и политические процессы в РФ и в странах СНГ на постсоветском пространстве», Евразийская Сеть Политических Исследований, Москва <http://www.politex.info/content/view/370/30/>
17. *Tehranian Majid*, Global Communication and International Relations: Changing Paradigms and Policies. The International Journal of Peace Studies, Vol 2_1.
18. *Manheim Jarol B.*, Strategic Public Diplomacy and American Foreign Policy: The Evolution of Influence. New York, Oxford. Oxford University Press, 1994.
19. *Boyd-Barrett Oliver*, Judith Miller, The New York Times, and the Propaganda Model. Journalism Studies, Vol.5, Number 4, 2004, pp. 435-449.
20. *Fisher Ali*, Music for the Jilted Generation: Open-Source Public Diplomacy. The Hague Journal of Diplomacy 3 (2008) 1-24.
21. *Peter van Ham*, The Rise of the Brand State: The Postmodern Politics of Image and Reputation (in Phil Taylor's Web Site).
22. *Simon Anholt*: Countries Must Earn Better Images through Smart Policy. Interviewee: Simon Anholt, Editor, Nation Branding and Public Diplomacy. November 6, 2007 Council of Foreign Relations (www.cfr.org).
23. *Хаас Ричард*, Эпоха бесполярного мира // Россия в глобальной политике, #4, 2008.
24. *Haas Richard*, Learning from the Cold War, Project Syndicate (www.project-syndicate.org)
25. Най Джозеф, «Мягкая» сила и американо-европейские отношения. «Свободная мысль – XXI», №10, 2004.
26. *Jervis Robert*, Perceptions and Misperception in International Relations. Princeton University Press. Princeton, New Jersey, 1976.
27. *Кашлев Ю., Галумов Э.*, Информация и ПР в международных отношениях. М. – Известия, 2003.
28. *Информация, Дипломатия, Психология.* Дипломатическая Академия России. М. – Известия, 2002.

Арман Сагателян

**ПОДХОДЫ СТРАН РЕГИОНА К ВОПРОСАМ
ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

Благодаря своему географическому положению Армения находится в наиболее активной зоне пересечения интересов Запада, с одной стороны, и России, Турции и Ирана – с другой. Данное обстоятельство не может не сказываться на интенсивности и характере различных аспектов геополитического противоборства игроков региона, в том числе и информационной составной. Ряд неразрешенных конфликтов и продолжающееся противостояние между Грузией и Россией, Ираном и США, а также Израилем, Арменией и Азербайджаном, вопросы армяно-турецких отношений и пр. вносят серьезные коррективы в информационную политику названных игроков. При этом именно информационный аспект приобретает особую значимость как в условиях активного противостояния и боевых действий (Грузия – Осетия, Россия), так и при длительной и пока невооруженной конфронтации (США – Иран; Армения – Азербайджан).

В данной статье предлагаем рассмотреть наиболее, на наш взгляд, значимые аспекты информационного противоборства в регионе, исходя из вышеописанных реалий.

Грузия. Первый опыт полномасштабного применения всего арсенала коммуникативных технологий в Грузии относится к т.н. «революции роз» в 2003г., имевшей поводом результаты парламентских выборов. Коротко ситуацию можно охарактеризовать следующим образом: 2 ноября 2003г. в Грузии прошли парламентские выборы. Некоторые общественные организации сразу же заявили, что выборы прошли с множеством серьезных нарушений, и потребовали признать выборы недействительными, однако при этом, не дожидаясь официальных данных, объявили о результатах проведенных *exit polls* (опросы на выходе), согласно которым победил блок Саакашвили. ЦИК Грузии, напротив, признал выборы состоявшимися и объявил о победе проправительственного блока, что сразу же спровоциро-

вало массовые митинги оппозиции. Далее сценарий развития событий шел по проработанной схеме различных «цветных» или «бархатных» революций, с успехом проведенных в разных странах (в частности, в Украине). Основным сигналом к более активным действиям митингующей оппозиции и «неприсоединившихся» явилось заявление Госдепартамента США от 21 ноября 2003г. о непризнании официальных результатов выборов. Это и спровоцировало развитие в духе модели «спирали молчания», предложенной Ноэль-Нойманом, при которой индивид склонен принять доминирующую в информационной среде сторону и примкнуть к ней, дабы не остаться «проигравшим». Иными словами, тот, кто доминирует в виртуальном, информационном пространстве, начинает доминировать и в реальности, вне зависимости от объективного соотношения сторон. Оппозиции и ее спонсорам удалось имитировать большинство и запустить «спираль». В результате, уже на следующий день после заявления Госдепартамента США на улицы Тбилиси вышло более 60 000 человек. Группа оппозиционеров во главе с Михаилом Саакашвили с букетом роз в руках ворвалась в здание парламента в момент выступления Шеварднадзе и, скандируя «Уйди в отставку!», вынудила его покинуть трибуну и укрыться в своей резиденции. Бывший спикер парламента Нино Бурджанадзе объявила себя исполняющей обязанности президента¹. Шеварднадзе в ответ на это ввел чрезвычайное положение. В ту же ночь оппозиционеры захватили правительственные здания. В результате, при посредничестве министра иностранных дел РФ Игоря Иванова прошли переговоры между лидерами оппозиции и Шеварднадзе, после которых последний объявил о своей отставке. В дальнейшем на внеочередных президентских выборах Михаил Саакашвили получил подавляющее количество голосов избирателей, а также сумел провести аналогичную «бархатную революцию» в Аджарии, отстранив от власти Абашидзе.

¹ См.: Обязанности президента Грузии исполняет спикер парламента Нино Бурджанадзе. http://sacramento.russianamerica.com/common/arc/story.php?id_cr=119&id=79892.

При исследовании значительного количества источников, анализирующих «революцию роз», однозначно проглядывается факт тщательной и подробной подготовки происходящих событий по заранее отработанным технологиям и при значительной финансовой поддержке из-за рубежа. Так, среди спонсоров «революции роз» наиболее часто упоминается имя Джорджа Сороса. В материале «Сколько стоит революция? Это хорошо знает Сорос», опубликованном в газете «Московский комсомолец» 24 марта 2004г., приводится документ, представляющий собой черновик заявки на грант в фонд Сороса. В частности, газета приводит следующее описание данного документа: *«... Те, кто имел дело с международными неправительственными организациями, живущими на деньги разнообразных западных фондов, хорошо знают, что это такое. Гранты на ту или иную сумму выделяются под конкретные проекты - благотворительные, исследовательские или правозащитные. Обычно международные организации в своих уставах специально оговаривают, что не вмешиваются во внутривнутриполитическую жизнь страны, на территории которой работают. Но особенностью данного документа является то, что в нем речь идет о финансировании организации, чья деятельность сыграла решающую роль в мобилизации народных масс для якобы «стихийных» уличных протестов, которые и привели к смене власти. Имеется в виду организация «Кмара».*

Этот документ озаглавлен «Кмара-03, Кампания за свободные и справедливые выборы». В нем говорится, что OSGF (Open Society - Georgia Foundation), то есть грузинский фонд Сороса, в преддверии ноябрьских парламентских выборов (имеются в виду прошлогодние) планирует оказать поддержку (то есть денег дать) «Кмаре» и международному обществу справедливых выборов (ISFED). В задачи «Кмары» входит мобилизовать избирателей (программа «Иди на выборы»). Задача второй организации - мониторинг выборов. Проект предусматривает и создание компьютерных списков избирателей. На это дело закладывают 300 тысяч долларов.

Документ представляет собой не окончательный вариант, поэтому бюджет некоторых программ не расписан. Под те, где расписан, просят около 700 тысяч долларов. Сколько проект стоил в окончательном варианте и сколько в итоге получили, неизвестно. В частности, проект уличных акций стоит 31 310 долларов. Проект «ставит целью проведение шумных акций, мобилизацию активистов и населения для участия в этих скандалах». Подробно перечислены и методы гражданского неповиновения. Специально оговаривается, что все это - ненасильственные методы, но грань здесь очень зыбкая. К каким, например, методам отнести «возведение баррикад»? Или «уничтожение частной собственности»? Есть там и «захват земель ненасильственными методами». Среди прочего - «насмешки над выборами», «снятие одежды догола в знак протеста», «грубые жесты», «насмешки над должностными лицами», «демонстративные похороны», «политический траур», «люстрация секретных агентов» и даже «ненасильственное преследование».

Одна только зарисовка городских скверов стоит 3300 долларов (а мы-то думали, что это демократически настроенная молодежь стихийно выражает свой протест). Печатание и распространение брошюр, постеров с лозунгами «Кмары», символы, флаги, майки, кепки «Кмары», теле- и радиореклама с призывами к населению принять участие в акциях - это еще 173 тысячи долларов.

В общем, судя по перечню методов, речь идет об организации кампании неповиновения действующей власти и давления на нее на всех уровнях. Здесь и забастовки всех видов, голодовки, «оккупация ненасильственными методами», «представление поддельных документов», «блокирование информационных линий», «снятие указателей», «бойкот выборов», «отказ от уплаты налогов», «отказ от должности и работы с правительством». В списке есть и такой метод, как «восстание». Перечисляем все это, чтобы было понятней, о какой деятельности идет речь...»¹.

¹ См.: Революция и контрреволюция вчера и сегодня, Спонсор Сорос.
http://www.situation.ru/app/j_art_668.htm.

Примечательно, что в архиве электронного издания «Московского комсомольца» данного материала нет, и его невозможно найти ни при поиске по архиву, ни в глобальной системе архивирования электронных публикаций *www.archive.org*. Материал сохранился в электронном виде лишь в виде копии на сайте *www.situation.ru*.

В результате «революции роз» нынешнему грузинскому руководству удалось создать внушительный арсенал «обкатанных» в реальных условиях специалистов, методов и средств ведения информационно-коммуникативного противоборства. Помимо этого, при поддержке зарубежных спонсоров и покровителей, в частности США, а также при содействии нанятых зарубежных специализированных консалтинговых компаний, грузинскому руководству удалось создать налаженные механизмы формирования и продвижения своей информации на ведущих мировых информационных площадках. Все эти, а также ряд других обстоятельств, позволили грузинскому руководству вести весьма достойную информационную войну уже против России в период «пятидневной войны» в Осетии.

Ключевым аспектом пропагандистской войны в период осетинского конфликта являлось убеждение мировой общественности со стороны Грузии, что войну развязала именно Россия, и это в значительной степени удалось, во всяком случае, в первые дни начала активных боевых действий. Основным залогом успеха грузинской информационной кампании явилась тщательная заблаговременная проработка информационной политики на момент активных боевых действий и тактически грамотная подача информации с нужным акцентом и соблюдением всех принципов мифотворчества и современных концепций пропаганды. Во всей информационной деятельности грузинской стороны не последняя роль была отведена также бельгийским консультантам со значительным опытом проведения информационных операций и, в частности, компании *Aspect Consulting*¹ и ее партнеру Патрику Ворму, который непосредственно курировал информационное сопровождение конфликта с грузин-

¹ См.: Официальный сайт консалтинговой компании Aspect Consulting: <http://www.aspectconsulting.eu>.

ской стороны¹. Основная ставка с грузинской стороны в тактическом плане была сделана на быстрое распространение информационных материалов оперативного характера по электронной почте и *SMS* представительствам глобальных СМИ в Грузии. Из-за дефицита собственной информации у представителей мировых СМИ, быстрого развития событий, зачастую невозможности (или нежелания) проверять или перепроверять полученные данные, грузинской стороне удалось обеспечить доминирование в международном информационном пространстве. Таким образом, при поддержке ряда ведущих новостных мировых каналов Грузии вначале удалось представить агрессором именно Россию (что вполне резонировало с имеющимися на Западе стереотипными представлениями о России, созданными еще в период Холодной войны), Грузию же представить как «...молодую демократию, подвергшуюся нападению со стороны северного соседа», и т.д.

Существенным различием информационной политики Грузии и России, по мнению ряда экспертов, являлось различие целевых групп информационной деятельности. Так, грузинская сторона больше апеллировала к международной общественности, в то время как российские информационные продукты были в большей мере направлены на внутреннюю аудиторию. Среди прочих недочетов информационной политики России в период конфликта можно выделить следующие компоненты²:

1. В оперативном отношении – не организовала максимально широкий доступ для всех желающих российских и иностранных журналистов в зону конфликта.
2. В тактическом отношении – не подготовила превентивных разъяснительных мер относительно ситуации, складывающейся на ее кавказских границах, в частности в Южной Осетии.
3. В стратегическом отношении – не сформировала когорту уважаемых и авторитетных российских ньюсмейкеров и аналити-

¹ См.: «В итоге русские выиграли информационную войну», интервью Алексея Рогозина с Патриком Вормом, <http://www.kreml.org/interview/220404955>.

² См.: Глобальные СМИ в информационной войне против России (*Limes*, Италия): <http://www.inosmi.ru/world/20080910/243918.html>.

ков, которые бы могли в рамках глобальной медиа-системы убедительно и внятно формулировать и доводить до мирового общественного позицию Москвы по принципиальным международным проблемам. Не создала предпосылки и инструменты для вхождения таких российских представителей в глобальное медиа-пространство.

По результатам анализа информационной составной «пятидневной войны» ряд российских специалистов выступили с различными инициативами относительно усиления информационной составной внешней политики России, применения новейших информационных технологий, правовой регламентации информационного поля и пр. Из перечисленных предложенных задач особо выделяется инициатива первого заместителя начальника Генштаба Вооруженных Сил России Александра Бурутина относительно разработки международного механизма, который обязал бы государства нести ответственность за развязанные «информационные войны»¹. К сожалению, несмотря на всю гуманность данного начинания, подобная инициатива представляется бесперспективной, так как до сих пор нет ни одного международного документа, регламентирующего явления информационной войны между государствами. Единственным возможным аспектом данного начинания может быть усовершенствование международных правовых норм борьбы с киберпреступностью и преступлениями в компьютерной сфере, но что касается информационно-психологического компонента информационных войн, то здесь международный опыт свидетельствует лишь о применении локальных (внутригосударственных) мер по противодействию информационно-психологическим угрозам.

Обобщая ситуацию с Грузией и исходя из развития событий в период и после «пятидневной войны» (демарш сборной Грузии на Олимпиаде в Пекине², подрыв «Мемориала славы» в Кутаиси³ и пр.),

¹ См.: Государства должны нести ответственность за «информационные войны»: <http://www.arms-expo.ru/site.xp/050049054050124054052050051.html>.

² См.: Члены грузинской олимпийской сборной покидают Пекин, <http://www.vz.ru/news/2008/8/9/194918.html>.

³ См.: «Мемориал славы» в Кутаиси взорван, при этом погибли два человека: <http://www.rian.ru/incidents/20091219/200256441.html>.

можно констатировать, что в Грузии запущен отлаженный механизм по ведению информационного и идеологического противоборства с привлечением зарубежных консалтинговых компаний и консультантов, и на данный момент Грузия обладает значительным опытом и потенциалом в исследуемой сфере. Хотя Грузия непосредственно не является оппонентом Армении в политическом и информационном аспекте, тем не менее считаем необходимым продолжать исследование опыта Грузии в деле ведения информационного противоборства, учитывая некоторые информационные риски в вопросах сохранения армянских памятников на территории Грузии, защиты прав и свобод армянского населения и статуса армянского языка армян Джавахети и т.д.

Иран. Вопросам информационной политики и информационной безопасности уделяется особое внимание со стороны высшего военного руководства Исламской Республики Иран. В Тегеране полагают, что Иран является одним из главных объектов информационной войны США и Израиля, и эта война ведется по нескольким направлениям¹.

1. *Компрометация Ирана на международной арене; создание имиджа изгоя; политическая, экономическая, научно-технологическая и культурная блокада Ирана; дискредитация высшего политического и духовного руководства Ирана, его внешней и внутренней политики.*

Одной из основных целей информационной атаки является иранская ядерная программа. Под эгидой дискредитации ядерной программы Ирана в качестве проекта получения ядерного оружия делается попытка изоляции Ирана посредством применения различных экономических санкций, эмбарго и пр. Вспомним, что и кампания против режима Саддама Хусейна, и формальный повод для начала военного вторжения в Ирак базировались на информации спецслужб США о якобы имеющемся в распоряжении Ирака оружии массового поражения. Однако, как известно, данная инфор-

¹ См.: Сурков В.Н., Проблема информационной безопасности в Исламской Республике Иран: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/14-05-05b.htm>.

мация так и осталась бездоказательной и до, и в течение, и после завершения активных боевых действий против Ирака.

Попытки дискредитации высшего политического и духовного руководства Ирана проводятся постоянно. После избрания Ахмади Нежада президентом Ирана в международных СМИ появилась информация с заголовком «Человек с автоматом // Президент Ирана мог участвовать в захвате заложников»¹, в которой были опубликованы фотография одного из участников захвата американского посольства в Тегеране 4 ноября 1979г. и свидетельства некоторых из заложников-американцев, находящихся «...некое сходство между человеком с автоматом на фото и нынешним президентом Ирана». Однако, как это часто бывает с подобного рода обвинениями, информация в дальнейшем не нашла ни своего подтверждения, ни вразумительного опровержения. Из акций, направленных против духовного руководства страны, можно отметить серию публикаций в западных СМИ, повествующих о намерении иранских духовных властей якобы обязать иудеев и христиан носить на одежде специальные метки различных цветов². Как и предыдущая, так и эта информация в дальнейшем своего подтверждения не нашла. По мнению автора, данная акция имела целью дискредитировать духовное руководство Ирана посредством укоренения в массовом сознании аналогии с фашистским режимом, обязавшим евреев носить специальные повязки на рукаве с изображением Звезды Давида.

2. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание населения Ирана и на отдельные группы людей.

Основная цель этого воздействия – создание ситуации социально-политической напряженности в стране, конфликтных ситуаций, внесение и увеличение раскола между правящей элитой и населением, мобилизация инакомыслящих и оппозиции к активным действиям. К объектам такого воздействия иранское руководство относит молодежь, студентов, интеллигенцию и социально незащи-

¹ См.: Человек с автоматом // Президент Ирана мог участвовать в захвате заложников: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=721044>.

² См.: Совет муфтиев России: США ведет информационную войну против Ирана: <http://www.novoteka.ru/sevent/1036204/>.

ценные слои населения. В Тегеране считают, что результатом именно такого информационно-психологического воздействия со стороны враждебных Ирану государств стали массовые волнения студенчества в июне-июле 2003г. в иранской столице и других городах страны (хотя в целом эти волнения проводились при практически полном контроле со стороны Министерства информации и Корпуса стражей исламской революции).

Очередным поводом для возможности свержения нынешнего руководства Ирана явились парламентские выборы, комментарии к которым в западных СМИ в точности повторяли сюжеты многочисленных «бархатных революций» по тому же самому сценарию: опротестование результатов выборов со стороны оппозиции – непризнание выборов со стороны западных государств и, в частности, США – акции протеста оппозиции, перерастающие в массовые беспорядки в различных городах – тиражирование жертв беспорядков среди протестующих и т.д. Однако, несмотря на значительную поддержку со стороны западных СМИ, применении всего арсенала средств воздействия на массовое сознание и наиболее активное использование сети Интернет и его отдельных служб, властям Ирана все же удалось удержать контроль над ситуацией. Власти Ирана выступили с официальным заявлением, в котором открыто обвинили спецслужбы США и Израиля в подготовке «бархатной революции» и попытке подобным путем добиться смены власти в Иране¹.

Одним из наиболее опасных инструментов информационно-психологического воздействия иранское правящее духовенство считает спутниковое телевидение и Интернет, а также распространение по этим каналам информации, нарушающей сложившиеся в иранском обществе стандарты морали, общественной нравственности. Впервые Интернет появился в стране в 1992г., когда был открыт первый местный сервер, подключенный к сети Интернет в рамках членства Ирана в Европейской сети академических исследований (*EARN*). С 1996г., после открытия предоставляющих доступ в Ин-

¹ См.: США готовят в Иране «бархатную революцию»: <http://evrazia.org/n.php?id=6929>.

тернет частных компаний, отмечается рост числа пользователей сети. В июне 1999г. в Иране насчитывалось около 900 доменных имен первого (.ir) уровня, открытых для общего пользования, а к концу 2002г. их число выросло до 1400. За последние годы широкое развитие получил частный сектор информационных компаний. Так, одной из крупнейших является фирма «PATSA», которая работает с иранскими министерствами иностранных дел, внутренних дел, здравоохранения, нефти, торговли, крупными государственными компаниями, а также другими государственными и частными организациями.

Примечательно, что на фоне попыток ограничения приема спутниковых телеканалов на территории Ирана, последний в свою очередь наращивает свой вещательный информационный потенциал. Так, в 2004г. Иран запустил 24-часовой англоязычный информационный канал «*Press TV*» с целью «...покончить с новостной монополией Запада и показать зрителям другую сторону ближневосточного конфликта»¹. Кроме того, любопытен факт выражения претензий Ирану со стороны *Radio Free Europe/Radio Liberty*, которое обеспокоено односторонней информационной войной Ирана с Азербайджаном. Издание пишет об иранском канале «*Sahar TV*», сигналы которого пересиливают внутренние сигналы в южных районах Азербайджана. «Иранский канал, в основном, транслирует передачи религиозного характера, тем самым экспортируя идеи исламской революции в Азербайджан. Иран незаконно оказывает воздействие на азербайджанскую публику, подрывая местную культуру и традиции», – отмечает издание².

3. Информационное воздействие на системы управления и принятия решений (гражданские, военные), гражданские и военные информационные инфраструктуры (телекоммуникационные, транспортные, финансовые, экономические и системы вооружений).

¹ См.: Иран начинает информационную войну. <http://www.izvestia.info/news/world/29935>.

² См.: Иран ведет с Азербайджаном одностороннюю информационную борьбу с целью подрыва местных традиций. <http://1news.az/world/20080710105047742.html>.

В качестве информационного оружия на этом направлении могут применяться высокоточные вооружения для поражения органов управления или отдельных радиоэлектронных средств, средства радиоэлектронного воздействия (борьбы), генераторы электромагнитных импульсов, программные вирусы и т.д.

В силу недостаточной информатизации этих систем в Иране, отсутствия средств и технологий противодействия и защиты, системы управления и принятия решений в ИРИ являются крайне уязвимыми. Анализируя опыт применения информационного оружия и технологий американцами в Югославии и Ираке, иранские специалисты, как отмечает российский аналитик В.Сурков, приходят к выводу о неготовности Ирана к ведению стратегической вооруженной борьбы и главную ставку делают на тактические формы и способы ведения боевых действий с массовым применением живой силы и традиционных видов вооружений и военной техники. Из иракского опыта следует, что такой подход является ошибочным. В современных условиях выигрывает та из воюющих сторон, которая обрабатывает информацию и оперативней принимает решение, а также воздействует на военные и гражданские информационные инфраструктуры с целью вывода их из строя и разрушения систем управления и принятия решения с одновременной защитой собственных информационных ресурсов.

В Исламской Республике Иран в сфере информационных и телекоммуникационных технологий, информационного противоборства работают:

1. **Высший совет по информационным технологиям и информационной политике.** Он создан решением парламента в апреле 2003г., состоит из нескольких комиссий, в состав которых входят представители различных министерств и ведомств. Главными задачами Совета являются: выработка концепции информационной политики государства, подготовка концепции формирования информационного общества в Иране, разработка и утверждение нормативных документов, регламентирующих деятельность государственных органов в сфере информационных технологий, реализация программы между-

народного сотрудничества Ирана в указанной области, внедрение информационных и телекоммуникационных технологий.

Секретариат и рабочие органы Совета размещаются в Министерстве связи и информационных технологий ИРИ (старое название Министерство почты, телеграфа и телефона).

Основные комиссии Совета:

Организационная комиссия. В ее состав входят представители Министерства связи и информационных технологий, Министерства науки, исследований и технологий, Министерства культуры и исламской ориентации, Министерства информации (безопасности), Министерства торговли, представители организации радио и телевидения, организации управления и планирования. В задачи комиссии входит административное управление Высшим советом, выработка основных целей и задач в информационной и телекоммуникационной сферах, вопросы расширения информационного и технического вещания, создание основ участия негосударственных организаций в развитии информационного и технического вещания, усиления роли Ирана на международной арене в области телекоммуникаций.

Специальная комиссия технической информации и исследований. В состав комиссии входят представители Министерства науки, исследований и технологий, Министерства промышленности, Министерства обороны, Министерства связи и информационных технологий, Министерства информации (безопасности), Министерства образования, Министерства здравоохранения, организации управления и планирования, представители компьютерных компаний, эксперты. Основные задачи комиссии заключаются в рассмотрении долгосрочных планов, координации фундаментальных исследований, выработке основ обеспечения защиты трудовых ресурсов, занятых в информационной и телекоммуникационной сферах деятельности, выработке плана создания национальной сети информационного вещания, поддержке, развитии и укреплении телекоммуникационной промышленности.

Специальная комиссия информационного вещания. В ее составе: представители Министерства культуры и исламской ориента-

ции, Министерства торговли, Министерства информации (безопасности), Министерства связи и информационных технологий, Министерства науки, исследований и технологий, Министерства здравоохранения, организации управления и планирования, эксперты, представители компьютерных компаний, национальной библиотеки. Задачи комиссии: утверждение основ и порядка информационного вещания в стране, обеспечение отбора выпускаемой информации, утверждение основ защиты информации, обеспечение взаимодействия государственных и негосударственных структур информационного вещания.

Специальная правовая комиссия. Состоит из представителей Министерства культуры и исламской ориентации, Министерства юстиции, Министерства торговли, Министерства промышленности, Министерства науки, исследований и технологий, Министерства связи и информационных технологий, организации управления и планирования, экспертов, представителей национальной библиотеки, судебной власти. Деятельность данной комиссии охватывает правовые и юридические аспекты информационного и телекоммуникационного вещания.

Специальная комиссия по информационной деятельности в сфере экономики и торговли, а также по вопросам электронной торговли. Членами этой комиссии являются представители Министерства торговли, Министерства промышленности, Министерства связи и информационных технологий, Министерства науки, исследований и технологий, таможи, национального банка, биржи, управления свободных экономических зон, организации управления и планирования, эксперты. Комиссия определяет основы и порядок информационного вещания по финансовым, экономическим и торговым вопросам.

2. Министерство культуры и исламской ориентации (МКИО) и подчиненная ему Организация культуры и исламских связей (ОКИС). Эти два ведомства являются главными пропагандистскими и контрпропагандистскими организациями, сфера деятельности которых распространяется как на территорию Ирана, так и на зарубежные страны.

На МКИО возложены также контрольно-цензорские функции надзора за деятельностью иранских СМИ и зарубежного журналистского корпуса в ИРИ, а также провайдеров Интернета в стране, цензура ввозимой в Иран печатной, кино- и видеопродукции, телематериалов, программного обеспечения.

3. Министерство связи и информационных технологий и работающая в его структуре Телекоммуникационная компания Ирана (*TELECOMMUNICATION COMPANY OF IRAN – TCI*).

Эти организации являются главными иранскими ведомствами, на которые возложены задачи организации всех видов связи и разработка и реализация программ управления страной с помощью связанной телекоммуникационной и информационной инфраструктуры (спутниковые, радиорелейные, волоконно-оптические и др. виды линий связи), развитие сотовой системы связи, увеличение числа телефонных линий и т.д.

На Министерство связи и информационных технологий возложена также задача «глушения» телевизионных и радиоканалов зарубежных электронных СМИ, ведущих подрывную пропагандистскую работу против исламского строя и правящего режима в Иране.

4. Министерство информации (безопасности) ИРИ. Основные задачи этой структуры в сфере информации – обеспечение безопасности национальных информационных и телекоммуникационных инфраструктур, сбор и добывание информации о планах и действиях враждебных Ирану стран в сфере информационного противоборства, борьба с особо опасными государственными преступлениями с применением информационных технологий, противодействие враждебному воздействию на информационные системы и другие объекты в стране.

5. Корпус стражей исламской революции (КСИР). Эта структура выполняет, в частности, задачи по физической охране наиболее важных объектов информационной и телекоммуникационной инфраструктур, проведению специальных информационных операций за рубежом (распространение выгодной Тегерану информации, слухов, документальных, информационных и пропагандистских материалов и т.д.).

В целом, можно констатировать, что Тегеран, особенно в последние 10 лет, является объектом мощного военно-политического давления со стороны США и их союзников. Используемые для этого поводы весьма многообразны. Это и вопросы «ядерного досье», и устремления Ирана в сфере современных военных технологий, в т.ч. ракетных, и поддержка Тегераном международного терроризма, и его связи с «Аль-Каидой», палестинскими экстремистскими организациями, и нарушение прав человека и др. Очевидно, что иранское руководство осознает угрозы безопасности страны в сфере информационного противоборства. Об этом свидетельствует как имеющаяся инфраструктура, призванная обеспечить безопасность Ирана от возможных информационно-психологических атак, так и многочисленные успешно проведенные иранской стороной информационные операции. Помимо того, власти Ирана постоянно выделяют значительные средства на ведение информационного противоборства. Так, в ноябре 2009г. парламент одобрил бюджет, предназначенный для «разоблачения нарушений прав человека со стороны США и Великобритании». На реализацию этого проекта Иран потратит \$20 млн. Эти деньги целиком пойдут на «...пробуждение внимания мирового сообщества к многочисленным нарушениям прав человека со стороны этих двух стран и поддержку прогрессивных движений, которые выступают против незаконных действий американского и британского правительств». Часть этих денег пойдет также на «...разоблачение заговора англосаксов, направленного на свержение режима действующего президента Махмуда Ахмадинежада». «Британо-американский заговор против исламского режима» состоял, по мнению представителей Министерства разведки, в попытке свержения в июне-июле 2009г. после объявления официальных итогов президентских выборов законно избранного президента страны¹.

Турция. После Холодной войны Турция, как член военно-политического блока НАТО и в качестве стратегического союзника США в регионе, была вовлечена в разные конфликты, в том числе в

¹ См.: Иран сформировал бюджет «информационных войн»: <http://evrazia.org/news/10640>.

Боснии, Косово и, в последнее время, в Афганистане. Из этого следует, что Турция обладает достаточным опытом участия в проведении информационных операций военного назначения в рамках НАТО и имеет доступ ко всем западным разработкам в данной области.

Сегодня специальные информационные операции при задействовании малых мобильных сил позволяют отдельным государствам достигать своих целей. Турция приспособила инструментарий информационного противоборства к собственной специфической ситуации и применяет информационное оружие как в гражданских, так и в военных целях. В частности, в открытых источниках наиболее часто встречается упоминание двух основополагающих документов, регламентирующих ведение информационного противоборства в приложении к Турции – это полевые уставы (*Feald Manuals*) МТ 411-1 и МТ 145-1, однако сколь-либо подробного описания данных документов в открытых источниках обнаружить не удалось. Вместе с тем в последних доступных исследованиях турецких экспертов (2009г.) в области информационного противоборства указывается на необходимость пересмотра отдельных положений имеющих в обращении инструкций и наставлений по реализации информационных операций для Турции, исходя из новейших разработок в данной области и отраженных в объединенной публикации 3-13 Информационные операции (*Joint Publication 3-13*), созданной в 2006г. Из этого следует, что Турция несколько отстает от своих союзников по блоку НАТО и в первую очередь от США в деле внедрения последних разработок в области ведения информационного противоборства¹.

Одним из основных критериев успеха в осуществлении информационной политики государства турецкие исследователи считают реализованную в Турции систему взаимодействия между университетами и прочими научно-образовательными организациями, гражданскими структурами, военными и правительственными ве-

¹См.: *Ali Can Kucukozyi*, Electronic Warfare (Ew) Historical Perspectives And Its Relationship To Information Operations (Io)-Considerations For Turkey. <http://handle.dtic.mil/100.2/ADA457350>.

домствами. По мнению турецких экспертов, подобный отлаженный механизм крайне важен для успеха, поскольку число субъектов, вовлеченных в процесс принятия решений, увеличилось наряду со сложностью этого процесса и позволяет через координацию, синхронизацию и интеграцию всех различных компонентов сосредотачиваться на реализации общенациональных целей.

Из всего спектра вопросов относительно систем ведения информационного противоборства турецкие специалисты выделяют следующие направления и преимущества в применении информационных операций:

- *Системы воздействия на принятие решений.* Процессы принятия решений – источник любого действия в экономической, военной или политической сфере. Воздействие на эти процессы актуально в течение и войны, и мира. Поскольку конечная цель информационных операций должна влиять на процессы принятия решений противника и защитить собственный процесс принятия решений, эта гибкость дает информационным операциям очень широкую область действия.

Можно предположить, что для реализации данного пункта разные турецкие структуры проводят конкретную работу по созданию баз данных психологических портретов лидеров потенциальных противников и действующих оппонентов, проводят разработки по созданию инструментария воздействия на принимающих решения и проводят мероприятия по защите собственных систем от внешнего воздействия.

- *Осуществление информационных операций с интеграцией и синхронизацией элементов политической, экономической, военной и информационной сфер для достижения должного превосходства.*

Реализация данного пункта предполагает дальнейшее усовершенствование принципов взаимодействия различных государственных (как военных, так и гражданских) и негосударственных структур для ведения единой инфополитики и достижения должного результата.

- *Информационные операции, в отличие от активных военных действий, могут применяться также в мирное время, в предвоенный период, во время войны, после войны и т.д. Данный аспект применения информационных операций позволяет избегать неблагоприятных последствий войны, таких как косвенный ущерб, чрезмерные жертвы среди гражданского населения и пр.*

На данный момент наибольшей проблемой с точки зрения прямого ущерба от активных боевых действий для турецкого руководства является РПК (Рабочая партия Курдистана). Реализация различных информационных операций, направленных на дискредитацию в глазах мировой общественности и внутренней аудитории как самой партии, так и ее лидеров, навешивание ярлыков «терроризма», оправдание несоразмерного применения военной силы против РПК, угроза становления курдской государственности в Ираке и пр. по всей видимости, будут продолжать оставаться приоритетным направлением структур информационного противоборства Турции.

- *Комплекс поддержки реализации внешней политики и системы внутренних связей с общественностью при помощи информационных операций, используя политические и дипломатические ресурсы.*

Данный аспект представляется особо актуальным в вопросах нормализации отношений Турция – Армения и возможном разрешении Карабахского конфликта. Учитывая, что Карабахский конфликт и отношения Азербайджана, Турции и Армении значатся также среди десяти приоритетов турецкой разведки¹, можно предположить, что Турция будет продолжать применять всевозможные дипломатические и политические площадки для обеспечения своего превосходства в данном вопросе. В частности, постоянные попытки увязывания процессов нормализации отношений Турция – Армения с решением Карабахского кон-

¹ См.: Десять приоритетов турецкой разведки в мире:
<http://www.turkishnews.ru/news/646.html>.

фликта, различные процессы, нацеленные на поддержку Азербайджана, процессы, направленные на отрицание факта Геноцида армян 1915г., а также всевозможные провокации с целью «вбивания клина» между Арменией и ее диаспорой обусловлены, среди прочего, обозначенным приоритетом ведения информационного противоборства Турцией.

Среди основных проблем применения информационного оружия в полном масштабе турецкие эксперты отмечают следующие актуальные проблемы:

- *Образование и кадровый потенциал.* Образование и обладание должным количеством квалифицированных кадров затрудняется ввиду того, что проведение информационных операций предполагает задействование не только военных, но и различных гражданских и общественных структур.
- *Несмотря на то, что Турция является членом НАТО и обладает значительным опытом участия и проведения информационных операций, до сих пор в различных военных инстанциях нет должного понимания места, роли, методов и средств ведения информационного противоборства.*
- *Ведение информационных операций не может быть полностью описано типовыми правилами и наставлениями и постоянно может меняться в зависимости от поставленных целей.*
- *Существует перечень неразрешенных вопросов субординации и согласования действий различными инстанциями, что может повлечь за собой потерю времени в процессе принятия решения и в результате привести к потере превосходства над врагом.*
- *Военные и гражданские ведомства все более активно применяют продукты технического прогресса, что увеличивает их уязвимость со стороны потенциального противника.*

Из вышеописанного следует предположить, что Турция активно ведет работу по усовершенствованию своих систем информационного противоборства, перенимая опыт своих союзников по НАТО и в первую очередь США, при этом обеспечивая адаптацию методов информационного противоборства под собственные нужды. Однако, несмотря на масштабность данного процесса, открытая информация об имеющемся у Турции организационном аппарате, технических средствах, системе подготовки кадров и пр. компонентов систем информационного противоборства весьма скудна. Вероятно, Турция предпринимает определенные шаги по предотвращению доступа к данной информации и предпочитает ограничиваться общим упоминанием собственных систем информационного противоборства без определенной конкретики. Из имеющейся и представленной выше информации следует, что Турция значительно продвигается в вопросе создания и поддержания систем информационного противоборства, хоть и несколько отстает от своих союзников по НАТО. Активное вовлечение гражданских научно-исследовательских и образовательных учреждений позволяет адаптировать имеющиеся на вооружении у Турции разработки в деле ведения информационного противоборства под конкретные нужды и исходя из специфики объектов нападения либо защиты. Данный подход представляется весьма целесообразным, так как позволяет более детально готовить информационные операции, основываясь на узких и специфических исследованиях гражданских структур и увеличивая поражающий потенциал информационного оружия.

Азербайджан. Информацию относительно системных разработок Азербайджана в области информационного противоборства, а также документов, регламентирующих данную сферу деятельности и описывающих основные направления реализации официальной информационной политики Азербайджана и ее организационного аппарата, в открытых источниках обнаружить не удалось. Одним из немногих правовых актов с упоминанием вопросов информацион-

ной безопасности является закон Азербайджанской Республики «О национальной безопасности», 20-ая статья которого посвящена «Обеспечению национальной безопасности Азербайджанской Республики в информационной сфере»¹. Статья состоит из 8-и подпунктов и описывает вопросы безопасности Азербайджана в данной сфере весьма скудно и поверхностно. Что же касается исключительно информационно-технического аспекта вопроса, то в Азербайджане в 2009г. утверждены и действуют национальные стандарты по информационной безопасности².

Вместе с тем, учитывая значительную активность Азербайджана в информационной сфере и продолжающееся активное противостояние с Арменией, можно предположить, что вопрос официальной регламентации сферы информационного противоборства является вопросом времени, и на данный момент неформально действует определенная организационная структура, продвигающая интересы Азербайджана в информационном пространстве. На сегодня Азербайджан обладает широкой сетью различных гражданских структур, диаспорских организаций и информационных ресурсов, основная миссия которых – антиармянская пропаганда на всех доступных площадках и всеми возможными средствами в различных сферах. Перечислим и разберем некоторые основные сферы информационного противоборства, проводимого Азербайджаном в отношении Армении:

Историческая и культурная сфера. В данной сфере основной задачей азербайджанской информационной политики является «доказать», что армяне, в отличие от азербайджанцев, не являются коренным народом региона, а также переиначить исторические факты и события в угодном Азербайджану свете. Эта политика, как правило, сопровождается многочисленными публикациями всевозможных «научных» трудов, интервью, телефильмов и пр., где раз-

¹ См.: Закон Азербайджанской Республики «О Национальной Безопасности»: http://www.mns.gov.az/nslawcp3_ru.html.

² См.: Утверждены национальные стандарты Азербайджана по информационной безопасности: <http://www.newsazerbaijan.ru/economic/20090519/42867592.html>.

личные «эксперты» представляют «истинные данные» об исторических фактах в азербайджанской интерпретации. За отсутствием реальных фактов, исторические данные, как правило, фальсифицируются¹. Данная политика осуществляется на всех уровнях коммуникации, включая публикации на всех официальных сайтах государственных органов власти, попытки внедрения своих продуктов в международные издания и открытые энциклопедические ресурсы и даже в школьные учебники. Так, из-за серьезного противостояния между азербайджанскими и армянскими авторами модераторы Википедии (свободной сетевой энциклопедии) были вынуждены перевести из режима свободного редактирования в закрытый режим многие статьи ресурса относительно Армении, Карабаха, карабахской войны, различных исторических событий и пр. Аналогичная борьба развернулась также относительно различных географических названий, в которой Азербайджанская пропаганда всячески пытается приписывать населенным пунктам и географическим местностям свои названия. Все данные действия сопровождаются полным уничтожением следов армянской культуры на контролируемых Азербайджаном территориях либо прямым присваиванием армянских культурно-исторических памятников.

Азербайджан пытается проводить дискредитирующие Армению действия также в, казалось бы, совсем нейтральных областях, как то поп-культура и кулинария. В частности, довольно часто различные армянские исполнители и композиторы подвергаются нападкам со стороны азербайджанских информационных ресурсов за

¹ См.: Фальсификация истории Азербайджана азербайджанцами: <http://www.lerstars.ru/074928/1/Falsifikatsiya-Istorii-Azerbaydzhana-Azerbaydzhantsami>;
Депутат парламента НКР: ложь, фальсификации, непостоянство наряду с шантажом и провокациями, возведены в ранг государственной политики Азербайджана: http://www.karabah88.ru/press2008/12/1202_lozh_falsifikacii.html;
Михаил Мельтюхов, Алла Тер-Саркисянц, Георгий Трапезников, Исторические фальсификации с политической подоплекой. В Азербайджанской Республике на государственном уровне фальсифицируется история Закавказья: <http://www.sumgait.info/caucasus-conflicts/historical-falsifications/historical-falsifications-1.htm>;
Ходжалы: Хроника невиданного подлога и фальсификаций. <http://www.xocali.net/RU/index.html>.

якобы «присвоенные мотивы» исконно азербайджанских мелодий¹, а азербайджанский популярный журнал «*ISR*» однажды разместил объемный материал, в котором некий «эксперт» подвергает сомнению принадлежность тех или иных блюд к традиционной армянской кухне². В данном деле азербайджанской пропаганде оказывают поддержку всевозможные «научно-образовательные» учреждения как государственного, так общественного характера. Учитывая, что подавляющее большинство «экспертов», выступающих в качестве коммуникаторов в данном процессе, формально являются учеными с различными званиями и степенями, можно предположить, что данная политика является государственной политикой Азербайджана и всячески поощряется на всех уровнях власти.

Конечной целью данного процесса видится полная фальсификация исторических данных о происхождении армянского и азербайджанского этносов и государств с целью дискредитации армянства в историко-культурном аспекте – как «...пришлого народа, не имеющего своей культуры» – и продвижения определенных идей самоидентификации для азербайджанского народа, с которой у него значительные трудности по объективным историческим причинам. Помимо этого, полная фальсификация исторических фактов преследует цель представить армян и Армению как «агрессоров, на протяжении десятка лет притесняющих Азербайджан и совершивших ряд преступлений в отношении азербайджанского народа вплоть до геноцидов», при этом пробуя завуалировать, умолчать или прямо отрицать реальные преступления против армянства, как то Геноцид армян 1915 года, армянские погромы в Баку и Сумгаите, военные преступления против гражданского населения Нагорного Карабаха

¹ См.: Армяне продолжают «нагло присваивать» азербайджанские «мелодии и изделия ручной работы»: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1140684900>;

Армяне присвоили себе песню Антиги Али-заде «Гянджа»:

<http://www.day.az/news/culture/100152.html>;

Вагиф Самедоглу: «Армяне присвоили песню «Сене де галмаз», и хорошо сделали»:

<http://www.news.mylove.az/show/Vagif-Samedoglu-Armjane-prisvoili-pesnju-Sene-de-galmaz-i-horosho-sdelali-potomu-htoj-uzhe/>.

² См.: Разъяснения к некоторым заблуждениям: <http://www.irs-az.com/pdf/090619220451.pdf>.

и пр., совершенные в разное время самим Азербайджаном и его «старшим братом» – Турцией.

Экономическая сфера. В данной сфере основная задача информационных действий Азербайджана видится в пропаганде своего экономического потенциала, развития и превосходства и параллельная дезинформация о якобы «катастрофическом положении экономики Армении», а также дискредитация экономической политики армянского государства. При этом данный вопрос непосредственно привязывается к проблеме урегулирования вопроса Нагорного Карабаха. Так, одним из тезисов пропаганды Азербайджана в данной сфере является постоянно повторяемое утверждение о том, что экономический потенциал Азербайджана и, как следствие, нарастающий военный бюджет позволяет решить карабахский вопрос военным путем, т.е. возобновлением активных боевых действий. В то же самое время «добровольный отказ от территориальных притязаний к Азербайджану и сдача Карабаха и окружающих его районов позволят Армении преодолеть изоляцию и вызванный ею экономический упадок». Данные тезисы направлены как на внутреннюю, так и на внешнюю аудиторию и, помимо прочего, призваны деморализовывать армянскую общественность, с одной стороны, и уверить собственное население в экономической мощи своей страны – с другой.

Политическая сфера. В этой сфере информационные действия Азербайджана сводятся к дискредитации политических лидеров Армении и проводимой властями как внутренней, так и внешней политике. Основными темами здесь являются внутривнутриполитические вопросы Армении в контексте противостояния власть – оппозиция; вопросы политического устройства армянской государственности; вопросы нормализации отношений Турция – Армения и в этом контексте – взаимоотношения Армения – Диаспора; вопросы урегулирования Карабахского конфликта и пр. При этом в жанровом отношении азербайджанская сторона в данном вопросе часто прибегает к созданию и распространению материалов иронического и саркастического характера, как, например, действующая на портале

www.day.az рубрика «Анекдоты об армянском МИД-е»¹.

По наблюдениям автора, основным тактическим инструментом азербайджанских структур в деле комментирования и интерпретации происходящих политических событий является высокая скорость реагирования, элементы сенсационности в заголовках или содержании материалов, наличие нужного числа необходимых «экспертов» в качестве коммуникаторов и значительное тиражирование произведенного продукта на различных площадках.

Информационная сфера. В данной сфере основные действия Азербайджана направлены на увеличение количества и качества своих информационных ресурсов с целью доминирования в информационном пространстве. Этот вопрос находится в центре внимания правящей элиты, о чем свидетельствуют многочисленные проекты в информационной сфере, реализуемые государственными органами власти, а также различными фондами, наиболее активными из которых являются Фонд государственной поддержки развития СМИ Азербайджана при администрации президента и Фонд имени Гейдара Алиева², который возглавляет супруга президента Азербайджана. В Азербайджане и за его пределами производятся, тиражируются и распространяются многочисленные медийные продукты (печатные издания, теле-, видео- и фотоматериалы, сетевые ресурсы, мультимедийная продукция и пр.) на разных языках, призванные продвигать азербайджанскую пропаганду по различным вопросам, в том числе по Карабахскому. Наряду с собственной продукцией, Азербайджан прилагает значительные усилия и вкладывает внушительные средства для размещения своих материалов или подготовки продуктов в своих интересах на иностранных и международных информационных площадках (как открытых, так и коммерческих).

Значительное место в Азербайджане уделяется интернет-технологиям, ресурсы которых активно используются для размеще-

¹ См.: Day.Az – Все новости Азербайджана . Анекдоты об армянском МИД-е: <http://www.day.az/news/anekdote/>.

² См.: Фонд имени Гейдара Алиева. Официальная страница: http://www.heydar-aliyev-foundation.org/index_r.html.

ния пропагандистских материалов и влияния на различные целевые аудитории. Для консолидации азербайджанского элемента в глобальной сети, а также с целью координации действий пользователей за пределами Азербайджана активно создаются и используются всевозможные социальные сети и сетевые сообщества.

В области телеиндустрии также наблюдается значительная активность. Так, в декабре 2009г. состоялась презентация нового спутникового телеканала «*ATV International*» («*ATV Int*»), «*который будет вещать на 4 языках – армянском, фарсидском, английском и русском языках. Новости будут выходить два раза в день, по 12-15 минут на каждом языке. Основная задача телеканала – пропаганда истории и культуры Азербайджана, а также всей правды о причинах Карабахского конфликта, армянской оккупации в отношении Азербайджана*»¹.

Военная сфера. В данном направлении основные задачи информационной политики Азербайджана – распространение информации относительно «*превосходства своих Вооруженных Сил и полного упадка и деградации, царящих в рядах ВС РА*». Основные тезисы азербайджанской стороны в этом вопросе – оборонный бюджет Азербайджана, «сравнимый с бюджетом всей Армении»; развитие своего оборонного комплекса; численность и качество своего вооружения и кадрового состава, а также мобилизационный потенциал и т.п. Вместе с тем активно распространяются всевозможные аналитика, комментарии, интервью и прочие информационные продукты с утверждениями относительно якобы продолжающемся разложении ВС Армении, преступности и коррупции, снижении морального и боевого духа, проблем с призывом на срочную службу и пр.

Часто применяемым инструментом в деле продвижения данных тезисов являются оказавшиеся по тем или иным причинам в азербайджанском плену гражданские лица и военнослужащие Вооруженных Сил Армении². Исходя из многолетнего опыта работы на

¹ См.: В Азербайджане открыт телеканал, который будет вещать и на армянском: http://news.bakililar.az/news_v_azerbayjane_otkryt_29597.html.

² См.: Армяне находящиеся в Азербайджане: <http://www.youtube.com/watch?v=J1jo8oc4TxY&feature=related>.

телевидении, а также в системе информации и пропаганды ВС, РА автор предполагает, что большинство «интервью», данных пленеными армянскими военнослужащими, получены либо под значительным психологическим давлением, либо обманным путем – с обещаниями отправки в третьи страны.

Помимо основных упомянутых сфер, Азербайджан наращивает свое информационное воздействие также в *экологической, духовной* и других сферах. Основные тезисы антиармянской пропаганды Азербайджана можно представить следующим образом¹:

- Армения находится на грани экономического коллапса, население голодает и готово на любые уступки ради спасения от голодной гибели.
- Армянская армия разлагается, солдаты поголовно бегут на азербайджанскую сторону, растут коррупция и преступления, моральный и боевой дух находится на критически низком уровне.
- Армения не только готова к сдаче освобожденных территорий, но уже начала мероприятия по выводу войск, строится новая заградительная линия на границах бывшего НКАО.
- Население Нагорного Карабаха готово жить в составе Азербайджана, карабахцы не хотят связывать свое будущее с голодной Арменией.
- Армения переживает демографический упадок, негативные последствия которого нарастают с каждым годом.

Параллельно с этими тезисами используются антитезисы, направленные на то, чтобы укрепить позитивный образ Азербайджана как для внутреннего, так и для внешнего потребителя. Так, в основном параллельно с антиармянскими тезисами, для усиления их влияния, вбрасываются следующие:

¹ См.: *Мартirosян С.*, Пропагандистская машина Азербайджана: новые тенденции: <http://www.noravank.am/ru/?page=analitics&nid=2300>; Ադրբեյջանի հակահայկական տեղեկատվական համակարգը, «Նորավանք» ԳԿՀ, 2009 (Антиармянская информационная система Азербайджана, НОФ «Нораванк», 2009)

- Несмотря на мировой экономический кризис, экономика Азербайджана продолжает демонстрировать рост.
- Азербайджанская армия крепнет год от года, увеличивается финансирование армии, которое сопоставимо со всем годовым бюджетом Армении. Развивается военно-промышленный комплекс Азербайджана, закупаются современные наступательные вооружения.
- Азербайджан не может вечно ждать и вести переговоры. Если уже в ближайшее время Армения не пойдет на компромиссы, то азербайджанская сторона начнет военные действия, которые приведут к быстрому освобождению Нагорного Карабаха от армянской оккупации.
- В случае решения карабахского вопроса Азербайджан готов вложить большие средства в восстановление Нагорного Карабаха.
- Азербайджан усиленно развивается во всех направлениях. Растет также и население, которое в начале 2010г. перевалило через отметку в 9 млн. человек.

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что основная цель пропаганды Азербайджана сводится к дискредитации исторических, культурных, духовных ценностей Армении и армянского народа, его общественно-политических институтов, государственных органов власти и проводимой ими политики, политических и духовных лидеров в глазах как внешних, так и внутренних целевых аудиторий; делается попытка насаждения упаднических настроений в армянской среде, ощущения безысходности, недоверия к властям, бесперспективности разрешения карабахского вопроса в пользу армянства, страха и пораженчества в случае возобновления активных боевых действий и т.д. Параллельно с этим проводятся попытки преодоления собственных пораженческих настроений посредством создания «образа врага» в лице армян и армянского государства, сплочения азербайджанцев вокруг идеи «мщения» и реванша и убеждения в собственном культурном, экономическом, военном и пр. превосходстве.

**СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Составитель и главный редактор
Гагик Арутюнян

Редактор
Лилит Меликсетян

Переводчик
Лилит Меликсетян

Технический редактор
Лусине Баграмян

Научно-образовательный фонд «Нораванк»
РА, 0026, Ереван, Гарегина Нжде 23/1
Веб-сайт: www.noravank.am
E-mail: office@noravank.am
Телефон/факс: +(374 10) 44 04 73

Бумага офсетная. Формат 60X84 1/16.
Тираж 300 экз. Шрифт: Sylfaen
Типография ООО «ГАСПРИНТ»